

№ 3, Том 8
2017

DOI: 10.19181/vis.2017.22.3

ВЕСТНИК *Института*
СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik.isras.ru

Тема номера:

**Основания
идентичности**

/Маркеры,
отграничивающие российское
культурно-историческое
пространство

/Изменение набора профессий
в связи с развитием IT-технологий

/Свободное время рабочих –
стратегический ресурс
национальной безопасности

Состав международного редакционного совета

Председатель:

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного института международных отношений (МГИМО-Университета) МИД РФ, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН;

ГАВРИЛЮК Вера Владимировна – доктор социологических наук, профессор кафедры «Маркетинг и муниципальное управление» Института менеджмента и бизнеса Опорного Тюменского индустриального университета;

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН;

КИВИНЕН Марку – доктор философии, директор Александровского института Хельсинкского университета (Финляндия);

КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель отдела социологии образования Центра социологии образования, науки и культуры Института социологии ФНИСЦ РАН;

КОСЕЛА Кшиштоф – профессор Института социологии Варшавского университета (Польша);

КРАСИН Юрий Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель отдела анализа социально-политических процессов Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН;

КРУММ Райнхардт – доктор философии, профессор Регенсбургского университета (Германия);

ЛАПИН Николай Иванович – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН;

МИНЗАРИПОВ Ряз Гатауллович – доктор социологических наук, профессор, Первый проректор и заведующий кафедрой социологии Казанского (Приволжского) Федерального университета, Почётный работник высшего профессионального образования РФ;

МИТРОВИЧ Любиша – профессор, директор Института социологии Университета г. Ниш (Сербия)

МОРГАН Джон Уильям – доктор философии, профессор Ноттингемского университета (Великобритания);

НЕМИРОВСКИЙ Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, заведующий отделением социологии и общественных связей Института психологии, педагогики и социологии Сибирского федерального университета;

ПАН Давэй – доктор социологических наук, профессор, директор Центра по изучению России Шанхайской академии общественных наук (Китай);

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии департамента социологии факультета социальных наук НИУ-ВШЭ, Ординарный профессор НИУ-ВШЭ;

ЛИ Пэй Лин – академик КАОН, профессор, вице-президент Китайской академии общественных наук (Китай);

САРАЛИЕВА Зарэтхан Хаджимурзаевна – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского;

СКВОРЦОВ Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, проректор по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета, декан факультета социологии СПбГУ;

ТАМАШ Пал – профессор, академик Венгерской академии инженерных наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Венгерской академии наук (Венгрия));

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, профессор-исследователь факультета экономических наук НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН;

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, главный редактор научного журнала «Социологические исследования»;

ЧУЛУУНБААТАР Гэлэгпил – академик Академии наук Монголии, профессор, директор Монгольской Академии управления (Монголия).

International Advisory Board

Head of the Board:

KRAVCHENKO Sergei A., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Head of the Department of Sociology of MGIMO-University of the Russian Foreign Ministry, Main Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)

Members of the Board:

CHULUUNBAATAR Gelegpil, academician of the Academy of Sciences of the MPR, Professor, Director, Academy of Management MPR (Mongolia)

DROBIZHEVA Leocadia M., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of the Center for the Study of Inter-Ethnic Relations, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)

GAVRILYUK Vera V., Dr. Sci. (Sociol.), Professor of the Department of Marketing and Municipal Administration, Institute of Management and Business, Tyumen Industrial University (Russia)

KIVINEN Markku, Professor of Sociology, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Finland)

KONSTANTINOVSKY David L., Dr. Sci., (Sociol.), Professor, Main Researcher, Head of the Department of Sociology of Education, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)

KOSEŁA Krzysztof, Professor of the Institute of Sociology, University of Warsaw (Poland)

KRASIN Yuri A., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Main Researcher, Head of the Department for the Analyzes Social and Political Processes of the Center for Political Science and Political Sociology, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)

KRUMM Reinhard, Dr. Sci. (Hist.) Professor of the University of Regensburg (Germany)

LAPIN Nikolai I., Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Dr. Sci., (Philos.), Professor, Head of the Center for the Study of Social and Cultural Changes, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russia)

MINZARIPOV Riyaz G., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Vice-Rector for Educational Activity, Head of the Department of Sociology, Kazan (Volga region) Federal University

MITROVIĆ Ljubilьa, Professor, Director of the Institute of Sociology, the University of Nis (Serbia)

MORGAN John W., Ph.D., Professor of the University of Nottingham (UK)

NEMIROVSKIY Valentin G., Dr. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Sociology and Public Relations of the Institute of Psychology, Pedagogic and Sociology, the Siberian Federal University (Russia)

LI Peilin, Full Academician, Professor, Vice-President of the Chinese Academy of Social Sciences (China)

PAN Dawei, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Director of Centre for Russian Studies, Shanghai Academy of Social Sciences (China)

POKROVSKY Nikita E., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Tenured Professor of High School of Economy, Head of the Department of General Sociology of the Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics (Russia)

SARALIEVA Zaretkhan M., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of the Department of General Sociology and Social Work of the Faculty of Social Sciences, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia)

SKVORTSOV Nikolay G., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Dean of the Faculty of Sociology, St. Petersburg University (Russia)

TAMASH Pal, Professor, Academician of the Hungarian Academy of Engineering Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology, Hungarian Academy of Sciences (Hungary)

TIKHONOVA Natalia Ye., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Research Professor at the National Research University Higher School of Economics, Main Researcher of the Center for Complex Social Studies, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)

TOSCHENKO Zhan T. Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci., (Philos.), Professor, Main Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Editor in Chief of the Scientific Journal «Sociological Researches» (Russia)

Состав Редколлегии

Главный редактор:

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор ФНИСЦ РАН;

Заместители главного редактора:

ГОЛЕНКОВА Зинаида Тихоновна – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, руководитель научно-образовательного Центра Института социологии ФНИСЦ РАН;

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора Института социологии ФНИСЦ РАН, заведующая Центром лонгитюдных исследований Института социальной политики НИУ-ВШЭ;

ХАЛИЙ Ирина Альбертовна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора изучения социокультурного развития регионов России Центра социологии образования, науки и культуры Института социологии ФНИСЦ РАН.

Ответственный секретарь:

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, научный сотрудник Центра социологии образования, науки и культуры Института социологии ФНИСЦ РАН.

Редактор:

АМЕЛЬКИНА Ольга Александровна – старший редактор Редакционно-издательского отдела Института социологии ФНИСЦ РАН.

Члены:

АКИМКИН Е. М. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социологии управления Института социологии ФНИСЦ РАН;

БЫЗОВ Л. Г. – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН;

ГОФМАН А. Б. – доктор социологических наук, профессор кафедры общей социологии департамента социологии факультета социальных наук НИУ-ВШЭ, Ординарный профессор НИУ-ВШЭ, главный научный сотрудник Центра теоретических и историко-социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН;

ДАНИЛОВА Е. Н. – кандидат социологических наук, руководитель Центра теоретических и историко-социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, вице-президент Европейской социологической ассоциации (ESA);

ДЕНИСОВСКИЙ Г. М. – кандидат философских наук, заведующий сектором методологии исследования социальных процессов Центра методологии социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН;

ЖВИТИАШВИЛИ А. Ш. – ведущий научный сотрудник Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии ФНИСЦ РАН;

ЗУБОК Ю. А. – доктор социологических наук; профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований РАН;

КЛЮЧАРЕВ Г. А. – доктор философских наук, профессор, руководитель Центра социологии образования, культуры и науки Института социологии ФНИСЦ РАН;

МАРКИН В. В. – доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра региональной социологии и конфликтологии Института социологии ФНИСЦ РАН;

ПАТРУШЕВ С. В. – кандидат исторических наук, заведующий отделом сравнительных политических исследований Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН;

РЫЖОВА С. В. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН;

ЯХИМОВИЧ З. П. – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН.

Editorial Board

Editor in Chief:

GORSHKOV Mikhail K., Academician, Director, FCTAS RAS;

Deputy Chief Editors:

GOLENKOVA Zinaida T., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Head of the Education and Training Center, Institute of Sociology of the FCTAS RAS;

KOZYREVA Polina M., Dr. Sci. (Sociol.), Deputy Director, Institute of Sociology of the FCTAS RAS; Director, Center of Longitude Studies of the National Research University Higher School of Economics (Russia);

KHALIY Irina A., Dr. Sci., (Sociol.), Main Researcher, Head of sector for the study of socio-cultural development of Russian regions, Institute of Sociology of the FCTAS RAS.

Executive secretary:

PODYACHEV Kirill V., Cand. Sci. (Polit.), Scientific Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS.

Editor:

AMEL'KINA Olga A., Scientific researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS.

Members of the Board:

AKIMKIN Yevgeniy M., Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS;

BYZOV Leontiy G., Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS;

DANILOVA Elena N., Cand. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Theoretical Analysis of Social Transformations, Institute of Sociology of the FCTAS RAS;

DENISOVSKIY Gennadiy M., Cand. Sci. (Philos.), Head of the Sector of Methodology of Social Processes Research;

GOFMAN Alexander B., Dr. Sci., (Sociol.), Professor of Department of General Sociology of the National Research University Higher School of Economics, Main Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS;

KLIUCHAREV Grigory A., Dr. Sci., (Philos.), Head of the Center of Sociology of Education, Science and Culture, Institute of Sociology of the FCTAS RAS;

MARKIN Valeriy V., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Head of the Department of Regional Sociology and Conflictology, Institute of Sociology of the FCTAS RAS;

PATRUSHEV Sergei V., Cand. Sci (Hist.), Head of the Department of Comparative Political Researches, Institute of Sociology of the FCTAS RAS;

RYZHOVA Svetlana.V., Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS;

YAKHIMOVICH Zinaida P., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Main Researches, Institute of Sociology of the FCTAS RAS.

ZHVITIASHVILI Anatoliy Sh.; Cand. Sci (Hist.), Leading Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS;

ZUBOK Julia A., Dr. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Sociology of Youth, Institute of Social and Political Studies of RAS (Russia).

Содержание

<i>Халий И. А.</i> Представляю номер	9
Тема номера: «Основания идентичности»	12
<i>Кузнецов И. М.</i> Ценностные маркеры культурно-исторической идентичности россиян	12
<i>Макарова Г. И.</i> Этноязыковое поведение молодых казанцев (по материалам полужформализованных интервью).....	32
Социология образования: современные реалии	53
<i>Пузанова Ж. В., Гаспаришвили А. Т., Ларина Т. И.</i> Образовательные тренды современной российской молодёжи	53
<i>Ключарев Г. А., Чурсина А. В.</i> Малые научные предприятия как фактор конкуренции университетов	69
Бюджет времени	98
<i>Караханова Т. М., Большакова О. А.</i> Общее и особенное в использовании времяресурса повседневной жизни у рабочих разного возраста.....	98
О новых научных публикациях.....	137
<i>Харитонов Е. М., Хунагов Р. Д.</i> Рецензия на монографию «Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / под редакцией Ж. Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016	137

Contents

<i>Khaliy I. A.</i> Presenting This Issue	9
The Theme of the Issue: “Grounds of Identity”	12
<i>Kuznetsov I. M.</i> The Value Markers of Russians’ Cultural and Historical Identity	12
<i>Makarova G. I.</i> The Ethno-Linguistic Behavior of Kazan’s Young Residents (Based on Materials from Half-Formalized Interviews).....	32
Sociology of Education: Modern Trends	53
<i>Puzanova J. V., Gasparishvili A. T., Larina T. I.</i> Educational Trends Among Contemporary Russian Youths.....	53
<i>Kliucharev G. A., Chursina A. V.</i> Small Scientific Enterprises as a Factor of Rivalry Among Universities	69
Time Budget	98
<i>Karakhanova T. M., Bolshakova O. A.</i> The Common and the Particular in Using the Time-Resource of Everyday Life Among Workers of Various Ages	98
About New Scientific Publications	137
<i>Kharitonov E. M., Khunagov R. D.</i> Review of the Monograph: The Senses of Rural Life (The Experience of Sociological Analysis). Ed. by J. T. Toschenko. Moscow, 2016	137

**И. А. Халий,
заместитель главного редактора журнала
«Вестник Института социологии»**

Представляю номер

Как ни парадоксально, но в эпоху глобализации, призванной (по социологической и политологической теории) унифицировать весь мир, со всей очевидностью обнажились стремления различных сообществ и целых стран определить (а то и сформировать) свою идентичность. Именно в этой связи актуальность темы номера [«Основания идентичности»](#) не вызывает сомнений. В статье [И. М. Кузнецова \(Москва\) «Ценностные маркеры культурно-исторической идентичности россиян»](#) проблема определяется как противоречие между широкой поддержкой россиянами некоторого набора традиционалистских ценностных императивов на самом общем, абстрактном уровне и столь же распространённый отход от этих ценностных предписаний на уровне повседневных практик. Автор строит анализ на данных опросов населения, проведённых в шести регионах России по проекту «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии». Общий вывод статьи состоит в том, что модернизация интерпретации ценностных принципов на инструментальном уровне приводит к тому, что ценностные императивы обобщённого уровня постепенно перестают выполнять функцию собственно императивов и начинают функционировать как своеобразные маркеры, отграничивающие российское культурно-историческое и даже цивилизационное пространство.

В статье [Г. И. Макаровой \(Казань\) «Этноязыковое поведение молодых казанцев \(по материалам полуформализованных интервью\)»](#) рассматривается, как произошедшие в постсоветский период в Татарстане изменения в статусе татарского языка и введение его обязательного преподавания в школах республики сказываются на этноязыковом поведении молодых казанцев. Статья строится на текстах 20 полуформализованных (с элементами биографических) интервью с татарами и русскими 18–29 лет. Главный вывод заключается в том, что последние два с половиной десятилетия реформ в Татарстане кардинально не изменили ситуацию с функционирова-

нием в регионе татарского языка. Он не стал равным с русским языком общения молодых людей в трудовом коллективе, с однокурсниками или друзьями, хотя по-прежнему остаётся значимым средством коммуникации в семье и важным фактором поддержания идентичности татар.

Во второй рубрике номера «Социология образования: современные реалии» продолжается анализ проблем современного образования, ещё не затронутых в предыдущих выпусках. Статья «Образовательные тренды современной российской молодёжи» коллектива авторов (Пузанова Ж. В., Гаспарисвили А. Т., Ларина Т. И., Москва) представляет собой аналитический обзор основных трендов, выявленных на основе статистических данных различных государственных учреждений. В фокусе рассмотрения авторов баланс между запросом рынка труда и востребованностью абитуриентами образования различных уровней, контингент учащихся и их вовлечённость в высшее, среднее и начальное профессиональное образование. Также представлен анализ «Атласа новых профессий» с описанием областей специализации, которые вскоре появятся на рынке труда, и профессий, которые с него исчезнут. В первую очередь такие изменения вызваны развитием и востребованностью информационных технологий. Основным результатом исследования является выделение четырёх трендов в сфере современного российского образования, актуальных на данный момент.

Г. А. Ключарев и А. В. Чурсина (Москва) в статье «Малые научные предприятия как фактор конкуренции университетов» рассматривают важные составляющие деятельности ведущих университетов и вузов: эффективное участие в государственных научных программах и проектах, развитие собственных НИРов и НИОКРов, часто во взаимодействии с производственными компаниями, опыт деятельности малых инновационных предприятий. Показано, что создание научной продукции и её реализация могут приносить немалые доходы в бюджет университетов, но главное – способствуют повышению их рейтинга, делают привлекательным такое учебное заведение в глазах абитуриентов.

Время – один из важнейших ресурсов человека. Поэтому рубрика «Бюджет времени» стала устойчивой в журнале. В данном выпуске в статье «Общее и особенное в использовании времяресурса повседневной жизни у рабочих разного возраста» Т. М. Карахановой и О. А. Большаковой (Москва) с помощью объективных показателей использования времени в сочетании с субъективными оценками сфер повседневной деятельности рабочих рассматривается вопрос возрастной дифференциации в их поведении. Рассматриваются разные поколения россиян, получавших профессиональную подготовку в советские и постсоветские годы. Акцентируется внимание на поведении молодых рабочих, отличительных чертах

их адаптационных практик использования времени, которые могли бы указывать на будущую возможную направленность трансформации в сознании, поведении и ценностных ориентациях в среде рабочих.

В рубрике [«О новых научных публикациях»](#) размещена рецензия [Е. М. Харитоновой](#) (Краснодар) и [Р. Д. Хунагова](#) (Майкоп) на монографию «Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа)» под редакцией Ж. Т. Тощенко (М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016). Авторы подчёркивают, что рассматриваемое монографическое исследование обладает несомненной научной новизной, которая выражается в проведении авторским коллективом ретроспективного анализа эволюции жизненных смыслов сельских жителей, выявлении специфики жизненного смысла в полисферальном пространстве сельского социума, определении объективных факторов экономической и культурной дифференциации сельского населения в условиях деформированной социальной инфраструктуры села, объяснении позитивной роли интеллигенции в конструировании смыслообразующего пространства сельской жизни.

Т е м а н о м е р а : О с н о в а н и я и д е н т и ч н о с т и

Ц е н н о с т н ы е м а р к е р ы к у л ь т у р н о - и с т о р и ч е с к о й и д е н т и ч н о с т и р о с с и я н

Кузнецов Игорь Михайлович –
кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: ingvar31@yandex.ru

Ценностные маркеры культурно-исторической идентичности россиян

DOI: 10.19181/vis.2017.22.3.466

Аннотация. Проблемный контекст статьи¹ состоит в том, чтобы объяснить наблюдаемое в современном российском обществе противоречие между широкой поддержкой россиянами некоторого набора традиционалистских ценностных императивов на самом общем, абстрактном уровне и столь же распространённый отход от этих ценностных предписаний на уровне повседневных практик. Рабочая концепция исследования основывается на том, что *набор ценностей*, их определённая структура в том или ином культурно-историческом сообществе остаётся относительно постоянной в историческом времени, а процесс «ценностного дрейфа» сводится к изменению содержательного наполнения понятий, обозначающих общественные ценности. Эти постепенные изменения содержания той или иной ценности можно расположить между двумя полюсами – традиционалистское истолкование ценности и модернистское (секулярно-рациональное) истолкование. В статье анализируются данные опросов населения, проведённых в шести регионах России по проекту «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии». Для анализа системы ценностей в настоящей работе отобрано 4111 единиц наблюдения, репрезентирующих население каждого региона старше 18 лет и проживших в этом регионе не менее 7 лет. Общий вывод исследования состоит в том, что модернизация интерпретации ценностных принципов на инструментальном уровне приводит к тому, что ценностные императивы обобщённого уровня постепенно перестают выполнять функцию собственно императивов (предписаний к действию) и начинают функционировать в качестве своеобразных маркеров, отграничивающих российское культурно-историческое и даже цивилизационное пространство. Одновременно эти маркеры служат **символами** российской культурно-исторической идентичности. Ориентация на эти символы-ценности обеспечивает тождество осознания себя россиянами в историческом времени. Зафиксированный в исследовании традиционализм в осмыслении маркеров российского культурно-исторического пространства означает ориентацию на поддержание устойчивости и преемственности во времени этого пространства.

Ключевые слова: ценностная система общества, традиционализм, секулярно-рациональные ценности, культурно-историческая идентичность россиян, границы социально-культурного пространства

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 14-18-01963-П «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии»

Гипотеза о функционировании некоторого набора ценностных суждений в качестве маркеров общероссийской культурно-исторической идентичности была сформулирована в ходе исследования особенностей системы ценностей россиян в рамках проекта «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии». В этом исследовании понятие «ценности» используется в проблемном контексте поиска оснований консолидации многонационального российского общества. Одно из таких оснований для любого культурно-исторического сообщества – это сходство восприятия, оценки и соответствующего отношения к текущим событиям и процессам, происходящим как внутри, так и вне России. Такое сходство может базироваться на поддерживаемых большинством членов сообщества суждениях, касающихся наиболее общих представлений о желательных и нежелательных образцах поведения, средствах и целях деятельности, т. е. ценностных суждениях.

Особенности рабочей концепции

В формулировании рабочей концепции исследования ценностей как ресурса межэтнического согласия мы отталкивались от принципов изучения ценностных систем современных обществ, реализованных в исследованиях Р. Инглхарта [Инглхарт, Вельцель 2011] и отчасти Г. Хофстеде [Hofstede 2011], но с некоторыми изменениями и дополнениями. Так, в концепции Р. Инглхарта типологизация ценностных систем осуществляется в пространстве, ограниченном двумя осями измерений. Первое из этих измерений отражает сравнительные различия в рамках бинарной оппозиции «традиционные ценности – секулярно-рациональные ценности», а второе – в рамках оппозиции «ценности выживания – ценности самовыражения» [Инглхарт, Вельцель 2011: 80]. Переход от «традиционных» к «секулярно-рациональным» ценностям происходит, согласно Инглхарту, в процессе модернизации общества и выражается в отказе от религиозных авторитетов в пользу секулярных. Переход от «ценностей выживания» к «ценностям самовыражения» происходит на более зрелой стадии развития общества, которую обычно называют постмодерном, когда происходит отказ от любых авторитетов и переориентация на ценности личностной автономии. Этот второй переход обычно связывают с ростом общего уровня благосостояния и безопасности.

На наш взгляд, эти два измерения не могут представлять ортогональные оси пространства ценностей уже потому, что вторая из указанных осей актуальна не для всей шкалы «ценности традиционализма – секулярно-рациональные цен-

ности», а является дополнительной характеристикой системы ценностей «секулярно-рационального» полюса этой шкалы. Более того, в отличие от Р. Инглхарта, мы склонны рассматривать оппозицию «выживание – самореализация» не как какие-то особые ценности, а как разные мотивационные векторы любых ценностно ориентированных практик.

Иначе говоря, актуализация какой-либо ценности (например, ценности семьи) в общественной практике может быть мотивирована и/или одобряема как способ «выживания» или как способ «самореализации», что ведёт к соответствующей модификации конкретных практик в рамках семейной жизни. Это касается и распределения семейных ролей, и особенностей семейной иерархии, и контекстов сексуальных отношений между супругами (доминирующий мотив – дети или физическое удовольствие). Отчасти эволюция семейных практик в процессе социально-экономического развития общества показана в работе Ф. Энгельса [Энгельс 1961].

При этом сами понятия «выживание» и «самореализация» имеют разное содержательное наполнение в зависимости от системного контекста использования этих понятий. Так, в традиционалистской системе ценностей под «выживанием» может пониматься прежде всего поддержание стабильности и предсказуемой эволюции сообщества, а в секулярно-рациональной системе, где материальное благополучие и безопасность *сообщества* само собой разумеются, под «выживанием» может, скорее, пониматься физическое выживание индивида, что отражается в максиме *самоценности человеческой жизни*, характерной именно для сообществ постмодерна. То же относится и к пониманию «самореализации». В традиционалистской системе ценностей под «самореализацией» может пониматься вклад индивида в поддержание сохранности сообщества в целом и его культурной идентичности, при необходимости даже ценой собственной жизни. А в секулярно-рациональной системе – это, скорее, объективация (в каких-либо артефактах и/или практиках) личностной идентичности («Я-концепции») как самоценности.

По мнению Р. Инглхарта, «поскольку удовлетворение материальных потребностей является необходимой и насущной предпосылкой выживания, нехватка материальных благ придаёт этим потребностям приоритетное значение... И напротив, когда материальные потребности гарантированно удовлетворяются, это начинает восприниматься как должное; приоритетное значение приобретают постматериалистические стремления, в результате чего люди обращают большее внимание на цели, занимающие более высокое место в пирамиде потребностей Маслоу» [Инглхарт, Вельцель 2011: 149]. Фактически это означает, что по достижении обществом достаточно высокого уровня экономического развития люди

Актуализация какой-либо ценности (например, ценности семьи) в общественной практике может быть мотивирована и/или одобряема как способ «выживания» или как способ «самореализации», что ведёт к соответствующей модификации конкретных практик семейной жизни.

В традиционалистской системе ценностей под «самореализацией» может пониматься вклад индивида в поддержание сохранности сообщества в целом и его культурной идентичности, даже ценой собственной жизни. А в секулярно-рациональной системе – это, скорее, объективация личностной идентичности («Я-концепции») как самоценности.

начинают меньше акцентироваться на практиках, удовлетворяющих потребности нижних ступеней пирамиды Маслоу и больше – на практиках, связанных с её верхними ступенями, особенно на пятой («самоактуализация») [Маслоу 2003: 60–68.]. На наш взгляд, по мере гарантированного удовлетворения потребностей первых двух-трёх ступеней пирамиды Маслоу, выведением их за рамки общественного внимания, происходит постепенная переориентация смысла этих практик, как и практик, связанных с верхними ступенями, с контекста выживания на контекст самореализации. Например, удовлетворение физиологических потребностей первой ступени модифицируется в гурманство, т. е. некий акт личностной самореализации. Другой пример – необходимость соответствия половой принадлежности и гендерной идентичности может модифицироваться в свободу гендерной идентификации как средства самореализации (это, впрочем, относится и к смысловому наполнению других видов идентичности как групповой, так и личностной).

В итоге в нашей рабочей концепции нет необходимости выделять две оси измерения ценностей, поскольку ось «ценности выживания – ценности самореализации» по сути является, в нашем понимании, иной интерпретацией оси «традиционные ценности – секулярно-рациональные ценности». *И в этом плане мы можем определить традиционный полюс системы ценностей как сцентрированный на поддержании стабильности и преемственности во времени данного сообщества, а секулярно-рациональный полюс той же системы ценностей как сцентрированный на поддержании определённости и самодостаточности отдельных индивидов (независимости от сообщества).*

На наш взгляд, для концепции Р. Инглхарта характерно очень ограниченное понимание традиционализма как некоторой архаики практически доиндустриального периода, когда люди были крайне зависимы от природной среды и не обладали достаточными знаниями для автономного существования. Мы склонны придерживаться более широкого понимания традиции как «социального и культурного наследия, передающегося от поколения к поколению и воспроизводящегося в определённых обществах и социальных группах в течение длительного времени» [Традиции и инновации... 2008: 18]. Мы согласны с мнением, что традиционализм нельзя противопоставлять модернизации и «что в современных обществах происходит не детрадиционализация, а *изменение* роли традиций» [Гофман 2010: 241].

В нашем понимании базирование на традиции означает ориентацию на ставшие обычаями общепринятые жизненные цели, а также стратегии достижения целей. Это означает, что любые (даже самые новаторские с точки зрения сегод-

По мере гарантированного удовлетворения потребностей первых двух-трёх ступеней пирамиды Маслоу происходит постепенная переориентация смысла этих практик с контекста выживания на контекст самореализации. Например, удовлетворение физиологических потребностей первой ступени модифицируется в гурманство; необходимость соответствия половой принадлежности и гендерной идентичности может модифицироваться в свободу гендерной идентификации как средства самореализации.

Базирование на традиции означает ориентацию на ставшие обычаями общепринятые жизненные цели, а также стратегии достижения целей. Это означает, что любые поведенческие стратегии и практики превращаются в «традиционные» тогда, когда они становятся доминирующими в обществе.

нышнего дня) поведенческие стратегии и практики превращаются в «традиционные» тогда, когда они становятся общепризнанными и доминирующими в обществе. Иначе говоря, традиционализм в повседневном сознании (а не в политических дискурсах) означает лишь опору на проверенные временем образцы деятельности, независимо от времени появления этих образцов. В рамках ориентации на традицию возможна и приемлемость новых способов деятельности, но не в силу того, что они новые, «прогрессивные», принятые во всём «цивилизованном мире» или обоснованные научными методами, а прежде всего потому, что они прошли длительную обкатку в общественной практике, адаптированы к уже сложившейся системе так, что инновации не оказывают на неё разрушительного воздействия.

Процесс интеграции инноваций в традиционную систему мы можем обозначить как *традиционализацию инноваций*, что обеспечивает *легитимацию* инноваций в традиционном сознании. Особенно отчётливо процесс легитимации инноваций путём включения их в традицию прослеживается при анализе стратегий модернизации в России [Аксенова 2016].

В той же мере отсылка к научной доказанности, т. е. рационализация какой-то деятельности, обеспечивает легитимацию традиций так же, как и инноваций в рамках секулярно-рациональных смыслов ценностной системы. По мере включения инноваций параллельно происходит процесс *модернизации традиций*, что обеспечивает их устойчивость во времени. Так, по мнению Э. Гидденса, одно из направлений модернизации традиции в постмодерном обществе состоит в том, что «традиции сохраняются только в той мере, в какой они оказываются доступны для дискурсивного обоснования и открытого диалога не только с другими традициями, но и с альтернативными способами деятельности» [Giddens 1994: 105], т. е. рационализируются, перепроверяются в рамках научных процедур. В отечественной науке этот процесс детально прослежен на примере конкретных локальных социальных сред [Асимметрия жизни... 2017].

Динамика изменения ценностей («ценностный дрейф») в концепции Р. Инглхарта предполагает замену одного набора ценностей (например, «традиционных») другим (например, «секулярно-рациональными»). Однако сама по себе идея транзита ценностей логически предполагает некоторое состояние перехода от одного полюса к другому, т. е. промежуточную позицию, когда люди частично уже отошли от традиционалистских взглядов на какие-то принципы социального взаимодействия, но пока до конца не приняли модернистскую трактовку этих принципов, т. е. находятся в статусе культурных маргиналов (в трактовке Э. Стоунквиста [Стоунквист 2006]). Причём «ценностный дрейф» может происходить в обоих

Процесс интеграции инноваций в традиционную систему можно обозначить как традиционализацию инноваций, что обеспечивает легитимацию инноваций в традиционном сознании.

По мере включения инноваций параллельно происходит процесс модернизации традиций, что обеспечивает их устойчивость во времени.

направлениях: как от традиционализма к модернизму, так и наоборот при определённых социально-политических условиях [Паин 2011].

На наш взгляд, *набор ценностей*, их определённая структура в том или ином культурно-историческом сообществе остаются относительно постоянными во времени, а процесс «ценностного дрейфа» сводится к изменению содержательного наполнения понятий, обозначающих общественные ценности. Эти постепенные изменения содержания той или иной ценности можно расположить между двумя полюсами – традиционалистское истолкование ценности и модернистское (секулярно-рациональное¹) истолкование. Таким образом, если мы хотим фиксировать промежуточные состояния в динамике ценностных систем, то уместно говорить не об особом традиционном или модернистском наборе ценностей, а о положении данной исторически и культурно определённой системы ценностей на шкале «традиционализм – модернизм».

Такой подход наиболее полно представлен в концепции параметрических измерений культуры Г. Хофстеде. В принципе, основные параметры культуры, сформулированные им и его коллегами можно интерпретировать как ценностные максимы, имеющие традиционный или модернистский смысл (в рамках данной культурно-исторической среды). Так, например, параметр «дистанция власти» [Hofstede 2011: 9] не что иное, по нашему мнению, как интерпретация ценности иерархии в качестве способа организации любого взаимодействия. Иерархии может придаваться высокая ценность, что выражается в безусловном личностном неравенстве разностатусных индивидов («высокая дистанция власти» в терминах Г. Хофстеде). А это и есть традиционалистский (в нашем определении) контекст истолкования иерархии, центрированный на поддержании стабильности и устойчивости сообщества. С другой стороны, иерархия может признаваться как практически полезная для организации взаимодействия, но не создающая личностного неравенства («низкая дистанция власти» у Г. Хофстеде), т. е. иерархия понимается в модернистском (секулярно-рациональном) контексте, центрированном на поддержании личностной автономии. В этом последнем контексте, например, не возникает вопроса о том, человек ли «красит» место, или наоборот, поскольку качество личности уже не связывается со статусом в иерархии. Или иначе – карьера в общественной иерархии любого типа (административной, творче-

¹ На наш взгляд, определение постмодерных ценностей как «секулярно-рациональных» не совсем точно, поскольку и в дискурсах постмодерна присутствуют элементы сакрализации каких-то практик и идеологием так же, как в традиционных дискурсах нередко элементы рационализации тех же практик и идеологием. Поэтому для обозначения этого полюса мы предпочитаем использовать термин «модернистские» ценностные смыслы.

ской, научной и т. п.), в идеале предполагающая деятельность на благо общества, больше не является приоритетным и даже единственным способом самореализации личности.

Более того, если внимательно рассмотреть процедуру измерения ценностей, применённую Р. Инглхартом [Инглхарт, Вельцель 2011: 84], то можно обнаружить, что эта процедура фактически сводится к определению смыслового наполнения содержания тех или иных ценностных категорий в рамках биполярной шкалы (традиционное – секулярно-рациональное истолкование). Так, высокая значимость религии (Бога) в жизни признаётся «традиционной ценностью», а низкая значимость – «секулярно-рациональной ценностью», хотя по сути речь идёт о полярном истолковании *одной и той же ценности* – веры в Бога.

При формулировании гипотез об особенностях содержательного изменения ценностных систем по указанному выше параметру мы исходим из того, что эти системы имеют многоуровневую иерархическую структуру от ценностных императивов абстрактного идеологического уровня (в традиции, идущей от М. Рокича [Rokeach 1973], их можно обозначить как «терминальные ценности») до разветвлённого набора принципов повседневного поведения («инструментальных ценностей», по Рокичу), уже не столь очевидно связанных с соответствующими императивами. На наш взгляд процесс адаптации содержания ценностных систем к новым социально-экономическим реалиям начинается с этого нижнего уровня.

Эмпирическая база и методика исследования

Анализ состояния ценностной системы россиян проводился на базе данных опроса жителей Москвы, Московской, Калининградской, Астраханской областей, Республики Карелия и Ставропольского края. Опрос был проведён в 2014–16 гг. в рамках реализации проекта «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии» (грант РНФ № 14-18-01963, рук. Л. М. Дробижева, 2014–18 гг.). Всего было опрошено 6400 человек, для анализа системы ценностей в настоящей работе отобрано 4111 единиц наблюдения, репрезентирующих население каждого региона старше 18 лет и проживших в этом регионе не менее 7 лет.

Мы предлагали респондентам (в рамках семибалльной шкалы) сделать выбор между двумя парами альтернативных бытовых суждений, отражающих разнополярные интерпретации одной и той же ценности. Эти суждения в дальнейшем мы будем называть *ценностными ориентирами*, чтобы отличить их от собственно ценностей. Отбор ценностных ориентиров был

Высокая значимость религии (Бога) в жизни признаётся «традиционной ценностью», а низкая значимость – «секулярно-рациональной ценностью», хотя по сути речь идёт о полярном истолковании одной и той же ценности – веры в Бога.

осуществлён из совокупности ценностных суждений, уже достаточно апробированных в отечественной социологии [Базовые ценности... 2003; Двадцать лет... 2011; Российское общество... 2015; Российское общество... 2016]. Часть суждений, отражающая некоторые параметры типологии культур Г. Хофстеде, была сконструирована нами по аналогии с суждениями, использованными им для измерения «дистанции власти» и параметра «индивидуализм – коллективизм» [Hofstede 2011: 9–11]. При этом нами были отобраны три пары суждений, отражающих терминальные ценностные ориентиры, и три – инструментальные.

Ниже приведён список пар высказываний, использованных в исследовании (см. таблицу 1).

Таблица 1

Список альтернативных пар ценностных ориентиров

Ориентация на традицию	Ориентация на модернизм
Инструментальные ценностные ориентиры	
1. Лучше работать там, где в первую очередь ценят тёплые человеческие отношения	Лучше работать там, где в первую очередь ценят профессиональные качества сотрудника
2. Начальник всегда должен принимать все решения и отвечать за всё	Тот, кто выполняет задание, должен сам принимать решения и нести за них ответственность
3. В общественных местах надо одеваться и вести себя как все, строго следуя принятым правилам	В общественных местах можно одеваться и вести себя как нравится самому, лишь бы не нарушать закон
Терминальные ценностные ориентиры	
4. Россия – другая страна, ей не нужен западный образ жизни	Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны
5. Лучше добиться меньшего успеха в жизни, но не переступить через моральные нормы и принципы	Чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать через моральные нормы и принципы
6. Надо всегда уважать традиции, обычаи, следовать привычному, принятому большинством	Надо всегда искать новое в жизни, даже если большинство это не примет, и ты окажешься в меньшинстве

Оценка по каждой паре суждений могла колебаться от 1 до 6 (от 1 – безусловное согласие с суждением традиционалистского полюса до 6 – безусловное согласие с модернистским полюсом). Баллы 1–2 интерпретировались как поддержка традиционного полюса, 5–6 – модернистского полюса, а оценка 3–4 балла свидетельствовала о промежуточной позиции респондента по данному пункту. Более того, чтобы оценить систематичность ориентации респондентов на тот или иной полюс, мы вычисляли средний арифметический балл по всем парам суждений ценностных ориентиров. В результате весь массив ответивших по общим усреднённым оценкам расположился на шкале от 1 до 6 баллов. И далее по положению на этой

шкале можно было разделить всех ответивших на три аналитические группы: (1) *ориентированные на традицию* (средний балл в интервале 1,6–2,5); (2) *занимающие промежуточную позицию* (средний балл в интервале 2,6–3,5) и (3) *ориентированные на модернизм* (средний балл в интервале 3,6–6).

Россияне между традиционализмом и модернизмом

Детальный анализ полученных данных по текущему состоянию ценностной системы россиян изложен в ряде публикаций по проекту [Межнациональное согласие... 2016]. Общий вывод состоит в том, что доминантной является группа, находящаяся в процессе *переосмысления* ряда ценностных ориентиров, а более или менее систематических традиционалистских ориентаций придерживаются менее трети опрошенных. Масштаб распространённости модернистского истолкования ценностей в России пока фиксируется на уровне ниже ошибки выборки (см. таблицу 2).

Таблица 2

Распределение позиций на шкале «традиционализм – модернизм» в ценностной системе россиян

Позиция по шкале «традиционализм – модернизм»	%
Традиционализм	27,1
Промежуточная позиция	71,0
Модернизм	1,9

Процесс переосмысления поведенческих и оценочных стандартов в России характерен для всех групп населения, в том числе и национальных. Причём этот процесс сопровождается определённой неустойчивостью, непредсказуемостью, внутренней противоречивостью социально-политических диспозиций людей, находящихся в процессе ценностного дрейфа [Кузнецов 2017], что собственно и побуждает обозначить группу, находящуюся в состоянии транзита, как маргинальную. Напротив, респонденты, ориентированные на традиционализм, демонстрируют относительную согласованность восприятия и оценок текущей ситуации, даже если в рамках традиции наличествует региональное, социальное, этнокультурное и конфессиональное разнообразие.

Важно отметить, что широко распространённое представление о традиционализме россиян не имеет под собой весомых оснований. Если говорить о позиции России в мире по распространённости традиционализма, используя последние (2010–14 гг.) данные World Values Survey, то можно опреде-

Процесс переосмысления поведенческих и оценочных стандартов в России характерен для всех групп населения, в том числе и национальных.

литель, что нынешняя Россия по измерению «традиционные/секулярно-рациональные ценности» находится примерно в том же кластере, что Венгрия, Люксембург, Швейцария, Исландия, и даже является менее традиционалистской, чем Канада, США и Британия [World Values Survey... 2015].

По измерению «ценности выживания/самореализации» Россия стоит в ряду таких стран, как Ирак, Палестина, Азербайджан [World Values Survey... 2015]. Это, на наш взгляд, означает, что россияне ориентированы на традиционализм только в тех аспектах, в каких эти ценности связаны с базовыми принципами выживания сообщества, т. е. его продолжения в историческом пространстве и времени.

Традиционализм как основа российской культурной идентичности

Анализ данных нашего исследования (раздельно по блокам оценки «инструментальных» и «терминальных» ценностных ориентиров) более точно показывает, в каком сегменте общественного сознания россиян сосредоточен традиционализм, формирующий имидж традиционалистской России, вопреки объективным данным о состоянии ценностной системы в целом.

Уровни поддержки того или иного полюса инструментальных и терминальных ценностных ориентиров у россиян существенно разнятся (см. таблицу 3)

Таблица 3

Распределение позиций на шкале «традиционализм – модернизм» для инструментальных и терминальных ценностей россиян

Позиция по шкале «традиционализм – модернизм»	%
Инструментальные ценностные ориентиры (N=3657)	
Традиционализм	26,3
Промежуточная позиция	56,7
Модернизм	1,7
Терминальные ценностные ориентиры (N=3602)	
Традиционализм	65,7
Промежуточная позиция	32,6
Модернизм	1,7

Процесс модернизации современного российского общественного сознания наиболее отчетливо проявляется в пересмотре или отказе от традиционалистского истолкования инструментальных ценностей. Как уже было показано нами ранее при более детальном анализе [Межнациональное согласие...

Россияне ориентированы на традиционализм только в тех аспектах, в каких эти ценности связаны с базовыми принципами выживания сообщества, т. е. его продолжения в историческом пространстве и времени.

2016: 177], комплекс инструментальных ценностных ориентиров, ставший традиционным за время господства советской распределительной экономической модели и тотальной коллективистской идеологии, активно заменяется инструментальными принципами, более соответствующими условиям деятельности в глобальной рыночной экономике с её ценностями достижительности и индивидуализма.

Традиционализм россиян наиболее рельефно проявляется в их практически массовой поддержке традиционалистского истолкования терминальных ценностей. Однако поддержка традиционализма на уровне абстрактных императивов отнюдь не служит руководством при планировании поведения в повседневности. Это хорошо прослеживается, например, при сопоставлении масштабов поддержки «традиционности» на абстрактном уровне и той же «традиционности» в конкретной ситуации поведения в общественных местах (см. таблицу 4).

Таблица 4

Поддержка одних и тех же ценностных ориентиров на терминальном и инструментальном уровнях, % от ответивших, N=3974

Альтернативы ценностных ориентиров	Позиция на шкале «традиционализм – модернизм»		
	Традиционализм	Промежуточная позиция	Модернизм
Терминальный уровень			
Надо всегда уважать традиции, обычаи, следовать привычному, принятому большинством или Надо всегда искать новое в жизни, даже если большинство это не примет, и ты окажешься в меньшинстве	49,2	34,0	16,8
Инструментальный уровень			
В общественных местах надо одеваться и вести себя как все, строго следуя принятым правилам или В общественных местах можно одеваться и вести себя как нравится самому, лишь бы не нарушать закон	35,7	32,0	32,3

Как видим, складывается парадоксальная ситуация, когда некоторые ценностные принципы повседневности начинают противоречить соответствующим императивам. На абстрактном уровне может подтверждаться приверженность определённым императивам, но на уровне повседневных практик происходит отход от требований этих императивов. Мы можем предположить, что ценностные императивы обобщённого

Поддержка традиционализма на уровне абстрактных императивов отнюдь не служит руководством при планировании поведения в повседневности.

уровня в процессе «ценностного дрейфа» на нижних уровнях постепенно перестают выполнять функцию собственно императивов (предписаний к действию) и начинают функционировать в качестве своеобразных маркеров идентичности, т. е. демонстративных «критериев принадлежности и способов сигнализации о включённости/исключённости» [Этнические группы... 2006: 17], *отграничивающих российское культурно-историческое и даже цивилизационное пространство*. Согласно Ф. Барту, в ситуации межкультурных (и межстрановых) контактов этнические группы «сохраняются как значимые единицы лишь постольку, поскольку существует маркированное отличие в поведении...» [Этнические группы... 2006: 18]. На наш взгляд, это относится не только к этническим, но и к национально-государственным общностям, члены которых при внешних контактах стремятся продемонстрировать свою принадлежность к особому культурно-историческому пространству. И не случайно в нынешних условиях относительно массового противостояния россиян так называемым «либеральным западным ценностям» на идеологическом уровне в общественном сознании традиционные ценностные смыслы начинают играть роль идентификационных маркеров, подчёркивающих культурно-историческую особость России. Но на уровне повседневного поведения эти традиционные смыслы во всё большей степени замещаются смыслами модернистскими. Этот процесс изменения функций некоторых традиционных ценностных императивов, латентное превращение их в идентификационные маркеры можно проследить по результатам анализа данных социологических исследований, касающихся динамики изменения структуры ценностей россиян [Актуализированные ценности... 2015].

Таким образом, противоречие ценностного императива и принципов повседневной деятельности общественным сознанием не воспринимается как противоречие, поскольку эти явления лежат в разных смысловых плоскостях.

Как следует из содержания традиционалистских ценностных ориентиров, отграничивающих в общественном сознании российское культурно-историческое пространство (см. пункты 4–6 в [таблице 1](#)), оно в сознании большинства не ассоциируется с современным европейским культурным пространством, является ориентированным на традицию и на приоритет моральных норм в выборе средств достижения целей. На наш взгляд, «особый» традиционалистский путь России – это достаточно устойчивый во времени ценностный ориентир, символизирующий преемственность современной России с Россией императорской и советской.

Косвенным подтверждением того, что перечисленные выше традиционалистские ценностные ориентиры актуальны в современном российском общественном сознании не столько как предписания к деятельности, сколько как базовые

Ценностные императивы обобщённого уровня в процессе «ценностного дрейфа» на нижних уровнях постепенно перестают выполнять функцию собственно императивов (предписаний к действию) и начинают функционировать в качестве своеобразных маркеров идентичности.

критерии (или метки, маркеры) принадлежности к сообществу россиян, является сравнение уровня поддержки традиционализма респондентами, по-разному ощущающими свою принадлежность к гражданам России. Л. М. Дробижевой сформулировано представление о типологических группах респондентов, ассоциированных и неассоциированных с российским гражданским сообществом [Дробижева 2017: 14]. К ассоциированным россиянам относятся те респонденты, кто при ответе на вопрос об идентичности «В какой степени Вы ощущаете близость с гражданами России?» высказали значительную степень такой близости, а к неассоциированным – те, кто не ощущают близости с россиянами и не определились в этом вопросе. Как показали расчёты, обнаруживаются существенные различия между этими группами в характере поддержки традиционалистских терминальных ценностных ориентиров при отсутствии таких различий в поддержке того или иного полюса инструментальных ориентиров (см. таблицу. 5).

Таблица 5

Распределение позиций на шкале «традиционализм – модернизм» для инструментальных и терминальных ценностей в разных типологических группах россиян, % от ответивших

Позиция по шкале «традиционализм – модернизм»	Ассоциированные россияне	Неассоциированные россияне
Инструментальные ценностные ориентиры (χ^2 Пирсона $p=0,147$)		
Традиционализм	30,3	28,7
Промежуточная позиция	52,7	50,3
Модернизм	17,0	21,0
Терминальные ценностные ориентиры (χ^2 Пирсона $p \leq 0,001$)		
Традиционализм	70,3	59,8
Промежуточная позиция	28,3	37,0
Модернизм	1,4	3,2

Традиционалистский полюс терминальных ценностных ориентиров в значительно большей степени поддерживают респонденты, безусловно причисляющие себя к гражданам России. При этом те же самые респонденты не проявляют склонности к традиционализму, когда речь идёт об истолковании инструментальных ценностей, непосредственно связанных с повседневной жизнью. Это и даёт основания полагать, что ценностные ориентиры абстрактного уровня, манифестирующие уважение к традиции вообще, приоритет моральных норм перед рациональными соображениями эффективности, что в итоге отличает российские культурные диспозиции от западноевропейских, – всё это присутствует в общественном сознании россиян преимущественно в качестве демонстрируемых символов (маркеров) включённости в российское историко-культурное сообщество. Идейная лояльность этим ценностным ориентирам

обеспечивает тождество осознания себя россиянами в историческом времени. В частности, даёт основание современным россиянам считать военные, культурные, научные и другие достижения прошлых поколений **своими** достижениями, включать в категорию «мы» эти прошлые поколения.

Представленная рабочая концепция превращения некоторых ценностных императивов традиционалистских идеологий прошлого (как советского, так и досоветского) в маркеры (демонстрируемые символы) принадлежности к российскому (преемственному в историческом времени) культурно-историческому пространству может дополнить разработанные в отечественной социологии представления о структуре российской идентичности [Гражданская, этническая... 2013], фиксируя страновой (трансгосударственный) аспект этой идентичности. Ценностные маркеры культурно-исторической идентичности по своим функциям в общественном сознании россиян играют примерно ту же роль, что и «основные ценности» (core values) в структуре корпоративной идеологии. Так, по мнению специалистов в области бизнес-тренинга «основные ценности – это правила и границы, определяющие культуру и личность вашей компании. Для того чтобы люди в вашей команде работали вместе продуктивно и эффективно, все должны иметь одинаковое видение и понимание ситуации» [Asian Efficiency...]. Иначе говоря, демонстрация лояльности традиционалистским ценностным императивам идеологического уровня во всех слоях общества как некоторым символам «российскости» направлена на консолидацию российского мультиэтнического сообщества, поскольку, несмотря на всё содержательное разнообразие этнических традиций народов России, это в любом случае – *традиции*, что и даёт консолидирующий эффект.

В соответствии с данным выше определением традиционализма, он в осмыслении маркеров российского культурно-исторического пространства в целом означает ориентацию на поддержание устойчивости и преемственности во времени этого пространства. Важный вопрос для дальнейшего исследования состоит в том, насколько эта традиционалистская, культурно-историческая идентичность, *направленная на выживание сообщества*, соответствует текущей гражданско-государственной идентичности, и, в частности, насколько те или иные лидеры государства (как настоящие, так и прошлые) могут становиться символами такого востребованного традиционализма.

Заключение

Широко распространённое мнение об особой традиционности россиян не подтверждается данными последних социологических опросов, проведённых сотрудниками Института социологии ФНИСЦ РАН. Скорее речь может идти о некотором

Ценностные ориентиры абстрактного уровня, манифестирующие уважение к традиции вообще, приоритет моральных норм перед рациональными соображениями эффективности – всё это присутствует в общественном сознании россиян преимущественно в качестве демонстрируемых символов (маркеров) включённости в российское историко-культурное сообщество.

переходном состоянии системы ценностей россиян, когда существует поддержка как традиционного истолкования одних ценностных объектов, так и активная модернизация смысла других [Актуализированные ценности... 2015; Межнациональное согласие... 2016; Российское общество... 2016].

Более детальный анализ показывает, что традиционализм проявляется преимущественно при истолковании ценностей абстрактного уровня, составляющих основу латентной стихийной идеологии большинства россиян. При этом наблюдается активная модернизация ценностных ориентиров, непосредственно связанных с повседневной деятельностью в современных реалиях России. Однако это отнюдь не свидетельствует о какой-то парадоксальности российского общественного сознания. Можно предположить, что ценности абстрактного идеологического уровня перестают восприниматься как руководство к действию и начинают играть роль декларируемых символов, маркирующих принадлежность к российскому культурно-историческому пространству, т. е. служат маркерами российской культурно-исторической идентичности, дающей основу для консолидации россиян, принадлежащих к разным социальным, в том числе и этническим группам.

Возможно, таким образом реализуется растущий общественный запрос россиян на восстановление России в статусе великой державы [Россия – великая держава... 2017] не только и не столько в плане военной мощи, сколько как иного полюса современного глобального мира. Если ранее это было противостояние двух моделей общественно-политического устройства: «коммунизм – капитализм», то сегодня это традиционалистский полюс противостояния двух систем ценностей – традиционалистской и «либеральной» (в том упрощённом виде, в каком либерализм понимается в повседневном сознании россиян). Можно предположить, что при нынешнем усилении противостояния России и Запада поддержка традиционализма в истолковании ценностей абстрактного идеологического уровня будет усиливаться.

Библиографический список

Аксенова О. В. 2016. Модернизация или развитие: традиционалистские основания прогресса в России // Власть. № 9. С. 31–36.

Актуализированные ценности современного российского общества [монография] / Отв. ред. И. А. Халий. Электрон. текст. дан. (объём 2,2 Мб). М.: Институт социологии РАН. 2015. 273 с. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Act_zennosti_sovr_obschestva.pdf [Дата посещения: 30.08.2017].

Асимметрия жизни современного российского общества: соотношение традиций и инноваций: [монография] / [О. В. Аксенова, Н. В. Левченко и др.]; Отв. ред. О. В. Аксенова;

Традиционализм проявляется преимущественно при истолковании ценностей абстрактного уровня, составляющих основу латентной стихийной идеологии большинства россиян.

Можно предположить, что при нынешнем усилении противостояния России и Запада поддержка традиционализма в истолковании ценностей абстрактного идеологического уровня будет усиливаться.

ИС РАН. Электрон. текст. дан. (объем 3,01 Мб). М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 207 с. URL: <http://www.isras.ru/index.php?pageid=1198&id=5084> [Дата посещения: 30.08.2017].

Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. Рябов А. Г., Курбангалеева Е. Ш. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. 448 с.

Горшков М. К., Крумм Р., Петухов В. В., Бызов Л. Г. 2011. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Весь Мир. 328 с.

Гофман А. Б. 2010. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории. Том IV. С. 241–254.

Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. 485 с.

Дробижева Л. М. 2017. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. Т. 26. № 1. С. 7–31.

Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство. 464 с.

Кузнецов И. М. 2017. Ценностные ориентиры и социально-политические установки россиян // Социологические исследования. № 1. С. 47–55.

Маслоу А. 2003. Мотивация и личность. 3-е изд. СПб.: Питер. 352 с.

Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества [Монография] / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2016. 400 с.

Паин Э. А. 2011. Волновая природа подъема традиционализма на рубеже XX-XXI веков // Общественные науки и современность. № 2. С. 43–56.

Российское общество и вызовы времени. Книга первая / Под ред. Горшкова М. К., Петухова В. В. М.: Весь Мир, 2015. 336 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / Под ред. Горшкова М. К., Петухова В. В. М.: Весь Мир, 2016. 400 с.

Россия – великая держава. Пресс-выпуск № 3327. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116111> [Дата посещения: 29.08.2017].

Стоун Э. В. 2006. Маргинальный человек: Исследование личности и культурного конфликта // Личность. Культура. Общество. Т. VIII. Вып. 1. С. 9–36.

Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / Под ред. А. Б. Гофмана. М.: РОССПЭН, 2008. 543 с.

Энгельс Ф. 1961. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 21. С. 34–178.

Этнические группы и социальные границы / Под ред. Фредрика Барта; пер. с англ. Игоря Пильщикова. М.: Новое изд-во, 2006. 198 с.

Asian Efficiency's Core Values. URL: <http://www.asianefficiency.com/mindsets/asian-efficiencys-core-values> [Дата посещения: 25.06.2017].

Giddens A. 1994. Living in a post-traditional society // Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive modernization: politics, tradition and aesthetics in the modern social order. Polity Press, Cambridge. P. 56–109.

Hofstede G. 2011. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. Online Readings in Psychology and Culture, (1). URL: <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1014> [Дата посещения: 04.06.2017].

Rokeach M. 1973. The Nature of Human Values. N.Y. 437 p.

World Values Survey wave 6 2010–2014 official aggregate v. 20150418. World Values Survey Association [www.worldvaluessurvey.org]. Aggregate File Producer: Asep/JDS, Madrid Spain. URL: http://www.worldvaluessurvey.org/images/Cultural_map_WVS6_2015.jpg [Дата посещения: 25.06.2017].

DOI: 10.19181/vis.2017.22.3.466

The Value Markers of Russians' Cultural and Historical Identity

Kuznetsov Igor Mikhailovich

Candidate of Sociological Sciences, Leading Research Fellow at the Department of Ethnosociology, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. Email: ingvar31@yandex.ru

Abstract. This article's problem context¹ is explaining a certain contradiction which can be observed in Russian society, between widespread support among Russians for a certain set of traditionalist value imperatives on a very general, abstract level, and a similarly widespread withdrawal from said value regulations when it comes to everyday practices. The study's working concept is based on the premise that a *set of values* in one cultural-historic community or another, as well as their structure of a certain sort, stays relatively constant within historic time, while the process of a "value drift" can be presented as a shift in the content of those notions which denote social values. These gradual changes in the content of one value or another can be situated between two opposing points – a traditionalist

¹ The research was supported by RSF grant № 14-18-01963P "Resource interethnic consent in the consolidation of Russian society: general and special regional diversity".

interpretation of a certain value and a modernist (secular-rational) interpretation. This article analyzes data from population surveys conducted in six Russian regions within the framework of project "The resource of interethnic consent in consolidating Russian society: common and particular in regional diversity". In order to analyze value systems, 4111 units of observation were selected for this essay, which represent the population of each region – people over 18 years of age who have lived in their respective regions for at least 7 years. The overall conclusion of this study is that a modernization (when it comes to interpreting value principles on an instrumental level) leads to generalized-level value imperatives gradually failing to carry out the function of actual imperatives (as in orders to action), while starting to act as some sort of markers which restrict Russian cultural-historical and even civilization space. Simultaneously these markers act as symbols of Russian cultural-historical identity. An orientation towards these symbols-values helps people consciously identify as Russians within historic time. Established during this study was certain traditionalism when it comes to comprehending the markers of Russian cultural-historical space, which implies an orientation towards supporting the stability of this space, as well as its continuity in time.

Keywords: Social value system, traditionalism, secular-rational values, Russians' cultural-historical identity, borders of socio-cultural space.

References

Aksenova O. V. Modernizatsiya ili razvitie: traditsionalistskie osnovaniya progressa v Rossii [Modernization or development: traditional basis of the progress in Russia]. *Vlast'*, 2016, no. 9, pp. 31–36. (in Russ.)

Aktualizirovannye cennosti sovremennogo rossiyskogo obshchestva [The updated values of modern Russian society]. Ed. by I. A. Khaliy. Moscow, IS RAS publ., 2015. 273 p. (in Russ.)

Asian Efficiency's Core Values. The website. URL: <http://www.asianefficiency.com/mindsets/asian-efficiencys-core-values> [date of visit: 25.06.2017].

Asimmetriya zhizni sovremennogo rossiyskogo obshchestva: sootnoshenie traditsiy i innovatsiy [Asymmetric life of modern Russian society: ratio of traits and innovations]. Ed. by O. V. Aksenova. Moscow, FCTAS RAS publ., 2017. 207 p. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=5084 [date of visit: 31.08.17]. (in Russ.)

Bazovye cennosti rossiyan. Sotzial'nye ustanovki. Zhiznennye strategii. Simvoly. Mify [The Basic Values of Russians. Social Attitudes. Life Strategies. Symbols. Myths]. Ed. by A. V. Riabov, E. Sh. Kurbangalieva. Moscow, Dom intellektual'noy knigi, 2003. 448 p. (in Russ.)

Drobizheva L. M. Grazhdanskaya identichnost' kak uslovie oslableniya etnicheskogo negativizma [National Identity as a Means of Reducing Ethnic Negativism]. *Mir Rossii*, 2017, vol. 26, no 1, pp. 7–31. (in Russ.)

Engels F. Proishozhdenie sem'i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva [The origin of the family, private property and the state]. Marx K., Engels F. *Sochineniya*. Second ed. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1961, Vol. 21, pp. 34–178. (in Russ.)

Etnicheskie gruppy i sotzial'nye granicy [Ethnic groups and social boundaries]. Ed. by F. Bart. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2006. 198 p. (in Russ.)

Giddens A. Living in a post-traditional society. Beck U., Giddens A., Lash S. *Reflexive modernization: politics, tradition and aesthetics in the modern social order*. Cambridge, Polity Press, 1994, pp. 56–109.

Gofman A. B. V poiskah utrachennoy identichnosti: traditsii, traditsionalizm i natsional'naya identichnost' [In search of lost identity: tradition, traditionalism and national identity]. *Voprosy sotzial'noi teorii*. 2010, Vol. IV, pp. 241–254. (in Russ.)

Gorshkov M. K., Krumm R., Petukhov V. V., Byzov L. G. 20 let reform glazami rossiyan: opyt mnogoletnikh sotsiologicheskikh zamerov [Twenty years of reforms in the eyes of Russians: the experience of many years of sociological measurements]. Ed. by M. K. Gorshkov, R. Krumm, V. V. Petukhov. Moscow, Ves' Mir, 2011. 328 p. (in Russ.)

Grazhdanskaya, etnicheskaya i regional'naya identichnost': vchera, segodnia, zavtra [Civic, ethnic and regional identity: past, present and future]. Ed. by L. M. Drobizheva. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya enciklopediya, 2013. 485 p. (in Russ.)

Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. Online Readings in Psychology and Culture, 2011, no 1. URL: <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1014> [date of visit: 04.06.2017].

Inglehart R., Welzel Ch. Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya [Modernization, cultural change, and democracy: the human development sequence]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2011. 464 p. (in Russ.)

Kuznetsov I. M. Cennostnye orientiry i sotzial'no-politicheskie ustanovki rossiyan [Values and socio-political attitudes in contemporary Russia]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 2017, no. 1, pp. 47–55. (in Russ.)

Maslow A. Motivatsiya i lichnost' [Motivation and Personality]. 3-e izd. SPb., Piter, 2003. 352 p. (in Russ.)

Mezhnatsional'noe soglasie kak resurs konsolidatsii rossiyskogo obshchestva [Interethnic consent as a resource for the consolidation of All-Russian society]. Ed. by L. M. Drobizheva. Moscow, IS RAS publ., 2016. 400 p. (in Russ.)

Pain E. A. Volnovaya priroda pod"ema tradicionalizma na rubezhe XX–XXI vekov [The wave nature of rise of traditionalism at the turn of XX–XXI centuries]. Obshchestvennye nauki i sovremennost, 2011, no. 2, pp. 45–56. (in Russ.)

Rokeach M. The Nature of Human Values. N.Y., 1973. 437 p.

Rossiya – velikaya derzhava [Russia is a great state]. Press-release no. 3327. RPORC Official website. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116111> [date of visit: 16.03.17]. (in Russ.)

Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni [The Russian Society and the Challenges of Time]. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. Vol. 1. Moscow, Ves' Mir, 2015. 336 p. (in Russ.)

Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni [The Russian Society and the Challenges of Time]. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. Vol. 4. Moscow, Ves' Mir, 2016. 400 p. (in Russ.)

Stonequist E. V. Marginal'ny chelovek: Issledovanie lichnosti i kul'turnogo konflikta [The marginal man. A study in personality and culture conflict]. Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo, 2006, Vol. VIII, no 1, pp. 9–36.

Traditsii i innovatsii v sovremennoy Rossii: Sotsiologicheskiy analiz vzaimodeystviya i dinamiki [Tradition and innovation in Modern Russia: the sociological analysis of the interaction and dynamics]. Pod red. A. B. Gofmana. Moscow, ROSSPEN, 2008. 543 p. (in Russ.)

World Values Survey wave 6 2010–2014 official aggregate v. 20150418. World Values Survey Association . Aggregate File Producer: Asep/JDS, Madrid (Spain). URL: http://www.worldvaluessurvey.org/images/Cultural_map_WVS6_2015.jpg [date of visit: 25.06.2017].

Т е м а н о м е р а : Основания идентичности

Этноязыковое поведение молодых казанцев (по материалам полуформализованных интервью)

Макарова Гузель Ильясовна –
доктор социологических наук,
ведущий научный сотрудник, Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ, Казань

E-mail: makarova_guzel@mail.ru

Этноязыковое поведение молодых казанцев (по материалам полуформализованных интервью)

DOI: 10.19181/vis.2017.22.3.467

Аннотация. В статье рассматривается, как произошедшие в постсоветский период в Татарстане изменения в статусе татарского языка и введение его обязательного преподавания в школах республики сказываются на этноязыковом поведении молодых казанцев. Статья строится на текстах 20 полуформализованных (с элементами биографических) интервью с татарами и русскими 18–29 лет. Среди интервьюируемых, согласно их отношению к татарскому языку, были выделены три группы, которые условно обозначались как «ориентированные на язык», «среднеориентированные» и «нигилисты». Проведённый анализ показал, что в столице Татарстана доминирующим языком коммуникации на работе был и остаётся русский язык. Исключение составляют те, чья профессиональная деятельность непосредственно связана с татарским языком и культурой. В ряде сфер – политика, госслужба – татарский язык важен как символический ресурс. Фрагментарно он используется в сферах, занятых работой с населением, особенно с выездом в сельские районы республики. Наиболее редко он употребляется специалистами технической сферы, особенно ИТ. Языком общения казанской молодёжи в дружеской среде также выступает главным образом русский, хотя приехавшие из сёл Татарстана либо обучавшиеся в городских татарских школах и гимназиях наряду с русским используют и татарский язык. Другие представители молодого поколения (татары и русские), как правило, ограничиваются употреблением отдельных фраз и выражений. В то же время дома татары нередко используют родной язык. Многие выбирают ту или иную тактику обучения ему собственных детей, видя в этом способ сохранения своей этнической идентичности. Большинство русских поощряют уроки татарского языка в школе как проявление толерантности к народу-соседу и уважения к этнокультурной специфике региона, в котором они живут.

Ключевые слова: этноязыковое поведение, языковые практики, русский язык, татарский язык, молодёжь

Последние десятилетия характеризовались рядом существенных перемен в этнокультурном развитии Татарстана. С провозглашением суверенитета (1990 г.) здесь начала проводиться своя относительно самостоятельная языковая политика, направленная в первую очередь на сохранение и развитие татарского языка. Законодательно в качестве государственных в регионе были закреплены два языка: русский и татарский [Закон... 1992]. Начался активный процесс открытия татарских национальных школ и гимназий (в 1990-е гг. также появлялись татаро-турецкие лицеи, в которых, помимо русского и татарского языков, преподавались турецкий и арабский). Татарский язык стал обязательным для изучения во всех школах республики в равных с русским объёмах. Всё это происходило в русле общей для всей России 1990-х гг. тенденции стимулируемого этнонациональными элитами возрождения языков локальных идентичностей.

Одновременно с открытием административных и идеологических границ бывшего Советского Союза среди части населения Татарстана, как и страны в целом, проявились ориентации на Запад, началось распространение глобальных культурных практик и ценностей. В связи с этим всё более популярными (особенно среди молодого поколения) стали иностранные языки, в первую очередь английский. Возросла их востребованность при поступлении на работу. Усвоению этих языков также способствовала трансформация системы образования, СМИ, досуга, развитие туризма.

В условиях названных изменений в республике подросло и социализировалось новое поколение татарстанцев. Однако важно проанализировать, как эти преобразования сказались на языковых практиках по сравнению с поздним советским периодом, когда ведущим языком коммуникации для населения республики был русский (за исключением татарских сельских районов, в которых аналогичные функции продолжал выполнять татарский язык). Какие языки молодёжь Татарстана использует сегодня в процессе делового, а также повседневного общения (в семье, в быту, с друзьями)? И каковы её установки на воспитание своих (в том числе будущих) детей?

Необходимо отметить, что в разные периоды этноязыковые процессы в Республике Татарстан изучались в работах Я. З. Гарипова, А. Ф. Валеевой, З. А. Исхаковой, Л. М. Мухарямовой, Д. Н. Мустафиной, а также коллектива исследователей Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (в составе Г. Ф. Габдрахманова, Г. И. Макарова, Р. Н. Мусина, Л. В. Сагитова) [Гарипов 2017; Мухарямова 2003; Исхакова 2002]. Актуальность всех названных вопросов стала особенно очевидной в связи с выступлением Президента

Татарский язык стал обязательным для изучения во всех школах республики в равных с русским объёмах. Это происходило в русле общей для всей России 1990-х гг. тенденции стимулируемого этнонациональными элитами возрождения языков локальных идентичностей.

Одновременно с открытием административных и идеологических границ бывшего Советского Союза среди части населения Татарстана, как и страны в целом, проявились ориентации на Запад, началось распространение глобальных культурных практик и ценностей.

страны В. В. Путина на заседании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле 20 июля 2017 г. [Заседание Совета... 2017].

Рассмотрим обозначенную проблему, опираясь на тексты 20 полужформализованных (с элементами биографических) интервью с молодыми (18–29 лет) жителями столицы республики г. Казани, осуществлённых в 2016 г. Десять из них были проведены среди русской молодёжи и десять – среди татарской. Интервьюируемые отбирались по принципу их отношения к татарскому языку, к вопросам его сохранения и развития¹. При этом нами были выделены группы, условно обозначаемые как «ориентированные на язык», «среднеориентированные» (или «умеренные») и «нигилисты» (группы были представлены примерно в равном количестве). По желанию респондента интервью проводились на русском либо татарском языках.

В ходе исследования группу татар, «ориентированных» на развитие татарского языка и повышение его статуса в республике, составили респонденты, свободно владеющие языком. В большинстве случаев интервьюируемые в детстве жили и обучались (хотя бы некоторое время) на селе, либо родились в городе и учились в городских татарских школах или гимназиях. В их семьях говорили только или преимущественно на татарском языке. В свою очередь русскими, нацеленными на поддержание татарского языка и его использование на практике, оказались выросшие в сельских районах Татарстана либо единицы тех, кого стимулировали к его изучению определённые обстоятельства (прежде всего установки родителей, старшего поколения).

«Нигилисты» были представлены в первую очередь русскими и татарами, выросшими за пределами Татарстана, либо теми, чьи родители жили в других регионах России (соответственно, среди татар это были воспитывавшиеся в русскоязычных семьях). В связи с этим они имели и испытывают до сих пор определённые трудности с изучением и пониманием татарского языка.

Наконец, «среднеориентированные» татары, согласно данным интервью, обычно знают татарский язык и умеют объясняться на нём, но не в совершенстве. В их семьях говорили на русском и татарском языках, и они, как правило, учились в русскоязычных школах Казани. «Среднеориентированные» русские в общих чертах понимают суть сказанного на татарском языке, но не говорят на нём. Как правило, они усвоили азы татарского языка в ходе его изучения в школе.

¹ Исследование проводилось коллективом авторов – учёных Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (рук. Г. Ф. Габдрахманова) в рамках Государственной программы РТ «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2014–2020 годы».

Подчеркнём, что границы между названными группами относительно, и на практике встречается множество конкретных вариантов отношения молодых казанцев к этноязыковым вопросам. Однако в данном случае нам было важно выделить и изучить субъективные эмоционально-ценностные аспекты языкового поведения наиболее типичной группы – «среднеориентированных», с одной стороны, и, напротив, наиболее «экзотичных» и нестандартных их представителей – «нигилистов» и «ориентированных» на поддержание и развитие татарского языка¹ – с другой.

Языки в ситуациях делового общения

Анализ текстов интервью показал, что в процессе деловой коммуникации молодёжь Казани чаще всего пользуется русским либо преимущественно русским языком. Исключение составляют случаи, когда профессиональная специализация предполагает осуществление обязанностей и взаимодействие на работе на татарском языке.

Анализ текстов интервью показал, что в процессе деловой коммуникации молодёжь Казани чаще всего пользуется русским либо преимущественно русским языком. Исключение составляют случаи, когда сама профессиональная специализация предполагает именно и прежде всего осуществление обязанностей и взаимодействие на работе на татарском языке (как, например, у журналистов татароязычных СМИ). Встречались и примеры активного применения представителями ряда профессий английского языка.

Непрерывное владение татарским языком, по представлениям молодых казанцев, помимо указанных выше примеров, сегодня необходимо лишь для работников государственных органов РТ – депутатов и чиновников разных уровней, хотя среди наших респондентов таковых не оказалось: «...только единственное..., насколько я знаю..., если депутаты, или во власти – то там нужно знание татарского языка. Именно в Татарстане» (муж., русск., «среднеориентир»). Приведём также более развёрнутый фрагмент другого интервью.

И. (интервьюер): *В Татарстане такой необходимости знать татарский нет? То есть можно на русском коммуницировать?*

Р. (респондент): *Если только ты не хочешь быть чиновником каким-нибудь. /.../ Там... язык превращается в своего рода инструмент для повышения своего статуса (жен., русск., «среднеориентир»).*

Признавалось также, что определённые коммуникативные навыки на данном языке значимы для работающих с населением, например, для юристов нотариальных контор: «Она (жена респондента, татарка – Г. М.) работает сейчас

¹ Далее, приводя цитаты из интервью, будем в скобках обозначать данные группы сокращенно: «среднеориентир», «нигилисты», «ориентир».

В процессе деловой коммуникации молодёжь Казани чаще всего пользуется русским либо преимущественно русским языком. Исключение составляют случаи, когда профессиональная специализация предполагает осуществление обязанностей и взаимодействие на работе на татарском языке.

Непрерывное владение татарским языком, по представлениям молодых казанцев, сегодня необходимо лишь для работников государственных органов РТ – депутатов и чиновников разных уровней.

юрисконсульту у нотариуса. И там ... люди приходят к нотариусу, они на татарском языке разговаривают. /.../ Люди приходят и с порога начинают задавать вопросы какие-то на татарском языке. Знание татарского языка здесь только на пользу играет. Потому что ей не нужно переспрашивать. Она может ответить, как минимум, на русском, что им нужно. Главное, что она может понять, что им нужно. Это хорошо» (муж., русск., «ориентир»). Пригождается знание языка и тем, чья трудовая деятельность связана с поездками по городам и районам Татарстана. И хотя сегодня большинство населения республики владеет русским языком, однако людям нередко удобнее общаться на татарском, особенно в сёлах. Соответственно, знание этого языка облегчает взаимопонимание: «Именно на работе встречаешься с тем, что татарский всё-таки нужен. Особенно в Татарстане, потому что приезжаем на объект (интервьюируемая работает в области строительства – Г. М.). Охранники – татарские мужчины лет шестидесяти. /.../ охранник говорит (коллеге интервьюируемой – Г. М.): «Что, татар кызы?» («Татарка?» – Г. М.). «Да». Он на меня смотрит: «А ты?» Я говорю: «Нет». «А, ну ладно», – типа, русская. Я говорю: «Вообще-то, я всё понимаю». Он что-то по-татарски сказал другому охраннику. У того сразу планка уважения поднимается в этот момент: «Татарский знает. Всё, свой человек» (жен., русск., «среднеоринетир»).

Владение татарским языком играет положительную роль и в сфере торговли, а именно в коммуникации с татароязычными клиентами, как отмечали интервьюируемые – менеджеры по продажам, секретари-референты крупных торгово-развлекательных центров Казани: «Покупатели сами говорят: «Айдар?». «Айдар». «Татарин?». «Татарин». И сами начинают с тобой разговаривать по-татарски, потому что им так проще. Они себя как дома чувствуют. С улыбкою сразу же» (муж., тат., «ориентир»). Отдельные информанты также признавались, что знание языка помогает им наладить доверительные отношения с начальством – татарами, в поведении которых проявляются элементы национальной предпочтительности.

Р.: Естественно, у нас генеральный директор сам татарин. И как-то для него более симпатично, когда сотрудница татарка и знает татарский.

И.: Начальник иногда с вами говорил на татарском?

Р.: Да, да. У него по настроению было. Мог «кызым» («доченька» – Г. М.) сказать по-татарски, вот так вот добрым словом. Попроцаться на татарском мог или пожелать что-нибудь на татарском языке (жен., тат., «среднеориентир»).

Определённые коммуникативные навыки на татарском языке значимы для работающих с населением, для тех, чья трудовая деятельность связана с поездками по городам и районам Татарстана, владение татарским языком играет роль в сфере торговли, в коммуникации с татароязычными клиентами.

Отдельные информанты также признавались, что знание языка помогает им наладить доверительные отношения с начальством – татарами, в поведении которых проявляются элементы национальной предпочтительности.

В ходе интервью многие молодые татары также говорили, что в той или иной мере применяют татарский язык при общении со своими сослуживцами: *«С коллегами-татарами общаемся на татарском языке»* (жен., тат., «ориентир»); *«Опять же можем перекинуться словами только друг с другом»* (муж., тат., «среднеориентир»). Русские в свою очередь, отмечая, что они не против такого общения, указывали, что в целом понимают, о чём идёт речь. И это, как показало исследование, уже во многом заслуга языкового образования в республике последних десятилетий. Приведём пример, подтверждающий данный тезис.

Р.: Именно разговаривать – нет, не получается. Потому что мне всё равно словарного запаса не хватает. Если они мне что-то говорят по-татарски, я им отвечаю по-русски. То есть, они прекрасно понимают, что я их...

И.: Поняла?

Р.: Поняла, да. Сначала-то они думали, что я не знаю язык и что-то там шутили, шутили. И моя подруга... сидит и говорит: «Ты тут дошутишься сейчас». Как бы, что ты болтаешь-то? «Она вообще-то понимает всё, что ты сейчас говоришь». – «Да ладно... Ты знаешь татарский?!» (жен., тат., «среднеориентир»).

Сегодня, по прошествии более чем 25 лет осуществления языково-образовательных реформ в Татарстане, в молодёжной среде татарский язык уже не может использоваться в той же мере в качестве «тайного языка» [Бурыкин 2004]. Хотя некоторые русские всё же отмечали, что им порой бывает непонятен смысл разговора, и они просят объяснить, о чём идёт речь: *«Просто с улыбкой говорю: «Переведите. Я не понимаю»* (муж., русск., «среднеориентир»). И только единицы, отнесённые нами в группу «нигилистов», заявляли, что могут проявить при этом недовольство: *«Я всегда понимала, что государственный язык у нас русский, все люди знают русский. Значит, если мне надо, чтобы мне что-то сказали, пусть говорят на общем нашем языке в России»* (жен., рус., «нигилист»).

Анализируя тексты интервью, мы также пришли к выводу, что есть профессии, представители которых сегодня в ходе делового общения не используют или практически не используют татарский язык. В этом признавались, в первую очередь, информанты (причём в их числе были и те, кто владеет национальным языком и относится положительно к мерам по его сохранению и развитию), чья деятельность связана с современными информационными технологиями, с технической сферой в целом: *«Айтишники, это вообще такое... В IT, вы знаете, английский язык обязателен. Там*

Есть профессии, представители которых сегодня в ходе делового общения не используют или практически не используют татарский язык: это те, чья деятельность связана с современными информационными технологиями, с технической сферой в целом.

даже делать нечего без знания языка. Поэтому там общение идёт на русском, при этом термины не переводятся. То есть даже если переводятся, то они такие... ну, «контейнер», это же не русское слово. Или «задеплоить», вот эти вещи... Я даже не знаю, как это будет по-русски, «деплоить», да? Деплоим – это и есть деплоим, вроде все привыкли. Там такое общение идёт. И русский такой исковерканный сильно у айтишника. Поэтому татарским там даже и не пахнет! Ну и на татарском нет никаких тематических блоков, например, там по IT, профессиональных» (муж., тат., «нигилист»). А вот отрывок из другого интервью: «Те, кто занимается наукой – физикой, математикой, в общем, техническими науками, – связаны с чтением большого количества научных статей. И тут для меня опять стал очень актуальным английский язык. /.../ Потом /.../ я стал работать айтишником, программистом, где любая информация вообще вся черпается из источников на иностранном, на английском языке. /.../ Поэтому мы даже свою внутреннюю переписку вели на английском языке. И в скайпе между собой на английском языке разговаривали. С индусами в основном, чуть-чуть с американцами» (муж., рус., «ориентир»).

Как результат, татарский язык больше ассоциируется у данных информантов с ситуациями бытового общения, причём с людьми старшего возраста: «Ситуаций, когда мне это необходимо (владение татарским языком – Г. М.) было на самом деле на пальцах руки пересчитать... То есть когда, допустим, какие-то там бабушкины подружки детства, ещё какие-то заходили /.../. Но чтобы передавать какую-то существенную информацию, такого нет. Такого вот не сложилось. Наверное, за весь период сознательной жизни не было, мне так кажется. Я, честно говоря, об этом сожалею» (муж., рус., «ориентир»). Другим респондентом, студентом Иннополиса, татарский язык связывается исключительно с бытом, с деревней и с национальным гостеприимством: «...татарское... – оно часто ассоциируется с татарской деревней. Потому что я больше всего соприкасаюсь с татарским языком в деревне. /.../ У нас, в татарской культуре – наше татарское гостеприимство, например. Я помню, что когда мы ездили в деревню, мы просто спрашивали дорогу, а нам в каждом доме говорили, это вот там, а это там, а давайте пока заходите чай пить к нам. Незнакомые люди совершенно. Ну, и эта наша черта, что в доме уютно. Жена скромная, заботливая, хранительница очага домашнего. Это же наше всё, именно татарские ценности» (муж., тат., «нигилист»).

На значимость английского и других иностранных языков как средства профессиональной коммуникации в свою очередь указывали также ориентированные на работу в разного рода международных компаниях. Вот как отвечает на вопрос

о том, какие языки ему понадобятся для реализации планов в сфере бизнеса, связанного с западными странами, один из интервьюируемых: *«Русский и английский. Я же говорю, какой угодно вопрос у меня спросите про языки, я вам скажу – русский и английский. Русский, потому что он мой родной и мне приятно на нём разговаривать, а английский потому, что он международный. То есть это универсальный ключ, который подходит почти ко всем замкам»* (муж., русск., «среднеориентир»). И вот ещё один пример: *«По работе, например, налаживать контакты с турками ..., вести дела с ними можно, если можешь с ними общаться. Поэтому – турецкий язык. Потом английский... Например, недавно у нас здесь прошёл Форум молодых предпринимателей, если бы мы не знали английского, наш проект не вошёл бы в пятёрку. Аккредитацию мы делали на английском: прошли, президенту показали. Английский язык, в общем, нужен»* (муж., тат., «ориентирован»).

Таким образом, как уже видно из анализа и самих фрагментов интервью, языки делового общения (в том числе использование или неиспользование на работе татарского языка) определяются не столько личной установкой каждого, сколько профессией молодых людей и конкретной сферой их деятельности. При этом мнения и оценки занятых в той или иной из сфер, несмотря на то, что их можно причислить к различным по отношению к татарскому языку группам, во многом совпадают. В то же время практически все наши респонденты оказались едиными в признании того, что сегодня в Казани острой необходимости во владении татарским языком в абсолютном большинстве областей профессиональной деятельности нет. И его знание редко требуется при трудоустройстве¹. То есть, в принципе, можно обойтись и без него. Хотя умение говорить на нём способно принести некоторые дивиденды в тех или иных рабочих ситуациях и помочь успешно решить отдельные вопросы.

В ходе интервью молодыми информантами также высказывались суждения общего характера о нужности/ненужности знания татарского языка. Они нередко связывались с региональной спецификой. При этом одни интервьюируемые обосновывали значимость его изучения стремлением отдать дань этнокультурной самобытности республики: *«... принадлежность к Татарстану есть в татарской культуре. /.../. Я не уверена, насколько мне это нужно. Насколько мне НУЖНО (выделено мной – Г. М.) знать татарский язык. /.../ Но в то же время я понимаю, что для меня это важно»*

¹ Вот как, в частности, отвечает на вопрос: «Что могло бы простимулировать молодёжь в совершенствовании знания татарского языка?» одна из информантов: *«Если бы он был каким-то приоритетным, наверное. В плане, например, когда ... устраиваешься на работу. Так как мы живём в Татарстане, люди, которые татарский знают, будут рассматриваться в первую очередь. Тогда бы может ещё это могло людей стимулировать... Но это уже получается недемократично (смеётся – Г. М.)»* (жен., тат., «среднеориентир»).

(жен., русск., «среднеориентир.»). Другие связывали важность изучения языка с заслугами региона в целом ряде иных областей: *«Татарстан – он впереди планеты всей /.../. Вот что хорошо в Татарстане, так то, что многие бизнес-проекты иностранные, они начинаются в Татарстане /.../. Отсюда надо плясать, что татарский язык когда-то станет чем-то большим, чем сейчас. Но опять-таки всё упирается в то, что Татарстан – это маленькая часть, а Россия-то большая /.../. Но пока существует Татарстан, существует и татарский язык»* (муж., русск., «среднеориентир.»).

В то же время были и интервьюируемые, в основном настроенные в будущем покинуть республику и даже страну, которые, напротив, подчёркивали, что татарский – язык исключительно местного значения. Ареал его действия ограничен, а перспективы малы. Поэтому не стоит тратить время на его изучение. К примеру, один из них в ходе беседы отмечал, что если английский язык открывает в результате овладения им огромный «культурный пласт», то «с татарским языком этого не получится. Потому что культура /.../ сугубо региональная...» (муж., рус., «нигилист»).

Что касается языков общения в процессе учёбы, нужно отметить следующее. Сегодня главным языком не только обучения, но и взаимодействия между однокурсниками, как и сотрудниками, в столице Татарстана выступает русский язык. *«Необходимости (в использовании татарского языка – Г. М.) не было практически никакой. Я занимался общественной жизнью, разными проектами, общественными организациями, – отмечает один из интервьюируемых, татарин. – И даже там таких моментов не было, чтобы возникла необходимость в татарском языке или что-то подобное»* (муж., тат., «среднеориентир.»).

В то же время определённый толчок к использованию национального языка в учебном процессе задаётся сегодня приезжими из других городов и особенно сельских районов республики – татароязычными татарами. В связи с тем, что такие студенты или учащиеся имеются практически во всех учебных заведениях Казани и на всех факультетах, татарскую речь здесь так или иначе можно услышать. В свою очередь те из студентов-казанцев, кто в той или иной мере владеет татарским, стараются их поддержать: *«Иногда бывает, когда люди из татарской группы..., приходится говорить на татарском. /.../ Один тоже... из деревни... татарин..., вот с ним на татарском разговаривают»* (муж., тат., «среднеориентир.»).

Другие в целом воспринимают подобные «островки» татароязычного общения нормально и даже сами усваивают отдельные выражения: *«В университете...у нас приезжают из других городов. Я вообще один казанский. ... От них слышу, что между собой они разговаривают на татарском языке.*

От них какие-то фразы слышишь, и сам начинаешь их употреблять» (муж., рус., «среднеориентр»). Хотя некоторые интервьюируемые приводили и другие примеры.

Р.: Кто-то вообще негативно к нему (к татарскому языку) относится. Когда скажешь что-нибудь на татарском, они как бы так, знаете...

И.: Огрызаются?

Р.: Ну, что ты мне тут говоришь ещё?! Почему ты говоришь не на русском, а на татарском языке?» (жен., тат., «нигилист»).

Стоит, однако, заметить, что в процессе интервью выясняется, что это в основном позиция студентов, приехавших из других регионов России.

Использование языков в повседневной коммуникации

В целом схожие тенденции были обнаружены и при анализе языков общения молодых казанцев в среде друзей, знакомых. Однако здесь – среди выросших в основном в столице республики – татарский язык используется ещё реже: *«У нас всё равно..., и я редко встречаю, чтобы... говорили на татарском языке. Основной язык – русский» (жен., русск., «среднеориентир»); «У нас город не маленький, и скорее всего преобладает русский язык» (муж., тат., «среднеориентир»).* Татароязычные татары в связи с этим сетовали: *«На татарском сейчас уже редко кто говорит; говорить не с кем, если только в деревне» (муж., тат., «сренеориентир»).*

И всё же некоторая часть татарской молодёжи старается разговаривать между собой на татарском или на татарском и русском языках одновременно («смешанном» языке, как обозначали его сами интервьюируемые): *«Тут ещё от чего идёт? Допустим, если я начну что-то спрашивать на татарском, мне ответят тоже на татарском. Если, допустим, у меня спросят на определённом языке, то я уже определённо и отвечу. То есть это взаимозаменяемо..., в принципе так разговор идёт. То есть язык смешанный всегда» (муж., тат., «ориентир»).* При этом было подмечено, что употребляют татарский язык обычно те из казанцев, кто учился в татарской школе/гимназии (хотя бы несколько лет) или ходил в детский сад с «татарским уклоном».

Другие, хотя и имеют родителей-татар, общающихся дома на родном языке (или и на татарском, и на русском), используют его лишь в отдельных случаях, например, для того, чтобы их не поняли окружающие. Это делается, по при-

знанию самих интервьюируемых, в шутку. *«Может быть, если только какие-нибудь специфичные слова, смешные, на татарском звучат. /.../ Например, находишься рядом с людьми, которые знают татарский, и с тобой рядом стоят люди, которые не очень знают татарский. И если скажешь на татарском, а они же не понимают. Смешно на них смотреть, в принципе»* (жен., тат., «среднеориентир»).

Такого рода «приколы», используя молодёжный сленг, в настоящий период без обид воспринимаются большинством молодых русских, в той или иной мере понимающих татарский язык: *«Некоторые мои друзья могут между собой на татарском поболтать, и я что-то пойму. То есть, я отвечу на русском, вообще базовый язык – русский. А так, да – они могут на татарском говорить. Кто-то может и на русском, кто-то – и на английском поговорит. Это будет такой как бы шуточный...»* (муж., рус., «среднеориентир»). Одновременно тех, кто владеет татарским, как и самих татар, подобная ситуация развлекает, и они даже могут сами в ней поучаствовать: *«Друг мой – один из самых близких – крещёный татарин. Он свободно говорит на татарском языке. /.../ Он очень весёлый человек. И периодически у него бывает желание просто начать говорить на татарском языке среди тех, кто вообще его не понимает. Он любит так «прикалываться»... А чтобы целенаправленно, для того, чтобы с кем-то пообщаться на татарском языке, такого нет»* (муж., руск., «ориентир»).

Таким образом, нельзя сказать, что татарский язык в настоящий момент не звучит в молодёжной среде Казани. У большинства выросших в Татарстане он не вызывает какого-либо раздражения или неприятия. Более того, применение отдельных слов и выражений на татарском становится даже модным: *«Я часто употребляю всякие такие фразы,...вот у них принято «Алла бирса» (Бог даст), или ещё «тизрэк» (быстрее – Г. М.) я употребляю»* (муж., руск., «среднеориентир»). Но это не означает использования татарского языка представителями молодого поколения в качестве языка коммуникации.

О том, что татарский язык и татарская культура не уходят из языковой практики молодёжи столицы РТ полностью, говорит и тот факт, что в числе мест проведения досуга половина проинтервьюированных нами (и татар, и русских) отметили татарские театры (в первую очередь, театр Г. Камала)¹. И хотя русские информанты в большинстве случаев указывали, что пользуются наушниками с переводом спектакля на русский язык, уже сама атмосфера предполагает естественное и благожелательное восприятие татарского языка, в чём мы убедились в ходе наблюдений [Макарова 2016]. Эти наблюдения

¹ Некоторые представители татарской молодёжи также отмечали, что ходят на татарские концерты, слушают татарские песни.

Нельзя сказать, что татарский язык в настоящий момент не звучит в молодёжной среде Казани. У большинства выросших в Татарстане он не вызывает раздражения или неприятия. Более того, применение отдельных слов и выражений на татарском становится даже модным. Но это не означает использования татарского языка молодёжью в качестве языка коммуникации.

То, что татарский язык и татарская культура не уходят из языковой практики молодёжи столицы РТ полностью, подтверждает тот факт, что в числе мест проведения досуга были отмечены татарские театры.

также подтвердили выводы социолингвистов [Gumperz 1982; Appel 1987], в том числе отечественных [Речевое общение... 2000; Салихова, Искужина 2013], о том, что само окружение, условия протекания коммуникации существенно влияют на выбор языка общения. Не случайно татароязычные, особенно татары, переехавшие из деревни, говорили, что для них национальный театр – одна из немногочисленных городских территорий, где звучит татарская речь, и это некая «отдушина» в условиях русскоязычного окружения: *«Камал театры эченэ килеп кергэч, мин, чөнки Камал театры ул безнең өчен нәрсә булып калды Казанд. Беренче мин анда килеп кергэч, үземне рэхэт хис итә торган урын, чөнки анда кемгә дә барып татарча дәшэргә була. Нәм син белэсең, кеше сиңа татарча жавап кайтара икәнэн. (Когда я вхожу в театр Камала, для меня это в Казани самое первое. Когда я туда прихожу, я хорошо себя чувствую, потому что там к кому угодно можно подойти и обратиться на татарском языке. И ты знаешь, этот человек ответит тебе также)»* (жен., тат., «ориентир»).

Наконец, нельзя обойти вниманием и тот факт, что важным посредником в общении молодёжи со своими сверстниками выступает сегодня интернет. Здесь татарский язык пока применяется единицами татар. При этом его использование нередко становится для них формой демонстрации своей этнической идентичности: *«Я, например, специально так говорю, когда общаюсь по WhatsApp, Viber, «Вконтакте», пишу sms-сообщения. Я знаю, что это татарин, однако он обычно разговаривает по-русски. Я, наоборот, задаю ему вопрос на правильном татарском языке и проверяю, как он мне ответит. /.../ Был такой случай недавно. Человек общается с друзьями на русском, с родителями как – не знаю. Среда у него русская, и вот он мне на правильном татарском языке ответил. Так приятно было прочесть, заставил меня улыбнуться ...»* (жен., тат., «ориентир»). В свою очередь, среди интервьюируемых русских были отметившие, что и в этой среде воспринимают татарский язык нормально: *«К пятому курсу у нас уже такое началось, что и в чатах /.../ по-татарски пишут, а ты сидишь и думаешь: что же ты сказал? Притом, что пишется всё русскими буквами. И ты уже начинаешь в мозгах соображать: а как это могло быть по-татарски написано? /.../ Но я не вмешиваюсь. Я просто читаю этот диалог»* (жен., русск., «среднеориентир»).

Языки в семьях

Анализируя этноязыковое поведение молодых казанцев, важно остановиться на вопросе выбора языков коммуникации в создаваемых ими семьях, а также для взаимодействия

Важным посредником в общении молодёжи со своими сверстниками выступает сегодня интернет. Здесь татарский язык пока применяется единицами татар.

с представителями противоположного пола, с которыми они планируют создать семью. Попытаемся при этом выяснить, как в данном выборе проявляются или могут сказываться разного рода факторы, начиная от языков воспитания самих информантов и их школьного образования и заканчивая влиянием языковой среды города.

Прежде всего обратимся к анализу текстов интервью с татарами. Ориентированные на поддержку и развитие в республике татарского языка выказывали готовность к проведению такой же линии в собственных семьях. *«Я хочу видеть рядом с собой человека, который будет хорошо разговаривать на татарском языке, – говорит информант-татарка, выросшая в сельском районе Татарстана, в семье которой говорили исключительно на татарском языке. – Во-первых, потому что ему тяжело будет общаться с моими родителями, с бабушкой, дедушкой. Я не говорю, что мои родители не знают русского языка. Они знают, но мы все с родственниками, бабушками, дедушками на татарском общаемся. Им же будет неудобно, им надо переводить»* (жен., тат., «ориентир»). И далее продолжает рассуждать уже про своего будущего ребенка: *«Мне кажется, с детства, пусть не с колыбели, а как только он начинает говорить (надо учить татарскому – Г. М.). Он же начинает говорить, услышав говор родителей, слова говорит. В первую очередь, в семье надо учить»*.

Другая татарка, тоже проведшая детство в деревне и обучавшаяся на татарском языке, объясняет собственную установку на его поддержание в качестве языка семейного общения необходимостью сохранения татарской идентичности и воспроизведения татароязычной среды в условиях её продолжающегося сужения¹: *«Телне белергә кирәк дип саныым. Рус телен дә белергә кирәк, әлбәттә. Теге мин балаларыма анда рус телен өйрәтмим дигән сүз түгел. Алар аны иркен аралашсыннар. әмма ләкин безнең үзебез өчен, татар халкы өчен, мин саныым /.../ татар телен саклап калу кирәк. Безнең мохит кечерәйгәннән кечерәя бара. Һәм шуңа күрә ул мохитне өйдә булса да булдырырга кирәк. Һәм кайда тагын булдыра аласың балага? /.../ Аларның телгә, милләткә тартылу шул очрактагына була. (Я считаю, что язык надо знать. И русский язык надо знать, конечно же. Я не говорю, что мои дети не будут изучать русский язык. Пусть свободно общаются. Однако для нас, для татарского народа, я считаю, надо /.../ беречь татарский язык. Наша среда становится всё меньше и меньше. Поэтому эту среду надо создать хотя бы дома. А ещё где ты можешь создать такую среду для ребёнка? /.../ Их можно притягивать к языку, к нации только в том случае, если*

¹ Об аналогичных тенденциях в других регионах России пишут И. В. Нам, Е. И. Клементьев, Л. В. Намруева и др. [Нам 2005; Клементьев 2005; Намруева 2014].

это в них вложить с детства)» (жен., тат., «ориентир»)¹. Она же уточняет далее свою позицию, отмечая, что сохранение татарского языка как раз и зависит в первую очередь от самосознания самих татар: *«Миңа калса, безгә ул ситуацияне үзгәрткәнче, милли үзаң булдырырга кирәк. Кешеләрнең аңлы рәвештә үзләренең телен аңлау, милләтен аңлау кирәк. (Мне кажется, чтобы изменить данную ситуацию, должно быть национальное самосознание. Люди сознательно должны понимать свой язык, свою нацию)»*.

И даже те из ориентированных на поддержание татарского языка молодых людей, у кого девушки (будущие жёны) не знают его в совершенстве, настроены общаться с ними в семье именно на татарском. *«А так больше на татарском общаемся тоже..., инициатива больше от меня – разговаривать на татарском»* (муж., тат., «ориентир») – подчёркивает татарин, проживавший до 4-х лет в деревне и обучавшийся в городской татарской гимназии.

Выделенные нами в группу «умеренных» татары – как правило, городские по происхождению и сами не владеющие в совершенстве татарским языком – чаще отмечали, что хотели бы обучать детей своему языку. Однако это не высказывалось в категоричной форме. Вот как, к примеру, размышляет респондент, родившаяся в Казани и окончившая русскоязычную школу: *«Я же татарка, и хочется, чтобы ребёнок тоже понимал и знал татарский язык. Навязывать, естественно, я не буду»* (жен., тат., «среднеориентир»).

Одни информанты заявляли, что готовы отдать своего ребёнка в татарскую группу в детском саду, поскольку дома они сами говорят по-русски: *«Я только «за». Мы изначально же планировали её отдать в другой садик, татарский. Я как раз таки хотела, чтобы она там усваивала этот язык. Туда попасть не удалось. Перевелись сюда. Здесь, я думала, будет русская группа. А когда выяснила, что татарская, я только рада была, и бабушки и дедушки все рады. Несмотря на то, что они сами не разговаривают на татарском, они настаивают, чтобы Алия знала, учила татарский (жен., тат., «среднеориентир»)*. Другие отмечали, что будут стараться говорить в семье на двух языках – татарском и русском: *«50 на 50. То есть, допустим, какие-то контексты вести на татарском, какие-то уменьшительно-ласкательные слова добавлять на татарском, также как и на русском. /.../ Но однозначно я считаю, что татарский в любом случае у них должен быть базой. /.../ Татарский – это их родной язык, но, тем не менее, знать русский тоже очень хорошо»* (муж., тат., «среднеориентир»).

¹ И вот ещё одна схожая цитата. На этот раз говорит молодой человек – татарин, живший до четырёх лет в деревне и обучавшийся в татарской гимназии: *«...татарский язык, он же потихоньку вымирает. Каждый год мы какое-то слово забываем. /.../ Да, вымирает, это для меня факт. ...Татарский язык для меня – это семья прежде всего»* (муж., тат., «ориентир»).

Тех татар, кто откровенно высказался бы против любых форм общения на татарском и обучения ему своих детей как дома, так и в школе в ходе нашего исследования мы не встретили. Хотя были те, кто считали его знание не обязательным.

Среди русских таковых тоже были единицы. Причём почти никто не выражал недовольства тем, что на нём говорят сами татары. Звучали только отдельные высказывания против форм обучения ему в школах республики: *«Я считаю, что моему ребёнку он не пригодится. Хотя если он сам выразит желание знать татарский, я буду этому рада. Пусть знает. Всё-таки язык – это всегда полезно, несмотря на то, какой это язык. Но на самом деле очень, очень важно немножко ослабить правила изучения татарского языка. Либо сбавить количество часов для русских людей, либо сделать его по выбору»* (жен., русск., «нигилист»).

Что касается домашнего общения, абсолютное большинство проинтервьюированных русских отмечали, что не используют татарский язык ни в семьях родителей (хотя некоторые из родителей его понимают), ни в своих семьях. Однако обычно они не против, чтобы их дети (настоящие или будущие) в какой-то мере изучали данный язык. *«Английский я бы хотел, чтоб они знали, причём знали хорошо, прям с первого класса, – говорит один из них. – Татарский, естественно, в школе»* (муж., рус., «среднеориентир»). Кто-то из русских объяснял своё отношение к татарскому языку важностью сохранения мирного взаимодействия народов и их культур в Татарстане: *«На самом деле я считаю, что это (взаимодействие языков и культур – Г. М.) особенность, которая влияет, в том числе на жителей республики. Учит нас толерантности, более широкому /.../ мировоззрению»* (жен., рус., «среднеориентир»).

Наконец, встречались немногие русские, которые не только знают татарский язык, но и стараются общаться на нём или на обоих языках (русском и татарском), в том числе со своими родственниками из числа татар. Так, один из них вспоминает, каким образом им выстраивалось языковое взаимодействие с роднёй со стороны его жены-татарки. *«Периодически было, в первые какие-то наши встречи с родственниками, что они что-нибудь рассказывали и говорили потом Карине, моей жене: «Переведи ему». Она говорит: «А зачем? Он итак всё понимает»* (муж., русск., «ориентир»). При этом, по признанию самого информанта, с каждым разом коммуникация на татарском языке давалась ему всё легче – вспоминались навыки, усвоенные в детстве в ходе общения со сверстниками из Рыбно-Слободского района. Он же, говоря далее о своих установках на обучение будущих детей языкам, замечает: *«... если у супруги моей будет желание ребёнка обучить татарскому языку, или бабушка, например, захочет этого, я – пожалуйста. То есть, чем больше он будет знать языков, тем лучше».*

Абсолютное большинство проинтервьюированных русских отмечали, что не используют татарский язык ни в семьях родителей, ни в своих семьях. Однако обычно они не против, чтобы их дети изучали данный язык.

И вот другой пример. Выросший в Казани (в Старо-Татарской слободе) русский, которому установка на обучение татарскому языку была дана родителями и бабушкой, отвечает на вопрос «Каким языкам вы будете обучать детей в семье?»: «Мы, поскольку всё-таки знаем три языка более-менее, кроме русского, татарский и английский. Будем как в семье Ленина...» (муж., русск., «ориентир»). До этого интервьюируемый рассказывал о практике, про которую он узнал в музее В. И. Ленина, где «было принято устраивать дни разных языков».

Заключение

Анализ текстов интервью позволил прояснить ситуацию с использованием молодыми казанцами татарского, русского и других языков в ситуациях делового и повседневного общения.

Выяснилось, что в столице Татарстана доминирующим языком коммуникации на работе для представителей абсолютного большинства профессий был и остаётся русский язык. Исключение составляют те из них, чья профессиональная деятельность непосредственно связана с татарским языком и культурой. В ряде сфер татарский язык важен как символический ресурс – это в первую очередь сфера политики и госслужбы. В других профессиональных областях он используется молодыми людьми фрагментарно, например, в работе с населением (в частности, были упомянуты служащие паспортных столов, юристы нотариальных контор, менеджеры торговых центров и т. д.), а также выезжающими по роду деятельности в сельские районы и города республики.

Татарский язык может применяться в процессе общения между коллегами, главным образом татарами. При этом родившиеся в Татарстане и обучавшиеся в школах РТ русские, как правило, понимают, о чём идёт речь. И их уже не обижают ситуации, когда при них говорят не на русском, как это было в поздний советский или ранний постсоветский периоды.

Проведённое исследование также выявило области профессиональной деятельности, в которых татарский язык употребляется крайне редко. Согласно данным интервью, в Казани это прежде всего IT-технологии и вообще техническая сфера. Кроме того, он почти не присутствует в работе менеджеров разного рода зарубежных компаний. Весьма востребованным и в том, и в другом случае, помимо русского, является английский язык.

Таким образом, использование или неиспользование в практике деловой коммуникации татарского языка определяется сегодня не только и не столько его знанием и жела-

Татарский язык может применяться в процессе общения между коллегами, главным образом татарами. При этом родившиеся в Татарстане и обучавшиеся в школах РТ русские, как правило, понимают, о чём идёт речь.

нием самого молодого человека, сколько той сферой, в которой он работает. Однако лишь в единичных случаях владение им является обязательным требованием работодателя.

Языком общения казанской молодёжи в дружеской среде выступает главным образом русский. Хотя отдельными категориями интервьюируемых (приехавших из сёл Татарстана либо обучавшихся в городских татарских школах и гимназиях), наряду с русским, используется и татарский язык. В некоторых случаях их число пополняют те, у кого в семье говорили исключительно или преимущественно на татарском. Другие представители молодого поколения (татары и русские), как правило, ограничиваются употреблением отдельных фраз и выражений.

В то же время дома, особенно при общении с людьми старшего поколения, татары нередко используют родной язык. Многие выбирают ту или иную тактику обучения ему собственных детей. И в этом им видится способ сохранения своей этнической идентичности. Русские в большинстве своём поощряют уроки татарского языка в школе как проявление толерантности к народу-соседу и уважения к региону, в котором они живут, к его этнокультурной специфике.

Таким образом, последние два с половиной десятилетия реформ в Татарстане кардинально не изменили ситуацию с функционированием в регионе татарского языка. Он не стал равным с русским языком общения молодых людей в трудовом коллективе, с однокурсниками или друзьями, хотя по-прежнему остаётся значимым средством коммуникации в семье и важным фактором поддержания идентичности татар. В то же время положительным является уже то, что национальный язык не вызывает сегодня отторжения у большинства молодых казанцев и не связывается исключительно с сельским бытом и сельской культурой. В настоящий период можно встретить некоторых русских, неплохо владеющих татарским языком, применяющих его на работе и в семьях, что является заслугой преподавания языка в школах Татарстана.

Наконец, использование в среде городской молодёжи слов и фраз на татарском языке говорит о том, что «татарское» даже становится в некоторой мере модным. По-видимому, это не только влияние языковой политики республики, но и рост статуса Татарстана в ряду других регионов России, благодаря усилиям руководства Республики по формированию регионального бренда и региональной идентичности.

Библиографический список

Бурыкин А. А. 2004. Ментальность, языковое поведение и национально-русское двуязычие (язык меньшинства как «тайный язык» в отечественном социокультурном контексте)

Русские в большинстве своём поощряют уроки татарского языка в школе как проявление толерантности к народу-соседу и уважения к региону, в котором они живут, к его этнокультурной специфике.

Последние два с половиной десятилетия реформ в Татарстане кардинально не изменили ситуацию с татарским языком. Он не стал равным с русским языком общения молодых людей в трудовом коллективе, с однокурсниками или друзьями, но по-прежнему остаётся значимым средством коммуникации в семье и важным фактором поддержания идентичности татар.

// Отражение русской ментальности в языке и речи: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (8–9 апреля 2004 г.). Липецк. С. 50–60.

Гарипов Я. З. 2017. Этноязыковые процессы в многонациональном российском регионе: тенденции развития и особенности социального проектирования (на примере Республики Татарстан). Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора социологических наук. Уфа. 50 с.

Закон «О языках народов Республики Татарстан» (от 8 июля 1992 г., № 1560-ХІІ) // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. URL: <http://base.garant.ru/8119056/1/> [Дата посещения: 28.08.2017].

Заседание Совета по межнациональным отношениям. 20 июля 2017 года // kremlin.ru URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55109> [Дата посещения: 28.08.2017].

Исхакова З. А. 2002. Функциональное взаимодействие татарского и русского языков в современном Татарстане // Язык и этнос на рубеже веков. Казань: Магариф. С. 13–41.

Клементьев Е. И. 2005. Карелия: идентичность и язык в зеркале переписи 2002 г. // VI Конгресс этнологов и антропологов России. Тезисы докладов. СПб.: МАЭ РАН. С. 460.

Макарова Г. И. 2016. Языковые практики молодёжи в досуговых пространствах Казани // Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. Сборник очерков / Под ред. Г. Ф. Габдрахмановой, Г. И. Макаровой, А. Р. Мухаметзяовой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. С. 104–120.

Мухарямова Л. М. 2003. Языковые отношения: политологический анализ. Казань: Изд-во Казанск. Ун-та. 276 с.

Нам И. В. 2005. Этноязыковые процессы в Тюменском регионе: Ожидания и итоги // VI Конгресс этнологов и антропологов России. Тезисы докладов / СПб.: МАЭ РАН. С. 461.

Намруева Л. В. 2014. Состояние калмыцкого языка (по итогам социологических исследований 2008, 2013 гг.) // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 25–27 сентября 2014 г. / Отв. ред. Г. Ф. Габдрахманова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. С. 312.

Речевое общение в условиях языковой неоднородности. М.: Эдиториал УРСС. 2000. 224 с.

Салихова Э. А., Искужина Н. Г. 2013. Параметры варьирования русского языка в условиях городского билингвизма // В мире научных открытий. Красноярск: Научно-инновационный центр. № 5.1 (41). С. 134–154. // URL: <http://www.nkras.ru> [Дата посещения: 28.08.2017].

Gumperz J. J. 1982. *Discourse Strategies*. Cambridge: Cambridge University Press. 225 p.

Appel R., Muysken P. 1987. *Language contact and bilingualism*. London: Arnold. 213 p.

DOI: 10.19181/vis.2017.22.3.467

The Ethno-Linguistic Behavior of Kazan's Young Residents (Based on Materials from Half-Formalized Interviews)

Makarova Guzel Iliasovna

Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher, the Department of Ethnology, Marjani Institute of History Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia.
Email: makarova_guzel@mail.ru

Abstract. This article examines how the change in the Tatar language's status (which occurred after the collapse of the Soviet Union), together with the introduction of its mandatory study in the republic's schools, affects the ethno-linguistic behavior of youths living in Kazan. It is based on texts from 20 half-formalized interviews (with biographical elements) with Tatars and Russians aged 18–29. Three groups were selected among those interviewed, based on their attitude towards the Tatar language, which can be nominally designated as such: "oriented towards the language", "moderately oriented" and "nihilists". The conducted analysis shows that Russian has been and still remains the dominant language in Tatarstan's capitol when communicating at work. The exception being people whose professional activity is directly connected with Tatarstan's language and culture. In a number of fields – for example, politics, civil service – the Tatar language remains important as a symbolic resource. It is used fragmentarily in fields having to do with working with the population, especially when it comes to visiting rural areas of the republic. Those specialists who work in the technical fields (especially IT) are the ones who use it the least. Kazan youths also tend to use the Russian language for informal communication. However, those who moved from Tatarstan's villages and are studying at urban Tatar schools and gymnasiums use the Tatar language as well as Russian. Other members of the younger generation (both Tatars and Russians) usually tend to limit themselves to using individual phrases and expressions. Meanwhile Tatars often use their native language at home. Lots of people choose one tactic or another for teaching it to their children, since they see it as a means for conserving their ethnic identity. Most Russians encourage the study of the Tatar language in schools, as a display of tolerance towards their neighboring ethnos, and respect for the ethno-cultural specificity of the region that they live in.

Keywords: ethno-linguistic behavior, linguistic practices, Russian language, Tatar language, youths.

References

Appel R., Muysken P. *Language contact and bilingualism*. London, Arnold, 1987. 213 p.

Burykin A. A. Mental'nost', jazykovoe povedenie i nacional'no-russkoe dvujazychie: Yazyk men'shinstva kak "tayny yazyk" v otechestvennom sociokul'turnom context [Mentality, linguistic behavior and national-Russian bilingualism (the minority language as a "secret language" in the domestic sociocultural context)]. Online Library "LITSOCH.RU". URL: <http://www.litsoch.ru/referats/read/364001> [date of visit: 01.09.2017]. (in Russ.)

Garipov Y. Z. Etnojazykovye processy v mnogonacional'nom rossiyskom regione: tendencii razvitija i osobennosti social'nogo proektirovanija (na primere Respubliki Tatarstan) [Ethno-linguistic processes in a multinational Russian region: development trends and features of social design (on the example of the Republic of Tatarstan)]. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoy stepeni doktora sotziologicheskikh nauk. Ufa, 2017. 50 p. (in Russ.)

Gumperz J. J. *Discourse Strategies*. Cambridge, Cambridge University Press, 1982. 225 p.

Ishakova Z. A. Funkcional'noe vzaimodeystvie tatarskogo i russkogo yazykov v sovremennom Tatarstane [Functional interaction of Tatar and Russian languages in modern Tatarstan]. *Yazyk i etnos na rubezhe vekov*. Kazan', Magarif, 2002, pp. 13–41. (in Russ.)

Klement'ev E. I. Karelija: identichnost' i yazyk v zerkale perepisi 2002 g. [Karelia: identity and language in the mirror of the 2002 census]. VI Kongress etnografov i antropologov Rossii. Working papers. Saint-Petersburg, 2005. P. 460. (in Russ.)

Makarova G. I. Yazykovye praktiki molodiozhi v dosugovyh prostranstvah Kazani [Language practices of young people in the leisure spaces of Kazan]. *Gosudarstvennye yazyki Respubliki Tatarstan: mnozhestvennost' izmereniy*. Ed. by G. F. Gabdrahmanova, G. I. Makarova, A. R. Muhametzianova. Kazan Institut istorii im. Sh.Mardzhani, 2016, pp. 104–120. (in Russ.)

Muhariamova L. M. Yazykovye otnoshenija: politologicheskij analiz [Language relations: political analysis.]. Kazan, KSU publ., 2003. 276 p. (in Russ.)

Nam I. V. Etnojazykovye processy v Tiumenskom regione: Ozhidaniya i itogi [Ethno-linguistic processes in the Tyumen region: expectations and outcomes]. VI Kongress etnografov i antropologov Rossii. Working papers. Saint-Petersburg, 2005, p. 461. (in Russ.)

Namrueva L. V. Sostojanie kalmyckogo yazyka (po itogam sociologicheskikh issledovaniy 2008, 2013 gg.) [The state of the Kalmyk language (based on the results of sociological research of 2008, 2013)]. *Pozitivnyj opyt regulirovaniya jetnosocial'nyh i jetnokul'turnyh processov v regionah Rossijskoj Federacii*. Conference working papers. Ed. by G. F. Gabdrahmanova. Kazan', Institut istorii Sh. Mardzhani, 2014, p. 312. (in Russ.)

Rechevoe obschenie v uslovijah yazykovoy neodnorodnosti [Speech communication in conditions of linguistic heterogeneity]. Moscow, Editorial URSS, 2000. 224 p. (in Russ.)

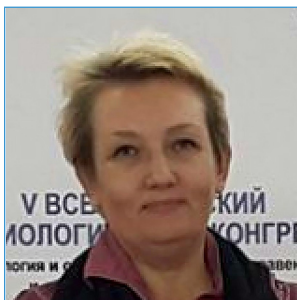
Salihova E. A. , Iskuzhina N. G. Parametry var'irovaniya russkogo yazyka v uslovijah gorodskogo bilingvizma [Parameters of variation of the Russian language in urban bilingualism]. *V mire nauchnykh otkrytij*. Krasnojarsk, Nauchno-innovacionny centr, 2013, no 5.1 (41), pp. 134–154. (in Russ.)

Zakon «O jazykah narodov Respubliki Tatarstan» [The law “On the languages of the peoples of the Republic of Tatarstan”]. (8.07.1992 # 1560-XII). (in Russ.)

Zasedanie Soveta po mezhnacional'nym otnoshenijam. 20.07.2017 goda [Session of the Council on Interethnic Relations]. Russian President official website. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55109> [date of visit: 28.08.2017]. (in Russ.)

Социология образования: современные реалии

Образовательные тренды современной российской молодёжи

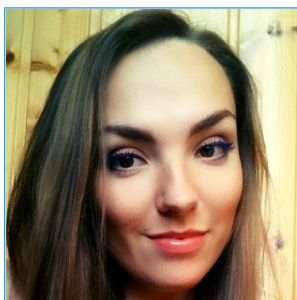
Пузанова Жанна Васильевна –
доктор социологических наук,
профессор кафедры социологии,
Российский университет дружбы народов (РУДН),
Москва

E-mail: puzanova_zhv@rudn.university

Гаспаршвили Александр Тенгизович –
кандидат философских наук, доцент,
старший научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: gasparishvili@gmail.com

Ларина Татьяна Игоревна –
кандидат социологических наук,
ассистент кафедры социологии,
Российский университет дружбы народов (РУДН),
Москва

E-mail: larina_ti@rudn.university

Образовательные тренды современной российской молодёжи

DOI: 10.19181/vis.2017.22.3.470

Аннотация. Статья представляет собой аналитический обзор основных трендов, выявленных на основе статистических данных, предоставленных Департаментом государственной политики в сфере высшего образования, Департаментом государственной политики в сфере подготовки рабочих кадров и дополнительного профессионального образования (ДПО), Федеральной службой государственной статистики за 2015 г. В фокусе рассмотрения авторов такие вопросы, как баланс между запросом рынка труда и востребованностью абитуриентами образования различных уровней, контингент учащихся и их вовлечённость в высшее (ВПО), среднее (СПО) и начальное профессиональное образование (НПО), прогнозы приёма. Также рассматривается «Атлас новых профессий» с описанием областей специализации, которые вскоре появятся на рынке труда, и профессий, которые с него исчезнут. В первую очередь такие изменения вызваны развитием и востребованностью информационных технологий. Основным результатом исследования является выделение четырёх трендов в сфере современного российского образования, актуальных на данный момент. Первый из них связан с тенденцией к массовости. Второй тренд – снижение вовлечённости в НПО и незначительное увеличение вовлечённости в СПО при значительно возросших показателях вовлечённости в ВПО, что создаёт ситуацию недостатка специалистов «рабочих» профессий. Третий – чрезмерная популярность определённых специальностей среди абитуриентов при отсутствии потребности рынка труда в таком количестве специалистов. Четвёртый тренд – несоответствие популярных сегодня профессий, связанных с экономикой, образованием и медициной потребностям всех секторов экономики в первую очередь в информационных технологиях. Представленные данные дают возможность при открытии статистических данных за 2016–17 гг. «достроить» тренды и посмотреть, какие из них сохранят свою значимость.

Ключевые слова: Болонская система, ВПО, СПО, НПО, атлас профессий, прогнозы приёма

*Великая цель образования – не только знания,
но и прежде всего действия.*

Н. И. Мирон (профессор, педагог)

Сегодня в нашей стране реализуется Государственная Программа РФ «Развитие образования» на 2013–20 гг. Её целью является обеспечение соответствия качества российского образования меняющимся запросам населения и перспективным задачам развития российского общества и экономики. В числе главных задач программы – формирование гибкой, подотчётной обществу системы непрерывного образования, развитие инфраструктуры и организационно-экономических механизмов, обеспечивающих максимально равную доступность и современное качество образования. Консолидированный бюджет образования на период до 2015 г. составил около 8 трлн рублей.

Включённость современной российской системы образования в Болонскую систему ставит целый ряд вызовов перед лицами, ответственными за политику в сфере образования, и даёт определённые преимущества студентам и абитуриентам. Прогнозирование перспективных и востребованных направлений подготовки специалистов (бакалавров и магистров), привлекательность тех или иных специальностей для абитуриентов, социальный запрос – основополагающие показатели при составлении прогнозов развития сферы образования в стране.

Важным аспектом прогнозирования развития системы образования в России является рассмотрение баланса между запросом рынка труда и востребованностью у молодых людей различных уровней образования – высшего (ВПО), среднего профессионального (СПО) и начального профессионального (НПО).

Цель данной статьи – очертить некоторые тренды, которые сегодня можно проследить в сфере образования. Перед этим логично рассмотреть общие показатели численности российской молодёжи.

В Российской Федерации в 2015 г. проживало более 32,6 млн человек в возрасте от 14 до 30 лет включительно, что составляло около 22,2% численности населения страны (см. рис. 1).

Согласно данным статистики, можно наблюдать рост количества обучающихся в вузах до 2009–10 гг. (см. рис. 2). Затем произошёл спад, который продолжается по настоящее время, что во многом связано со снижением уровня рождаемости в 1990-е гг. Так, на уровне ВПО всех форм в 2015 г. обучалось 479 220 человек, СПО – 725 216, НПО – 638 952 человека.

Включённость современной российской системы образования в Болонскую систему ставит целый ряд вызовов перед лицами, ответственными за политику в сфере образования, и даёт определённые преимущества студентам и абитуриентам.

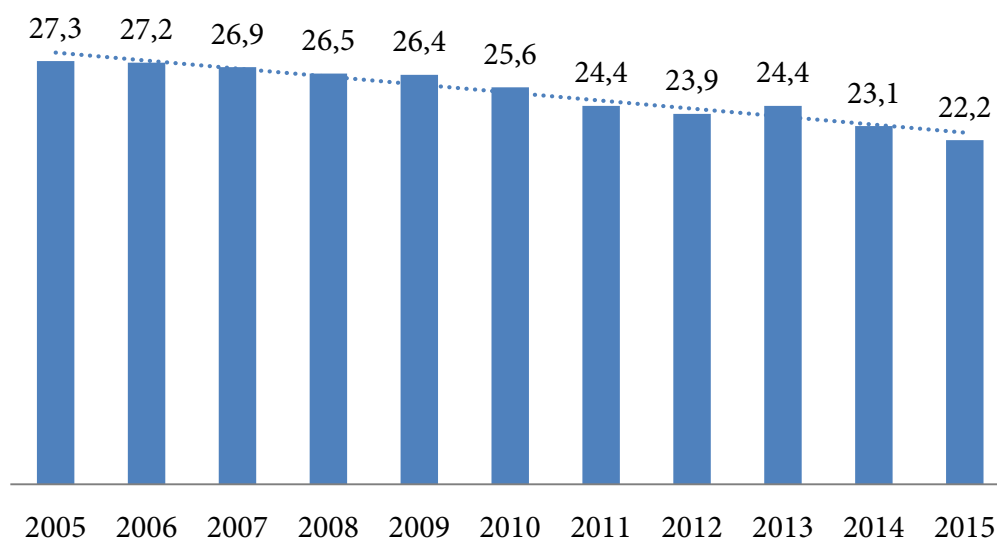

Рис. 1. Доля молодежи в возрасте 14–30 лет по годам, % от общей численности населения¹

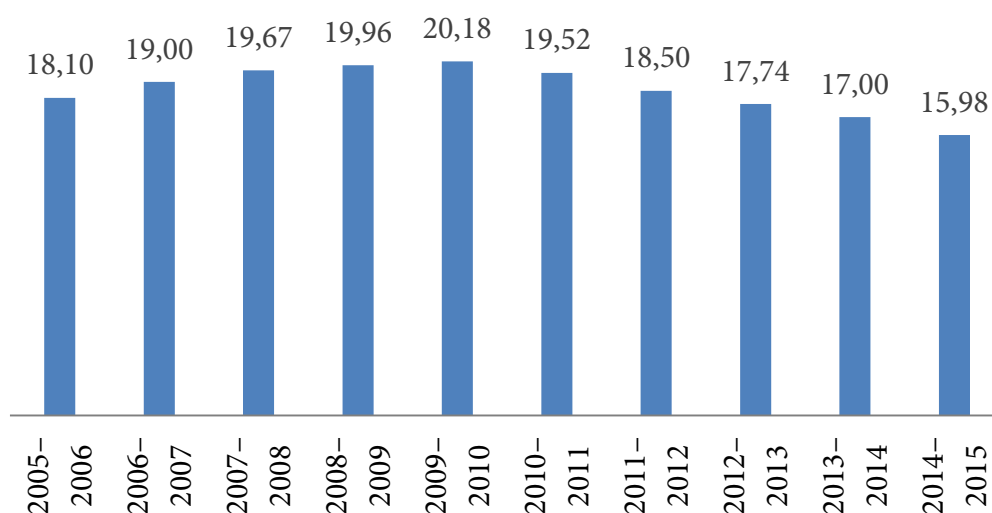

Рис. 2. Количество обучающихся в высших учебных заведениях

На 2015 г. в России насчитывалось 1900 образовательных организаций, имеющих лицензию на ведение образовательной деятельности, и 1728 из них имели государственную лицензию². При этом организаций, которые реализовывали деятельность в соответствии с программами НПО, насчитывалось 669, СПО – 2891, ВПО – 896 [Индикаторы образования... 2017].

Основываясь на данных о количестве учащихся, можно видеть, что наиболее популярными направлениями обучения за 2013–15 гг. являются «экономика и управление», а также «гуманитарные науки», хотя стоит отметить тенденцию к уменьшению популярности первого из перечисленных направлений.

¹ Данные предоставлены Федеральной службой государственной статистики в адрес МОН 29.04.2016 г. до 2015 г. без учёта Крыма и Севастополя.

² Там же

Согласно данным статистики, можно наблюдать рост количества обучающихся в вузах до 2009–10 гг. (см. рис. 2). Затем произошёл спад, который продолжается по настоящее время, что во многом связано со снижением уровня рождаемости в 1990-е гг.

Наиболее популярными направлениями обучения за 2013–15 гг. являются «экономика и управление» и «гуманитарные науки», но стоит отметить тенденцию к уменьшению популярности первого.

Наименее популярные направления – «военные науки», «воспроизводство и переработка лесных ресурсов», «геодезия и землеустройство», «информационная безопасность», «авиационная и ракетно-космическая техника», «оружие и системы вооружения», «приборостроение и оптотехника» (см. таблицу 1).

Таблица 1

Контингент учащихся ВПО за 2013–15 гг.,
% от общего числа обучающихся¹

2013		2014		2015	
Направление					
Экономика и управление	30,82	Экономика и управление	28,33	Экономика и управление	25,83
Гуманитарные науки	19,66	Гуманитарные науки	19,49	Гуманитарные науки	20,02
Образование и педагогика	8,00	Образование и педагогика	8,53	Образование и педагогика	9,12
Здравоохранение	4,32	Здравоохранение	4,89	Здравоохранение	5,54
Архитектура и строительство	4,04	Архитектура и строительство	4,17	Архитектура и строительство	4,07
Транспортные средства	3,19	Информатика и вычислительная техника	3,28	Транспортные средства	3,48
Информатика и вычислительная техника	3,05	Транспортные средства	3,22	Информатика и вычислительная техника	3,37
Сельское и рыбное хозяйство	3,00	Сельское и рыбное хозяйство	3,18	Сельское и рыбное хозяйство	3,22
Энергетика, энергетическое машиностроение и электротехника	2,60	Энергетика, энергетическое машиностроение и электротехника	2,72	Энергетика, энергетическое машиностроение и электротехника	2,79
Металлургия, машиностроение и материалобработка	2,12	Металлургия, машиностроение и материалобработка	2,19	Культура и искусство	2,24
Сфера обслуживания	2,01	Сфера обслуживания	2,18	Металлургия, машиностроение и материалобработка	2,24
Культура и искусство	2,00	Культура и искусство	2,16	Сфера обслуживания	2,12
Геология, разведка и разработка полезных ископаемых	1,59	Геология, разведка и разработка полезных ископаемых	1,67	Геология, разведка и разработка полезных ископаемых	1,77
Естественные науки	1,52	Естественные науки	1,66	Естественные науки	1,68
Автоматика и управление	1,48	Автоматика и управление	1,6	Автоматика и управление	1,67

¹ Данные предоставлены Департаментом государственной политики в сфере высшего образования в адрес МОН 05.10.2016 г. до 2014 г. без учёта Крыма и Севастополя

Продолжение таблицы 1

2013		2014		2015	
Направление					
Безопасность жизнедеятельности, природо-обустройство и защита окружающей среды	1,37	Физико-математические науки	1,43	Физико-математические науки	1,48
Физико-математические науки	1,35	Технология продовольственных продуктов и потребительских товаров	1,23	Электронная техника, радиотехника и связь	1,26
Технология продовольственных продуктов и потребительских товаров	1,28	Электронная техника, радиотехника и связь	1,23	Безопасность жизнедеятельности, природо-обустройство и защита окружающей среды	1,20
Электронная техника, радиотехника и связь	1,23	Безопасность жизнедеятельности, природо-обустройство и защита окружающей среды	1,18	Технология продовольственных продуктов и потребительских товаров	1,14
Социальные науки	1,20	Социальные науки	1,14	Химическая и биотехнологии	1,07
Химическая и биотехнологии	0,96	Химическая и биотехнологии	1,02	Социальные науки	1,04
Геодезия и землеустройство	0,65	Геодезия и землеустройство	0,72	Геодезия и землеустройство	0,76
Авиационная и ракетно-космическая техника	0,58	Авиационная и ракетно-космическая техника	0,63	Авиационная и ракетно-космическая техника	0,71
Воспроизводство и переработка лесных ресурсов	0,51	Морская техника	0,57	Морская техника	0,62
Приборостроение и оптотехника	0,49	Воспроизводство и переработка лесных ресурсов	0,53	Воспроизводство и переработка лесных ресурсов	0,54
Морская техника	0,46	Информационная безопасность	0,47	Информационная безопасность	0,49
Информационная безопасность	0,42	Приборостроение и оптотехника	0,46	Приборостроение и оптотехника	0,43
Оружие и системы вооружения	0,05	Оружие и системы вооружения	0,05	Оружие и системы вооружения	0,05
Итого	100		100		100

В 2015 г. по количеству обучающихся лидировали следующие направления: «экономика и управление» – 25,8% (хотя этот процент значительно ниже процента прошлых лет), «гуманитарные науки» – 20,02%, «образование и педагогика» – 9,12%.

Индекс вовлечённости молодёжи в ВПО рассчитан на основе соотношения числа молодых людей, обучающихся в образовательных организациях ВПО в данный период, к общей численности молодёжи за тот же период. Полученное число переведено в проценты. Таким образом, можно констатировать снижение вовлечения молодёжи в высшее профессиональное образование – с 16,62% в 2013 г. до 14,7% в 2015 г. (см. рис. 3).

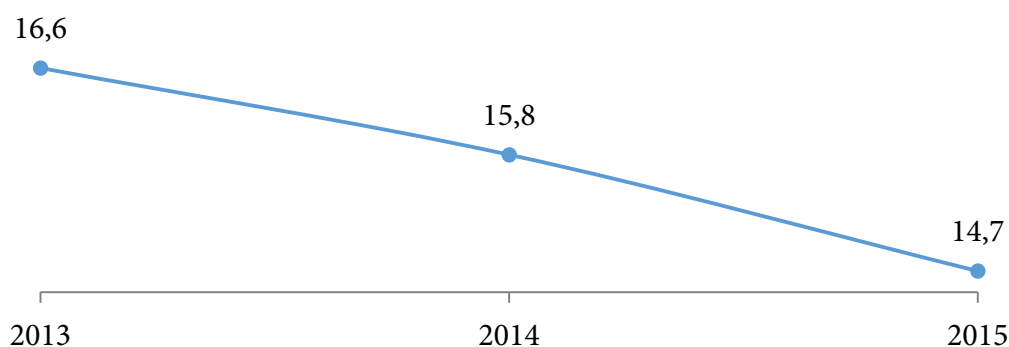

Рис. 3. Индекс вовлечённости молодёжи в ВПО, %¹

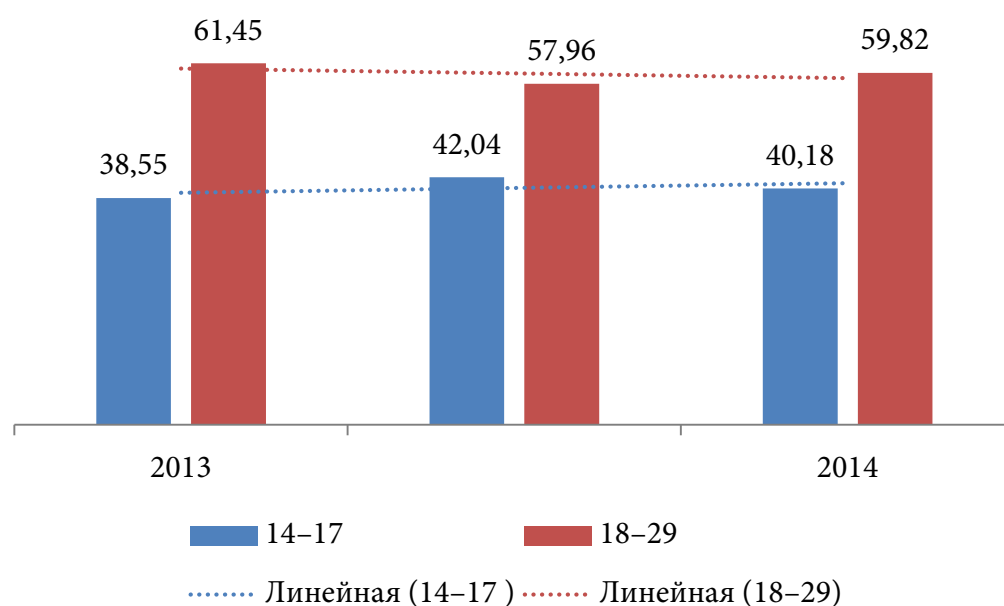
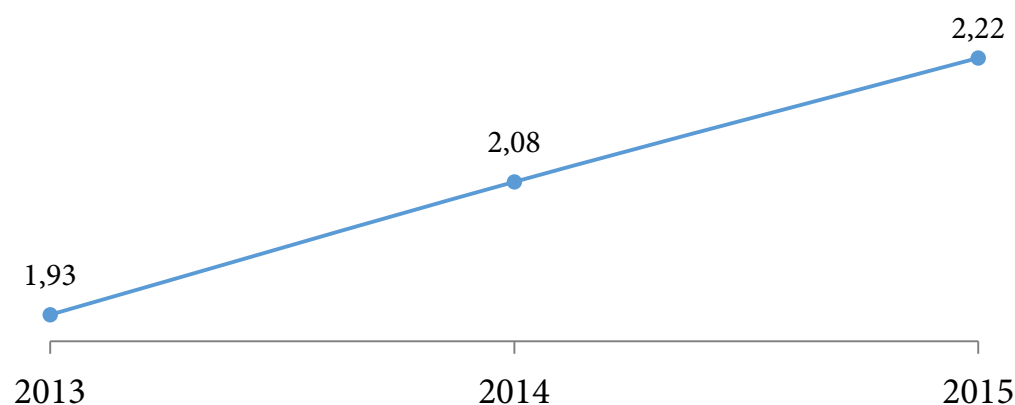
Говоря о среднем профессиональном образовании, можно наблюдать увеличение численности учащихся в организациях СПО в 2013 г. – 661 197 человек, в 2014 г. – 693 128, в 2015 г. – 725 216. Ниже будет рассмотрен индекс вовлечённости (см. рис. 4). Стоит отметить, что соотношение доли обучающихся в возрасте 14–17 лет и 18–29 лет на протяжении трёх лет практически не изменилось (см. рис. 5). Больше всего молодёжи в возрасте 14–17 лет, вовлечённой в СПО, наблюдается в самом большом субъекте федерации – Москве (15,8%). Затем идут Краснодарский край (13,2%), Республика Татарстан (10,6%). Меньше всего – в Еврейской АО (0,16%), Ненецком (0,09%) и Чукотском АО (0,02%).

Если говорить о возрастной группе 18–29-летних, то здесь такая же картина – Москва (15,2%), Краснодарский край (10,5%), Республика Татарстан (10,3%). Меньше всего молодых людей в организациях СПО в Еврейской АО (0,24%), Ненецком (0,12%) и Чукотском АО (0,10%). В целом же для возраста 14–29 лет картина выглядит так: больше всего таковых в Москве (15,4%), в Краснодарском крае (11,5%), Свердловской области (10,4%), а меньше всего – в Еврейской АО (0,21%), Ненецком (0,11%) и Чукотском АО (0,07%).

Индекс вовлечённости молодёжи в СПО рассчитан таким же образом, как и предыдущий индекс. В данном случае мы наблюдаем обратную тенденцию – увеличение вовлечения молодёжи в среднее профессиональное образование с 1,93% в 2013 г. до 2,22% в 2015 г. (см. рис. 5).

¹ Данные предоставлены Департаментом государственной политики в сфере высшего образования в адрес МОН 05.10.2016 г. до 2014 г. без учёта Крыма и Севастополя.

Можно наблюдать увеличение численности учащихся в организациях среднего специального образования в 2013 г. – 661 197 человек, в 2014 г. – 693 128, в 2015 г. – 725 216. Соотношение доли обучающихся в возрасте 14–17 лет и 18–29 лет на протяжении трёх лет практически не изменилось.

Рис. 4. Контингент СПО по категориям возрастов 14–17 и 18–29 лет¹Рис. 5. Индекс вовлечённости молодёжи в СПО, %²

Численность молодёжи, вовлечённой в начальное профессиональное образование, после максимума в 2011 г. неуклонно снижалась и составила 638 952 человек в 2015 г. (см. таблицу 2).

Таблица 2

Численность молодёжи, вовлечённой в НПО по годам, чел.

2010	2011	2012	2013	2014	2015
578 743	877 438	792 713	728 632	681 540	638 952

Также стоит отметить снижение доли молодёжи в возрасте 14–17 лет, обучающейся в организациях начального профессионального образования (см. рис. 6). Это говорит о том, что несовершеннолетние молодые люди сегодня не торопятся включаться в трудовую деятельность, что можно интерпретировать как улучшение положения их семей, позволяющее отсрочить вступление во «взрослую» жизнь.

¹ Данные предоставлены Департаментом государственной политики в сфере подготовки рабочих кадров и ДПО в адрес МОН 05.10.2016 г. до 2014 г. без учёта Крыма и Севастополя.

² Там же.

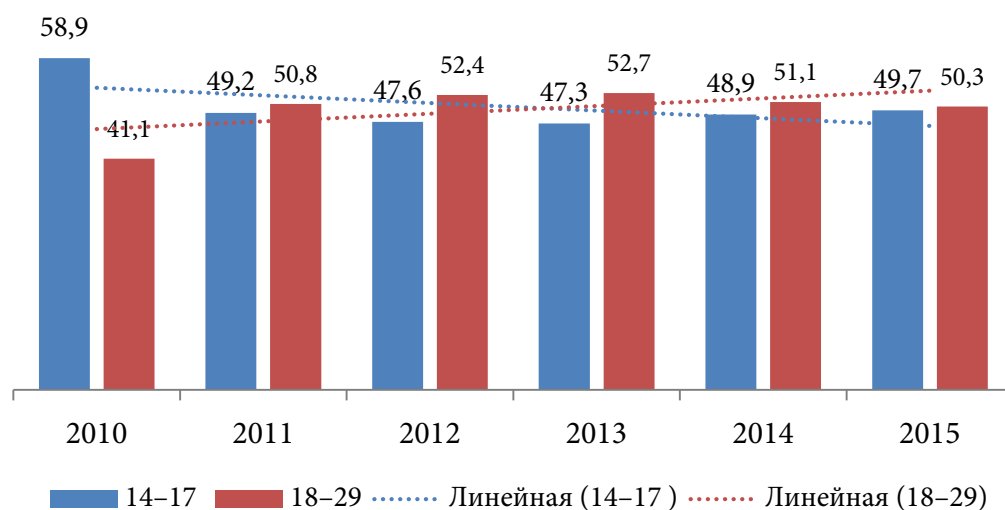

Рис. 6. Вовлечённость в начальное профессиональное образование по возрастам за период 2010–15 гг., %¹

Индекс вовлечённости молодёжи в НПО рассчитан по тому же принципу, как и индексы по ВПО и СПО. В данном случае мы видим, что доля вовлечённых в НПО снижается. Интересный факт: в 2011 г. доля вовлечённости была максимальной (2,43%), но с тех пор она неуклонно падает – до 1,96% в 2015 г. (см. рис. 7). Больше всего молодёжи, вовлечённой в НПО в возрасте 14–29 лет, – в республике Башкортостан (4,7%), Ростовской области (3,7%), Краснодарском крае (3,5%), а меньше всего – в Республике Алтай (0,16%), Чукотском (0,07%) и Ненецком АО (0,05%).

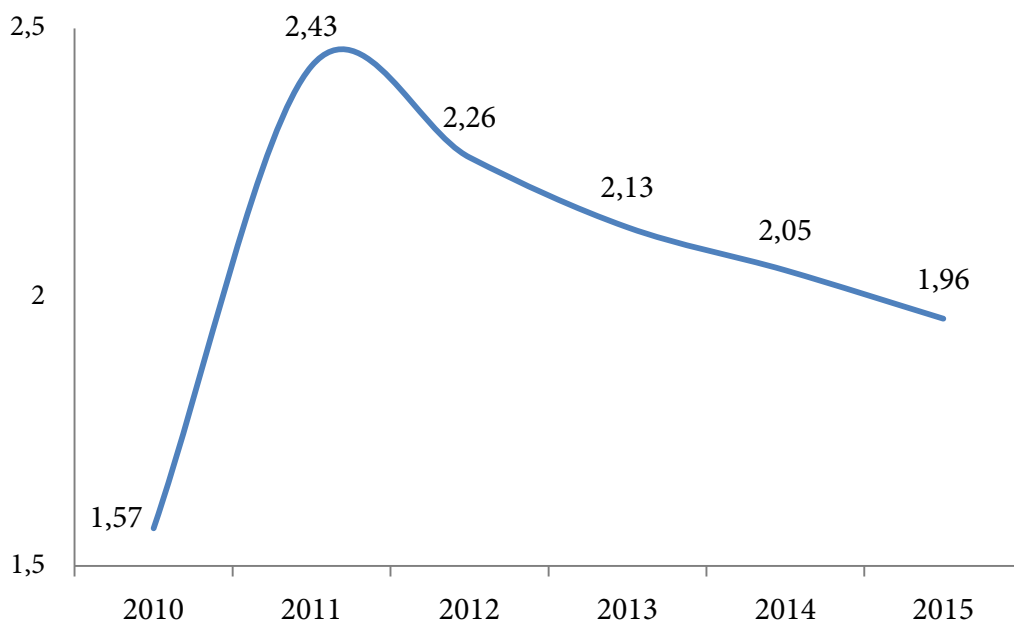

Рис. 7. Индекс вовлечённости в начальное профессиональное образование, %²

¹ Данные предоставлены Департаментом государственной политики в сфере подготовки рабочих кадров и ДПО в адрес МОН 05.10.2016 г. до 2014 г. без учёта Крыма и Севастополя.

² Там же.

Вернёмся к вопросу о популярности специальностей, выбираемых молодёжью в сфере ВПО. Мы рассмотрели основные направления ВПО, по которым распределялся контингент учащихся в 2013–15 гг. Дополнительную информацию о популярности различных специальностей можно получить из данных прогнозов приёма на направления обучения ВПО в 2017 и 2018 гг. (см. таблицу 3).

Таблица 3

**Прогноз приёма на направления обучения ВПО
в 2017 и 2018 гг., рейтинг¹**

По специальностям. Наименование УГСН	2017	2018
Экономика и управление	302 836	317 675
Юриспруденция	151 711	159 144
Образование и педагогические науки	114 431	120 038
Информатика и вычислительная техника	47 084	49 391
Клиническая медицина	45 925	48 175
Техника и технологии строительства	45 044	47 251
Техника и технологии наземного транспорта	38 334	40 213
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	33 904	35 566
Электро- и теплоэнергетика	33 448	35 087
Машиностроение	32 975	34 591
Прикладная геология, горное дело, нефтегазовое дело и геодезия	30 449	31 941
Языкознание и литературоведение	24 687	25 896
Психологические науки	20 729	21 745
Электроника, радиотехника и системы связи	18 697	19 613
Средства массовой информации и информационно-библиотечное дело	17 301	18 148
Техносферная безопасность и природообустройство	14 968	15 701
Сервис и туризм	14 821	15 547
Управление в технических системах	14 789	15 514
Физическая культура и спорт	13 527	14 190
Химические технологии	13 435	14 093
Социология и социальная работа	12 971	13 607
Промышленная экология и биотехнологии	12 906	13 538
Математика и механика	12 651	13 271
Ветеринария и зоотехния	11 845	12 425
Политические науки и регионоведение	11 800	12 378
Науки о земле	11 421	11 981
Изобразительное и прикладные виды искусств	9934	10 420

¹ Данные предоставлены Департаментом государственной политики в сфере подготовки рабочих кадров и ДПО в адрес МОН 05.10.2016 г. до 2014 г. без учёта Крыма и Севастополя.

Продолжение таблицы 3

По специальностям. Наименование УГСН	2017	2018
Культуроведение и социокультурные проекты	8581	9001
Физика и астрономия	7898	8285
Биологические науки	7649	8024
История и археология	7305	7663
Техника и технологии кораблестроения и водного транспорта	7188	7540
Фотоника, приборостроение, оптические и биотехнические системы и технологии	6566	6887
Информационная безопасность	6266	6573
Архитектура	6218	6522
Технологии материалов	6117	6417
Музыкальное искусство	5342	5604
Авиационная и ракетно-космическая техника	5136	5387
Компьютерные и информационные науки	5108	5358
Химия	5082	5331
Фармация	4956	5199
Сценические искусства и литературное творчество	3661	3841
Технологии лёгкой промышленности	3290	3451
Аэронавигация и эксплуатация авиационной и ракетно-космической техники	3072	3222
Ядерная энергетика и технологии	2317	2431
Науки о здоровье и профилактическая медицина	1916	2010
Физико-технические науки и технологии	1721	1805
Философия, этика и религиоведение	1716	1800
Искусствоведение	1703	1786
Экранные искусства	1400	1468
Теология	1295	1359
Сестринское дело	1241	1302
Нанотехнологии и наноматериалы	1064	1116
Фундаментальная медицина	816	856
Оружие и системы вооружения	786	824

Итак, в 2017 и 2018 гг. самым популярным направлением обучения останется «экономика и управление», также в числе наиболее популярных «юриспруденция», «образование и педагогические науки». Эти данные особенно интересны на фоне сведений, представленных в «Атласе новых профессий» [Атлас новых профессий...] – альманахе перспективных отраслей и профессий на ближайшие 15–20 лет. Он помогает понять, какие отрасли будут активно развиваться, какие новые технологии, продукты, практики управления появятся и какие новые специалисты потребуются работодателям.

В «Атласе» выделены 25 отраслей, в которых до 2030 г. произойдут наиболее значимые перемены, и в связи с этим появятся новые профессии.

Медицина – в будущем расширятся возможности прогнозирования и диагностирования на основе новой техники. Новые профессии, которые появятся: *IT-медик, архитектор медоборудования, биоэтик.*

Строительство – развитие принципиально новых архитектурных решений, которые станут возможны благодаря развитию смежных отраслей и науки. Новые профессии, которые появятся: *прораб-вотчер, экоаналитик в строительстве, проектировщик доступной среды.*

Безопасность – основной проблемой станут риски роботизации. Новые профессии, которые появятся: *дистанционный координатор безопасности, проектировщик личной безопасности, менеджер непрерывности бизнеса.*

Авиация – переход на новые виды топлива. Новые профессии, которые появятся: *проектировщик дирижаблей, аналитик эксплуатационных данных, инженер производства малой авиации.*

Культура и искусство – усиление роли искусства, ассимиляция с другими областями, на основании чего возникнут принципиально новые направления, например «умный арт». Новые профессии, которые появятся: *тренер творческих состояний, личный тьютор по эстетическому развитию, куратор коллективного творчества.*

Образование – основные тенденции: дистанционное образование на основе развития электронной образовательной среды и практико-ориентированное образование. Новые профессии, которые появятся: *ментор стартапов, игромастер, модератор.*

Туризм и гостеприимство – новое направление, которое называется «туризм впечатлений»: гастрономический туризм, агро- и экотуризм, духовный туризм. Новые профессии, которые появятся: *режиссёр индивидуальных туров, разработчик тур-навигаторов, бренд-менеджер пространств.*

Медиа и развлечения – интеграция новых технологий в каналы восприятия информации человеком. Новые профессии, которые появятся: *инфостилист, разработчик медиапрограмм, медиаполицейский.*

Биотехнология – эта отрасль одна из самых перспективных: в течение ближайших десятилетий она не только будет развиваться сама, но и кардинально повлияет на другие сферы: медицину, энергетику, производство сырья и материалов, городское и сельское хозяйство. Новые профессии, которые появятся: *системный биотехнолог, урбанист-эколог, биофармаколог.*

Сельское хозяйство – акцент на экологичность и безопасность расходных материалов, используемых в сельском хозяйстве. Новые профессии, которые появятся: *ГМО-агроном, сити-фермер, оператор автоматизированной сельхозтехники.*

Энергогенерация и накопление энергии – произойдёт изменение модели снабжения переносных устройств. Новые профессии, которые появятся: *разработчик систем микрогенерации, проектант систем рекуперации, проектировщик энергонакопителей.*

Энергосети и управление энергопотреблением – модернизация магистральных сетей. Новые профессии, которые появятся: *энергоаудитор, маркетолог энергетических рынков, электрозаправщик.*

Наземный транспорт – расширение технических возможностей моделирования и реализации траекторий передвижения в экосистеме. Новые профессии, которые появятся: *оператор кросс-логистики, строитель «умных» дорог, инженер по безопасности транспортной сети.*

Водный транспорт – мультимодальные перевозки. Новые профессии, которые появятся: *портовый эколог, системный инженер морской инфраструктуры, специалист по навигации в условиях Арктики.*

Космос – открытия в этой сфере всегда актуальны и ожидаемы. Новые профессии, которые появятся: *менеджер космотуризма, космобиолог, инженер систем жизнеобеспечения.*

Добыча и переработка полезных ископаемых – новые профессии связаны с технологиями, обеспечивающими безопасность производства для людей: *системный горный инженер, экоаналитик в добывающих отраслях, инженер роботизированных систем.*

Металлургия – производство станет более автоматизированным и роботизированным. Новые профессии, которые появятся: *супервайзер оборудования, конструктор новых металлов, эко-рециклер в металлургии.*

Новые материалы и нанотехнологии – открытия в этой отрасли позволяют улучшить свойства и пределы устойчивости материалов, механизмов и конструкций. Новые профессии, которые появятся: *рециклинг-технолог, проектировщик «умных материалов».*

Робототехника и машиностроение – практически центральная сфера будущих изменений, которая закладывает основу изменений в остальных сферах. Новые профессии, которые появятся: *проектировщик-эргономист, инженер-композитщик, проектировщик детской робототехники.*

Лёгкая промышленность – модификация одежды в соответствии с требованиями новой технико-интеллектуальной среды: лёгкость, практичность, устойчивость, безопасность. Новые профессии, которые появятся: *техностилист, проектировщик новых тканей, эксперт по здоровой одежде.*

Индустрия детских товаров и сервисов – создание образовательных продуктов с игровым компонентом. Новые профессии, которые появятся: *архитектор трансмедийных товаров, эксперт по «образу будущего ребёнка», управленец детским R&D.*

IT-сектор – ещё одна сфера, являющаяся определяющей для модификации остальных сфер. Новые профессии, которые появятся: *дизайнер интерфейсов, сетевой юрист, IT-проповедник.*

Финансовый сектор – новые финансовые инструменты, такие как краудфандинг и краудинвестинг, в сети развиваются новые валюты, основанные на цифровых кодах (криптовалюты) и происходят другие интересные процессы. Новые профессии, которые появятся: *оценщик интеллектуальной собственности, мультивалютный переводчик, разработчик персональных пенсионных планов.*

Менеджмент – в 2020-х гг. возрастёт роль неиерархических организаций. Новые профессии, которые появятся: *тайм-брокер, тайм-менеджер, экоаудитор.*

Социальная сфера – акцент на перевод функционирования всех обращений граждан на базу электронной системы. Новые профессии, которые появятся: *специалист по адаптации мигрантов, модератор платформы общения с госорганами, специалист по краудсорсингу общественных проблем.*

Профессии, которые исчезнут к 2030 г. (интеллектуальные), – бухгалтер, сметчик, менеджер по кредитам, статистик, стенографист/расшифровщик, копирайтер, корректор, билд-редактор, монтировщик декораций, библиотекарь, турагент, испытатель, дублёр, юрисконсульт, нотариус, банковский операционист, маклер/риэлтор, экскурсовод, аналитик, журналист, референт, переводчик, оператор государственных услуг, логист, диагност, системный администратор, диспетчер, штурман, провизор.

Профессии, которые исчезнут к 2030 г. (рабочие), – билетёр, вахтёр, лифтёр, парковщик, операторы call-центра, почтальон, курьер, смотритель зала в музее, машинист товарного состава, инспектор ДПС, охранник, горняк, шофёр, фасовщик, варщик, бурильщик, прораб, швея, носильщик, бетонщик, официант, тренер.

Демографические риски прошлых десятилетий увеличили шансы абитуриентов на получение образования. Несмотря на невысокие показатели вовлечённости в СПО и НПО, экспертами давно констатируется состояние «массового образования», когда большинство выпускников школ в последующем получают высшее образование.

Заключение

Наиболее важными, с нашей точки зрения, среди молодёжи нашей страны являются тренды в области разноуровневой системы получения образования.

Первый тренд связан с тенденцией к массовости ВПО. На данный момент каждый шестой представитель молодёжи находится на стадии получения высшего образования (почти 15% от всей молодёжи).

Первый тренд связан с тенденцией к массовости ВПО. На данный момент каждый шестой представитель молодёжи находится на стадии получения высшего образования (почти 15% от всей молодёжи).

Второй тренд, вытекающий из первого, – снижение вовлечённости в НПО и незначительное увеличение вовлечённости в СПО при в разы превышающих показателях вовлечённости в ВПО, что создаёт ситуацию недостатка специалистов «рабочих» профессий.

Третий тренд – «перекос» в пирамиде профессий: чрезмерная популярность среди абитуриентов некоторых специальностей при отсутствии необходимости такого количества специалистов в этих областях на рынке труда.

Четвёртый тренд – недостаточная популярность на сегодня информационных технологий при выборе специальности, в то время как именно они в ближайшем будущем будут играть наиболее важную роль, в том числе повлияют и на популярные сегодня профессии, связанные с экономикой, образованием и медициной.

Следует отметить, что принимаются меры по сохранению баланса между запросом общества и востребованностью у выпускников различных ступеней образования: сокращается количество вузов, повышаются вступительные баллы. Однако предстоит ещё много работы в данном направлении, поскольку преодолеть главный тренд массового сознания россиян на обязательное получение высшего образования достаточно сложно.

Библиографический список

Атлас новых профессий // Официальный сайт. URL: <http://atlas100.ru/> [Дата посещения: 15.01.2017].

Высшее образование в России: новости, проблемы, тенденции / Под ред. И. Н. Фролова. М.: Академический холдинг, 2017. С. 70–75.

Индикаторы образования: 2017 // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Официальный сайт. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/io2017> [Дата посещения: 15.01.2017].

DOI: 10.19181/vis.2017.22.3.470

Educational Trends Among Contemporary Russian Youths

Puzanova Jeanne Vassilievna

Doctor of Sociological Sciences, professor, Russian Peoples Friendship University, Moscow, Russia. E-mail: puzanova_zhv@rudn.university

Gasparishvili Alexander Tengizovitch

Candidate of Philosophical Sciences, associate professor, senior research fellow, Department of Sociology of Education, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: gasparishvili@gmail.com

Larina Tatiana Igorevna

Candidate of sociological sciences, assistant of sociological department, Russian Peoples Friendship University, Moscow city, Russia. E-mail: larina_ti@rudn.university

Abstract. This article represents an analytical review of the main trends which were identified based on statistical data for the year 2015 provided by the State policy department in the higher educational field, the State policy department in the field of personnel training and additional professional education (APE), and the Federal State Statistics Service. The authors focused their attention on such issues as the balance between labor market demand and demand for various levels of education among university applicants, the student contingent and its involvement in higher, secondary and primary professional education, admission forecasts. Also considered is an “Atlas of new professions”, which describes fields of specializations which will soon appear on the labor market, and professions which will soon disappear from it. Primarily such changes are due to the development of and the demand for information technologies. The main result of the study is the establishment of four currently relevant trends in the field of contemporary Russian education. The first of them has to do with a tendency for mass scale. The second trend is a decrease in involvement in primary professional education and a slight increase in involvement when it comes to secondary professional education, while there has been a drastic increase in involvement in higher professional education. As a result we face a situation when there are not enough specialists in “labor” trades. Trend number three – a disproportionate popularity of certain specialties among applicants given a lack of labor market demand for such an amount of specialists. Trend number four – there is a discrepancy when it comes to professions that are currently popular (be it in economics, education or medicine) and the demands of all sectors of the economy primarily connected with information technologies. The presented data gives the opportunity to bring up statistical data for the years 2016–2017 and “complete” the trends, figure out which of them will remain important.

Keywords: the Bologna system, higher professional education, secondary professional education, primary professional education, atlas of professions, admission forecasts.

References

Atlas novykh professiy [The Atlas of new professions]. The website. URL: <http://atlas100.ru/> [date of visit: 15.07.2017]. (in Russ.)

Indikatory obrazovaniya: 2017 [Indicators of education 2017]. National Research University The Higher School of Economics Official website URL: <https://www.hse.ru/primarydata/io2017> [date of visit: 27.08.17]. (in Russ.)

Vysshee obrazovanie v Rossii: novosti, problemy, tendencii [Higher education in Russia: news, problems, trends]. Ed. by I. N. Frolov. Moscow, Academic Holding, 2017, pp. 70–75. (in Russ.)

Социология образования: современные реалии

Малые научные предприятия как фактор конкуренции университетов

Ключарев Григорий Артурович –
доктор философских наук, профессор,
руководитель Центра социологии образования,
науки и культуры, Институт социологии ФНИСЦ
РАН, Москва

E-mail: Kliucharev@mail.ru

Чурсина Анна Вадимовна –
младший научный сотрудник, аспирант,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: anna.chiursina@gmail.com

Малые научные предприятия как фактор конкуренции университетов

DOI: 10.19181/vis.2017.22.3.471

Аннотация. Эффективное участие в государственных научных программах и проектах, развитие собственных НИРов и НИОКРов, часто во взаимодействии с производственными компаниями – важные составляющие деятельности ведущих университетов и вузов. Создание научной продукции и её реализация могут приносить немалые доходы в бюджет университетов, но главное – способствуют повышению их рейтинга, делают привлекательным такое учебное заведение в глазах абитуриентов. В статье¹ рассматривается опыт деятельности малых инновационных предприятий (далее – МИП), которые являются формой активизации научных исследований в университетах и учреждениях высшей школы и тем самым повышают рейтинг учебного заведения. Эти предприятия выступают не только инструментом выживания вузов, но и способствуют формированию рынка инновационных продуктов. Авторы уделяют внимание истории развития малых инновационных предприятий, а также проблемы, с которыми они столкнулись. Рассматриваются виды их деятельности и результат применения разработанных инноваций. Выявляется влияние состава учредителей и уставного капитала на успешность существования малого предприятия. Отмечается, что кадровый потенциал малого инновационного предприятия вуза, основанного совместно с предприятием, более велик, чем учреждённого вузом. Зачастую именно такие предприятия стимулируют появление новых профессий на рынке труда. Так, например, произошло со специальностью маркетолог научной продукции. Основными потребителями продукции малых предприятий являются те компании, которые тесно взаимодействуют с вузом, однако растёт доля заказчиков-физических лиц. Инновационная продукция зачастую выпускается под брендом вуза и приносит не только экономическую выгоду, но и влияет на имиджевые характеристики учебных учреждений. Выделяются трудности, с которыми сталкиваются сейчас малые инновационные предприятия вузов, но несмотря на все проблемы, их деятельность является перспективной, отмечают авторы, особенно если будет улучшено финансирование, предоставлены льготы на оборудование и помещение, а также появится возможность постоянного повышения квалификации персонала. Статья подготовлена на основании данных госбюджетного исследования «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технического комплекса России на 2014–2020 годы», проведённого Центром социального прогнозирования и маркетинга при участии авторов.

Ключевые слова: высшая школа, университеты, научная деятельность, малые инновационные предприятия вузов

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ-РФФИ научного проекта № 16-03-00050 «Профессиональное образование в конкурентной среде» в Институте социологии Российской академии наук.

В условиях постоянного уменьшения числа абитуриентов [Елизаров 2010] и сокращения общего числа учреждений высшего профессионального образования¹ руководство университетов делает всё возможное для повышения своей конкурентоспособности, включая повышение рейтинговых показателей. Согласно критериям ведущих мировых университетских рейтингов (Шанхайский² и Times³), наибольшее влияние на повышение конкурентоспособности учебного заведения оказывают: число выпускников, которые добились выдающихся достижений в дальнейшей жизни (номинация quality of education); наличие нобелевских лауреатов и лиц, имеющих другие выдающиеся заслуги среди штатных сотрудников (номинация quality of faculty); количество публикаций в рейтинговых изданиях и уровень их цитируемости; мнения коллег и работодателей; международные связи и интегрированность в мировые (глобальные) процессы [Erkkila, Kauppi 2010]. Особое значение для повышения рейтинга учебного заведения имеет доля НИРов и НИОКРов в бюджете университета (research output, academic performance).

Российские университеты, по крайней мере наиболее сильные из них, не исключение в этой всемирной «гонке на выживание». Основной формой научной деятельности в современных вузах являются научно-исследовательские работы (НИР) и научно-исследовательские опытно-конструкторские разработки (НИОКР). Именно по ним ведётся статистическое наблюдение и отчётность. Также к научной деятельности относятся стажировки, организация и участие в конференциях, симпозиумах и конгрессах, подготовка и переподготовка кадров высшей квалификации, издательская деятельность. Стоит отметить, что развитие научной деятельности, научных исследований обеспечивается работой научного коллектива и профессорско-преподавательского состава, студентов-старшекурсников и аспирантов, а также приглашением сторонних исследователей для участия в конкретном проекте или экспертов в изучаемой области для оценки полученных результатов. На сегодняшний день существуют следующие основные формы развития прикладных научных исследований в вузах.

Во-первых, это сотрудничество с профильными (по профилю вуза) предприятиями в рамках хоздоговорных работ. Во-вторых, производственная практика старшекурсников и магистров на наукоёмких производствах. Ещё одна форма – это создание базовых кафедр, которые обеспечивают не только

¹ В период с 2012 по 2017 гг. число вузов по стране сократилось примерно на треть (рассчитано по данным Роскомстата <http://www.gks.ru> [Дата посещения: 01.09.2017]).

² Academic ranking of world universities. URL: <http://www.shanghairanking.com/> [Дата посещения: 11.07.2017].

³ The world university rankings. URL: <https://www.timeshighereducation.com/> [Дата посещения: 11.07.2017].

практическую направленность вузовского учебного процесса, но и развивают прикладную науку и необходимые компетенции. И, конечно, традиционной формой подготовки научных кадров и, соответственно, развития науки являются аспирантура и докторантура, а также отчасти магистратура (при условии участия магистрантов в НИРах и НИОКРах).

Относительно новой формой научной деятельности университетов и вузов, повышающей конкурентоустойчивость, стало создание малых инновационных предприятий, деятельность которых рассматривается в настоящей статье.

В конце 1990-х гг. в российских университетах начинают появляться небольшие самостоятельные научно-исследовательские организации, ориентированные на выполнение заказов производственных компаний и на разработку наукоемкой продукции, которая имеет спрос на рынке. В 2000 г. они составляли треть от общего числа научных учреждений страны, а к 2010 г. – уже две трети. Они во множестве появились и в структуре Российской академии наук, и в отраслевых исследовательских институтах, получив законодательное право вести самостоятельную финансово-хозяйственную деятельность. Причём, если вначале малые предприятия являлись мерой государственной политики, то постепенно они превратились в инструмент конкурентоспособности вузов, обеспечивающий дополнительный запас прочности учебному заведению. Особое значение таких малых предприятий, как становится понятно сейчас, заключается в том, что они аккумулируют опыт научного маркетинга и тем самым способствуют превращению своих *альма-матер* в предпринимательские университеты.

Следует отметить, что возникновение малых инновационных предприятий было поддержано на государственном уровне. Университеты получили дополнительные бюджетные средства, а также льготные возможности кредитования. При этом наметились следующие наиболее перспективные направления деятельности МИПов: взаимодействие с местными и региональными производственными структурами [Архипов 2010; Грасмик, Мезенин 2013], подготовка кадров для МИПов и повышение их квалификации [Александрин 2011], развитие системы менеджмента научной продукции [Авилова, Хворова 2011; Басарева 2014], разработка и применение системы индикаторов для достоверной оценки рентабельности при смешанном, частно-государственном финансировании МИПов [Канцеров, Гедиев 2012].

В последние годы появились работы, посвящённые анализу того, насколько эффективны с экономической точки зрения МИПы, которые функционируют уже достаточно продолжительное время (5–7, а иногда до 10 лет), в какой степени им удалось наладить взаимодействия с предприятиями по сбыту своей продукции и услуг [Идиатуллово, Чабаненко

Относительно новой формой научной деятельности университетов и вузов, повышающей конкурентоустойчивость, стало создание малых инновационных предприятий.

В конце 1990-х гг. в российских университетах начинают появляться небольшие самостоятельные научно-исследовательские организации, в 2000 г. они составляли треть от общего числа научных учреждений страны, а к 2010 г. – уже две трети.

2014; Челнокова, Сумарокова 2014; Анцев, Чадаев 2016]. Имиджевой составляющей университетов, а также их роли в подготовке научных кадров, в том числе через малые предприятия, посвящены некоторые работы (см., например [Савинков, Бакланов 2017]).

Становление малых инновационных предприятий, их виды и деятельность¹

Для развёртывания прикладных научных исследований с привлечением научного и кадрового потенциала университетов и научно-исследовательских организаций, а также специалистов технологического и коммерческого опыта производственных компаний в конце 2000-х гг. Правительство стимулировало создание сети малых инновационных предприятий, учреждаемых на базе вузов и университетов [Приказ Минобрнауки № 1404; Постановление Правительства РФ № 146]. Это выразилось прежде всего в поддержке прикладных исследований, трансфер результатов которых в производство должен был осуществляться в короткий срок.

К началу 2016 г. в базе данных Минобрнауки России числились свыше тысячи малых инновационных предприятий университетов, причём три четверти из них сосредоточены в национальных исследовательских и федеральных университетах страны. Лидирует по числу малых инновационных предприятий НИУ Белгородский государственный университет – 87 единиц. На втором месте Национальный исследовательский Томский политехнический университет, в структуре которого 46 предприятий. Тройку лидеров замыкает Астраханский государственный университет, где действует 41 организация.

Руководство университетов придерживается мнения, что учреждённые ими МИПы соответствуют условиям, предъявляемым Правительством, и могут рассчитывать на предусмотренные льготы и субсидии. Однако опыт первых лет показал наличие определённых трудностей. Так, треть малых предприятий не смогли обеспечить необходимую величину уставного капитала и были вынуждены брать кредит в банке, который погашался впоследствии при получении целевой субсидии от государства. Возникли проблемы и с передачей прав

¹ Использованы данные исследований (2014–17 гг.) Центра социального прогнозирования (рук. – Ф. Э. Шереги) и Центра социологии образования и науки Института социологии РАН (рук. – Г. А. Ключарев). Исследованы малые предприятия, которые участвуют в Государственной программе взаимодействия учреждений образования, науки и предприятий [Постановление Правительства РФ № 218].

на интеллектуальную собственность. Почти во всех университетах, учредивших малые предприятия, руководство считало, что если патент принадлежит сотруднику университета, то он принадлежит и университету. В 2000-х гг. это юридически уже не гарантировалось, так как в 1990-е гг. многие сотрудники университетов и исследовательских организаций стали регистрировать права на изобретения, полезные модели, промышленные образцы на себя лично.

По мере увеличения в университетах числа МИПов происходило снижение средней величины их уставного капитала. Так, если в декабре 2010 г. средний уставной капитал предприятий составлял 315 тыс. рублей, то к концу 2015 г. – 250 тыс. рублей. Не имея возможности привлечь стабильные источники финансирования своей исследовательской деятельности, авансовый капитал «проедался» ими быстро, особенно в тех случаях, когда 51–100% уставного капитала внёс университет (таких среди малых предприятий в 2011 г. было 20%). В конце 2011 г. эксперты были настроены скептически и прогнозировали, что при длительном сохранении финансовой неустойчивости малых предприятий университетов их численность снизится на две трети.

Однако в реальной жизни численность снизилась на 25%. Как сейчас становится понятно, произошёл «видовой отбор» наиболее конкурентоспособных предприятий. Самыми эффективными стали МИПы, специализирующиеся в области ИТ-технологий. Согласно данным государственного реестра, в стране они распределены неравномерно: 68,6% (552 предприятия) сосредоточены в университетах Центрального, Приволжского и Сибирского федеральных округов (см. таблицу 1).

Таблица 1

Количество и доля МИПов в различных федеральных округах

Федеральный округ	Кол-во	%
Центральный	207	25,7
Северо-Западный	76	9,5
Южный	78	9,7
Северо-Кавказский	26	3,2
Приволжский	181	22,5
Уральский	54	6,7
Сибирский	164	20,4
Дальневосточный	18	2,3
Итого	804	100

Основная масса – 96% (772 единицы) ныне действующих МИПов учреждены в 2010–12 гг.

Опыт существования первых малых инновационных предприятий выявил ряд трудностей: треть малых предприятий не смогли обеспечить необходимую величину уставного капитала; возникли проблемы с передачей прав на интеллектуальную собственность.

Самыми эффективными стали предприятия, специализирующиеся в области ИТ-технологий. Согласно данным государственного реестра, в стране они распределены неравномерно: 68,6% (552 предприятия) сосредоточены в университетах Центрального, Приволжского и Сибирского федеральных округов.

Как и ожидалось, малые предприятия занимают в основном инженерными разработками и прикладными исследованиями: 40% из них осуществляют производство (включая монтаж, ремонт, техническое обслуживание), почти треть разрабатывают компьютерные программы и IT-технологии, 30% проводят испытания. Некоторые занимаются консалтингом, информационным обеспечением. В качестве удачного примера приведём МИП Томского политехнического университета¹, которое осуществляет подбор квалифицированных кадров и их обучение для наукоёмких производств. Тем не менее, специализирующихся предприятий в области образовательных услуг и логистики немного, хотя это направление, по мнению экспертов, является перспективным (см. таблицу 2).

Таблица 2

Направления деятельности малых предприятий университетов

Направление деятельности	Число МИПов, шт.	Процент МИПов, %
Разработка	693	86,2
Исследования	622	77,4
Производство, предоставление услуг по монтажу, ремонту, техническое обслуживание машин и оборудования	335	41,6
Разработка технологии, метода	314	39,0
Программное обеспечение, IT-технология	246	30,6
Испытание, мониторинг, тестирования, диагностика	235	29,2
Консалтинг	130	16,2
Информационное обеспечение	111	13,8
Образование	54	6,7
Логистика, управление качеством, управление персоналом, организацией	44	5,5

В общей совокупности видов деятельности МИПов России примерно две трети приходится на производственную деятельность, одна треть – на различные виды услуг. Как правило, деятельность предприятий осуществляется в тех сферах, для которых готовятся кадры вузом-учредителем. Это важно, т. к. позволяет рассматривать предприятия как место для прохождения практики и профессионального тренинга студентов-старшекурсников и магистров.

Продукция малых предприятий университетов используется в 29-ти отраслях экономики, среди которых 60% – производственные. Активно используются услуги малых предприятий в машиностроении и металлообработке, электроэнергетике, информационно-вычислительном обслужива-

¹ Лаборатория образования IT-компаний. URL: <http://smartbiz24.ru/teamlab> [Дата посещения: 11.07.2017].

нии, здравоохранении, сельском хозяйстве, строительстве, жилищно-коммунальном обслуживании, медицинской промышленности и транспорте (см. таблицу 3).

Таблица 3

Область применения результатов деятельности МИПов

Применение деятельности МИПов	Число применений, шт.	Процент применений, %
Машиностроение, металлообработка	118	14,7
Информационно-вычислительное обслуживание	107	13,3
Здравоохранение	92	11,4
Электроэнергетика	82	10,2
Сельское хозяйство	72	9,0
Жилищно-коммунальное хозяйство	69	8,6
Строительство, строительные материалы	65	8,1
Медицинская промышленность	65	8,1
Транспорт	63	7,8
Наука и научное обслуживание	50	6,2
Приборостроение	46	5,7
Химическая промышленность	42	5,2
Торговля, туризм, социальное обеспечение	39	4,8
Пищевая промышленность	31	3,8
Подготовка кадров	31	3,8
Связь, телекоммуникация	27	3,3
Нефтехимическая промышленность	27	3,3
Экология, утилизация отходов	21	2,6
Лёгкая промышленность	19	2,4
Государственное и муниципальное управление, экономика	19	2,4
Деревообрабатывающая промышленность	17	2,1
Металлургическая промышленность	17	2,1
Лесное хозяйство	15	1,9
Тяжёлая промышленность	14	1,7
Газонефтедобывающая промышленность	14	1,7
Рыбное хозяйство	11	1,4
Микробиология	11	1,4
Добыча полезных ископаемых, геологическая разработка недр	11	1,4
Угольная промышленность	11	1,4

Некоторые отрасли (нефтяная промышленность, туризм, сельское хозяйство, государственное управление, IT-технологии) часто пользуются услугами малых предприя-

Продукция малых предприятий университетов используется в 29-ти отраслях экономики, среди которых 60% – производственные.

тий, специализирующихся в области образования, в том числе онлайн и дистанционного образования (НИУ ВШЭ, МГТУ им. Н. Э. Баумана, НИУ МЭИ)¹.

Приведённые данные свидетельствуют об успешном экстенсивном развитии малых инновационных предприятий.

На начальной стадии создания МИПов каждое второе стремилось заняться компьютерными технологиями и разработкой компьютерных программ, информационно-телекоммуникационными системами, каждое четвёртое – транспортными, авиационными и космическими системами, а также энергетикой и энергосбережением. К 2016 г. у вновь учреждаемых малых предприятий явно выражен интерес к цифровым технологиям, разработке soft-приложений, информационно-телекоммуникационным системам. Приведём конкретный пример: ныне один из мировых лидеров по разработке технологии сжатия цифрового видеоряда для целей телекоммуникации компания Elecard² начинал как МИП Томского государственного университета и до сих пор реализует некоторые проекты при активном участии вуза.

Каждое десятое предприятие привлекает такие направления, как энергоэффективность и ресурсосбережение, медицинские технологии и фармацевтика, индустрия наносистем и материалов. Заниматься ядерными технологиями, живыми системами, перспективным вооружением, военной и специальной техникой, рациональным природопользованием, энергетикой и энергосбережением хотят немногие. Это и понятно, поскольку данные отрасли и направления требуют значительных материальных вложений и инфраструктурной обеспеченности. Лишь 5% предприятий проявляют интерес к космическим технологиям и телекоммуникациям, транспортным, авиационным и космическим системам. Практически нет интереса к безопасности и противодействию терроризму (см. таблицу 4).

Таблица 4

Приоритетные направления прикладных исследований, реализуемых МИПами, в зависимости от года их учреждения, %

Приоритетное направление	Год учреждения предприятия	
	2009–11	2012 и позднее
Энергоэффективность и ресурсосбережение	12,5	27,8
Ядерные технологии	12,5	11,1
Цифровые технологии и программное обеспечение	50,0	38,9

¹ Дирекция по онлайн-образованию НИУ ВШЭ // URL: <https://elearning.hse.ru/> [Дата посещения: 11.07.2017]; Портал дистанционного обучения МГТУ им. Н. Э. Баумана // URL: <http://dovuz.bmstu.ru/> [Дата посещения: 11.07.2017]; Образовательный портал НИЯУ МИФИ // URL: <http://online.mephi.ru/> [Дата посещения: 11.07.2017].

² Группа компаний Elecard // URL: <http://smartbiz24.ru/teamlab> [Дата посещения: 11.07.2017].

Продолжение таблицы 4

Приоритетное направление	Год учреждения предприятия	
	2009–11	2012 и позднее
Космические технологии и телекоммуникации	12,5	5,6
Медицинские технологии и фармацевтика	25,0	27,8
Безопасность и противодействие терроризму	12,5	0,0
Живые системы	12,5	11,1
Индустрия наносистем и материалов	0,0	16,7
Информационно-телекоммуникационные системы	50,0	33,3
Перспективные вооружения, военная и специальная техника	0,0	11,1
Рациональное природопользование	12,5	11,1
Транспортные, авиационные и космические системы	25,0	5,6
Энергетика и энергосбережение	25,0	11,1

Состав учредителей и структура уставного капитала

Стартовая эффективность МИПов во многом зависит от состава учредителей. Наиболее успешно проходит старт у тех предприятий, для которых учредителями выступили университет и партнёрская производственная компания, совместно участвующие в выполнении государственной научной программы. Эти предприятия приступили к работе в среднем через один месяц после учреждения, а через 2,5 месяца стали функционировать полноценно. Для тех предприятий, учредителем которых является только университет, эти показатели составляют соответственно 2,5 и 5 месяцев, а если учредители университет и физические лица – соответственно 3 и 5,5 месяцев. Составляющие уставного капитала МИПов разнообразны. В уставной капитал 71,7% предприятий входят патенты, 56,6% – программы и электронные базы данных, 52,8% – оборудование и имущество, 44,3% – деньги.

Несколько иная картина по долевым структурам взносов партнёрских организаций в уставной капитал. Вначале в уставной капитал большинства учреждаемых МИПов партнёрские компании вносили деньги и объекты интеллектуальной собственности (патенты). Однако постепенно деньги стали вносить в уставной капитал менее половины МИПов, взнос патентов вообще прекратился. Увеличилась доля вносимых компьютерных программ, баз данных, оборудования и имуще-

Наиболее успешно проходит старт у тех предприятий, для которых учредителями выступили университет и партнёрская производственная компания, совместно участвующие в выполнении государственной научной программы.

ства, при этом в уставном капитале 56% малых предприятий, учреждённых после 2012 г., вообще нет взносов партнёрских компаний в виде патентов (см. таблицу 5).

Таблица 5

Виды взносов партнёрских компаний в уставной капитал МИПов, %

Виды взносов	Год учреждения предприятия		
	2009	2012	2016
Деньги	75,0	44,4	24,2
Патенты	25,0	0,0	0,0
Программы и базы данных ЭВМ	12,5	22,2	32,3
Оборудование и имущество	25,0	33,3	54,4
Доля МИПов, в уставном капитале которых нет взносов партнёрских компаний	25,0	68,8	77,7

В долевом соотношении по видам взносов университетов в уставной капитал ныне функционирующих МИПов ситуация следующая: основная доля денежных взносов принадлежит физическим лицам и университетам; патенты, программы и базы данных – в основном собственность университетов; оборудование и имущество – в основном собственность университетов и партнёрских предприятий (см. рис. 1).

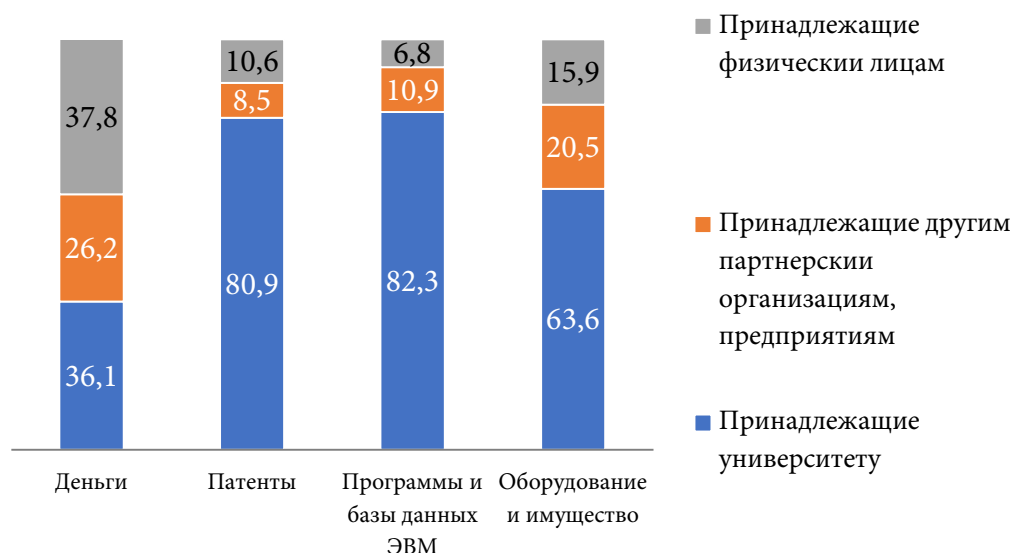

Рис. 1. Структура уставного капитала МИП по видам взносов университетов, партнёрских компаний и физических лиц, %

Приведённые на рис. 1 данные свидетельствуют о доминировании доли университетов во всех составляющих уставного капитала, поэтому правомерно сделать вывод о том, что в большинстве случаев университеты имеют «контрольный пакет акций». Видимо, в этом есть гарантия того, что в случае успеха предприятие не уйдёт в «свободное плавание». Об этом же свидетельствует доля вузов в совокупном капитале

годового оборота МИП, хотя совместная доля партнёрских и непартнёрских производственных предприятий такая же, как и доля вузов.

Для МИПов, учреждённых вузами самостоятельно или в партнёрстве с другими организациями, физическими лицами, характерны прежде всего разработка научной инновационной продукции и оказание услуг в области IT-технологий. Образовательные услуги оказывают в основном малые предприятия, учреждённые университетами совместно с производственными компаниями, а также организациями, не являющимися партнёрами университета. Помощь производственным компаниям по трансферу научных разработок в производство инновационной продукции оказывают в основном МИПы, учреждённые только университетами или университетами совместно с партнёрскими по научной программе производственными компаниями.

Как выяснилось, одна из проблем функционирования малых инновационных предприятий университетов – отсутствие достаточного базового капитала. На стадии становления 70% имели уставной капитал, не превышающий 300 тыс. рублей (\$10000), в большинстве случаев 50% уставного капитала принадлежали университетам. Есть и такие (6%), у которых в уставном капитале нет взносов в денежном выражении. Каждое второе предприятие имело уставной капитал не более 100 тыс. рублей (см. рис. 2).

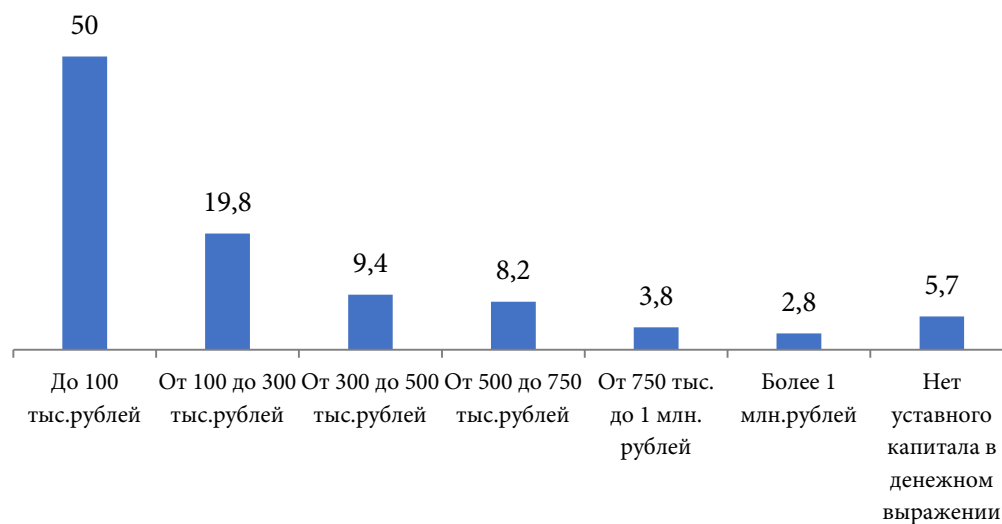

Рис. 2. Доля МИП университетов с различной величиной уставного капитала, %

Особенности старта, численность и подготовка персонала

Стартовый этап был наиболее длительным у тех инновационных малых предприятий, которые осуществляют разработку научной инновационной продукции для компаний или посредни-

Одна из проблем функционирования малых инновационных предприятий университетов – отсутствие достаточного базового капитала. На стадии становления 70% имели уставной капитал, не превышающий 300 тыс. рублей (\$10000), в большинстве случаев 50% уставного капитала принадлежали университетам.

ческие услуги по техническому обеспечению производственных предприятий; наиболее коротким – у оказывающих консалтинговые услуги по инновационной тематике (см. таблицу 6).

Таблица 6

**Направленность деятельности МИП
в зависимости от стартовых характеристик**

Основные направления деятельности	Число месяцев от учреждения и до начала работы предприятия	Число месяцев от учреждения и до начала полноценного функционирования предприятия	Доля (%) вуза в уставном капитале предприятия
Разработка научной инновационной продукции для компаний	3	5,5	45
Консалтинговые услуги по инновационной тематике (в том числе юридические, помощь в патентовании и др.)	1,5	2	55
Информационные услуги (в том числе агрегирование статистических данных, проведение оперативных маркетинговых исследований и др.)	1,5	3,5	50
Образовательные услуги	2	4	50
Услуги в области IT-технологий	2	3,5	50
Посреднические услуги по техническому обеспечению предприятий	2,5	6,5	50
Помощь предприятиям в трансфере научной продукции для производства инновационного товара	2	4,5	55
Помощь предприятиям в реализации производимой инновационной продукции	2	5,5	50

МИПы, участвующие с университетами, производственными компаниями и исследовательскими организациями в выполнении государственной научной программы, являются вполне дееспособными: среднесписочный состав персонала – 22 человека, в том числе производящих профильных сотрудников (исследователей, инженеров) – 14 человек. Кроме того, в течение года эти МИПы привлекают к работе на основе совмещения, в среднем 12 человек. Учитывая, что речь идёт о работниках науки, – это серьёзные показатели. В то же время, если предприятие учреждается только университетом, то показатели более скромные. Среднесписочная

Малые предприятия, участвующие с университетами, производственными компаниями и исследовательскими организациями в выполнении государственной научной программы, являются вполне дееспособными: среднесписочный состав персонала – 22 человека, в том числе производящих профильных сотрудников (исследователей, инженеров) – 14 человек.

численность сотрудников в этом случае составляет три человека, средний возраст сотрудников – 36,4 лет. Средняя численность совместителей – 5,7 чел., в том числе преподавателей – 2,8, аспирантов (докторантов) – 2,1, студентов (бакалавров, магистров) – 2,8, научных сотрудников – 2,2 чел.

Именно МИПы стимулировали развитие новой специальности – маркетолог научной продукции. Дело в том, что, владея какой-то технологией, приходится решать задачу её приложения к потребностям рынка: *«Мы часто сталкиваемся с ситуацией, когда специалисты изобретают нечто, но при этом не учитывают рынок и не знают, в каком сегменте может быть востребовано это изобретение, с чем оно будет конкурировать. Не просчитывают, сколько стоит его масштабный выпуск и где взять на это деньги. Но будущее как раз за комплексным подходом»* (интервью с проректором по науке и инновациям, Рыбинск). Отсюда и возникает потребность в подготовке таких специалистов, которые могут не только создавать высокие технологии, но и улучшать их, оптимизировать, коммерциализировать. Эти специалисты создают бренды, отдают заказы на аутсорсинг другим малым предприятиям и небольшим фирмам и затем поставляют продукцию на рынок. Во многих городах страны, где сосредоточено наукоёмкое производство, на основе или в тесной взаимосвязи с МИПами появляются небольшие учебные комплексы по подготовке маркетологов научной продукции по соответствующим отраслям. Затем эти комплексы могут купить зарубежные компании, заинтересованные во вхождении на российский рынок. Но, как правило, такие комплексы сохраняют независимый статус, принимая заказы как от отечественных, так и от зарубежных производителей, подобно упомянутому выше МИПу Томского политеха.

Рентабельность МИПов и заказчики их продукции

Основные заказчики продукции МИПов – производственные компании, тесно взаимодействующие с вузом. Кроме этого, при правильно поставленной работе маркетологов продукция выводится на рынок, где находит своего потребителя (см. таблицу 7).

Результаты экспертного опроса свидетельствуют о том, что функционирование МИПов, особенно тех, которые задействованы в выполнении государственной научной программы совместно с производственными компаниями и исследовательскими организациями, наступает в относительно короткие сроки: в среднем через 2,5 месяца после учреждения они приступают к работе, а в среднем через 5 месяцев становятся полноценно функционирующими.

Таблица 7

Заказчики продукции МИПов

Заказчики продукции	%
Производственные компании, тесно взаимодействующие с университетом	50,0
Университеты, в которых функционируют малые предприятия	48,1
Производственные предприятия, не являющиеся партнёрами вузов по выполнению научной программы	48,1
Физические лица	26,4
Учреждения, организации непромышленного профиля	20,8
Региональные, муниципальные органы власти	11,3
Министерства	7,5
Другие университеты, Фонд содействия развитию МИП	3,8

Однако рентабельность МИПов, а точнее тех, которые функционируют до настоящего времени, как показало проведённое исследование, недостаточно высокая. Ни по одному направлению деятельности доля фонда заработной платы не опускается ниже 40%, а такие направления, как безопасность, противодействие терроризму и рациональное природопользование, «съедают» более 80% оборота, затрудняя тем самым развитие основных фондов предприятия. Ещё хуже ситуация у предприятий, работающих по направлениям: компьютерные технологии и программы, медицинские технологии и фармацевтика, космические технологии и телекоммуникации, энергетика и энергосбережение, перспективное вооружение, военная и специальная техника. Здесь весь оборот «поглощается» фондом оплаты труда.

На основании результатов экспертного опроса рассчитана структура совокупного годового оборота МИПов (см. рис. 3).

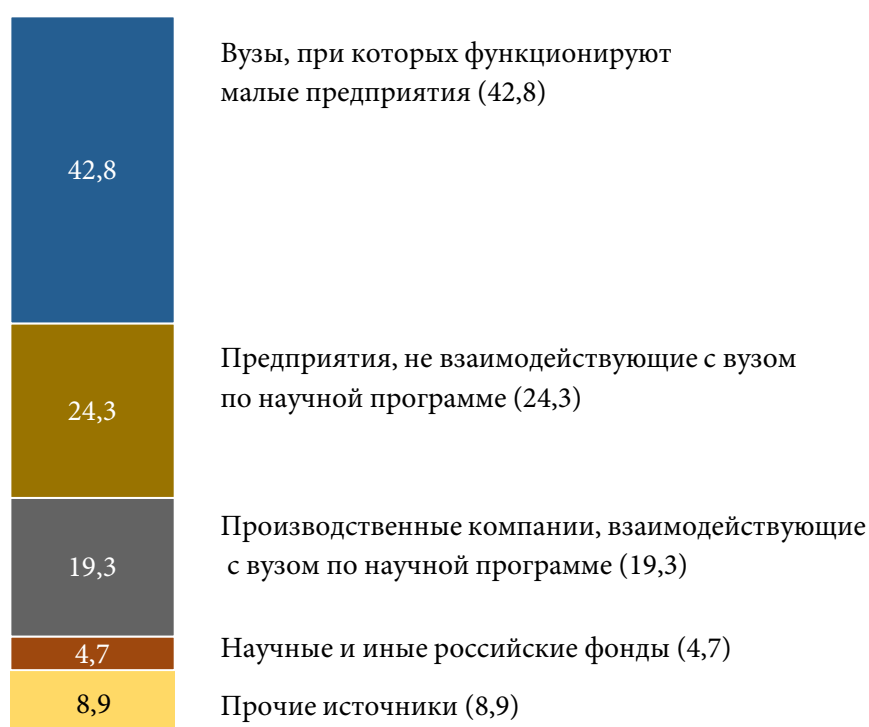

Рис. 3. Нормированная доля различных источников в годовом обороте МИПов, %

Рентабельность малых предприятий, которые функционируют до настоящего времени, недостаточно высокая. Ни по одному направлению деятельности доля фонда заработной платы не опускается ниже 40%, а такие направления, как безопасность, противодействие терроризму и рациональное природопользование, «съедают» более 80% оборота, затрудняя тем самым развитие основных фондов предприятия.

Из данных рис. 3 следует, что почти половину годового оборота (43%) МИПов обеспечивают учредившие их университеты и столько же (44%) – производственные компании. Российские научные фонды обеспечивают 5% годового оборота малых предприятий, на остальные источники приходится 8,9%.

На стадии становления МИПов в 2010–12 годах каждое второе предприятие было убыточным. Сегодня их большинство (74,3%), участвующее в выполнении государственной научной программы, являются прибыльными. Средняя доля прибыли 77,1% МИПов, участвующих в государственной научной программе, составляет 12% относительно валового годового оборота. В целом их прибыль колеблется в пределах 6–12% от годового оборота, что подтверждается данными статистики (см. рис. 4).

На стадии становления малых предприятий в 2010–12 годах каждое второе предприятие было убыточным. Сегодня их большинство (74,3%), участвующее в выполнении государственной научной программы, являются прибыльными.

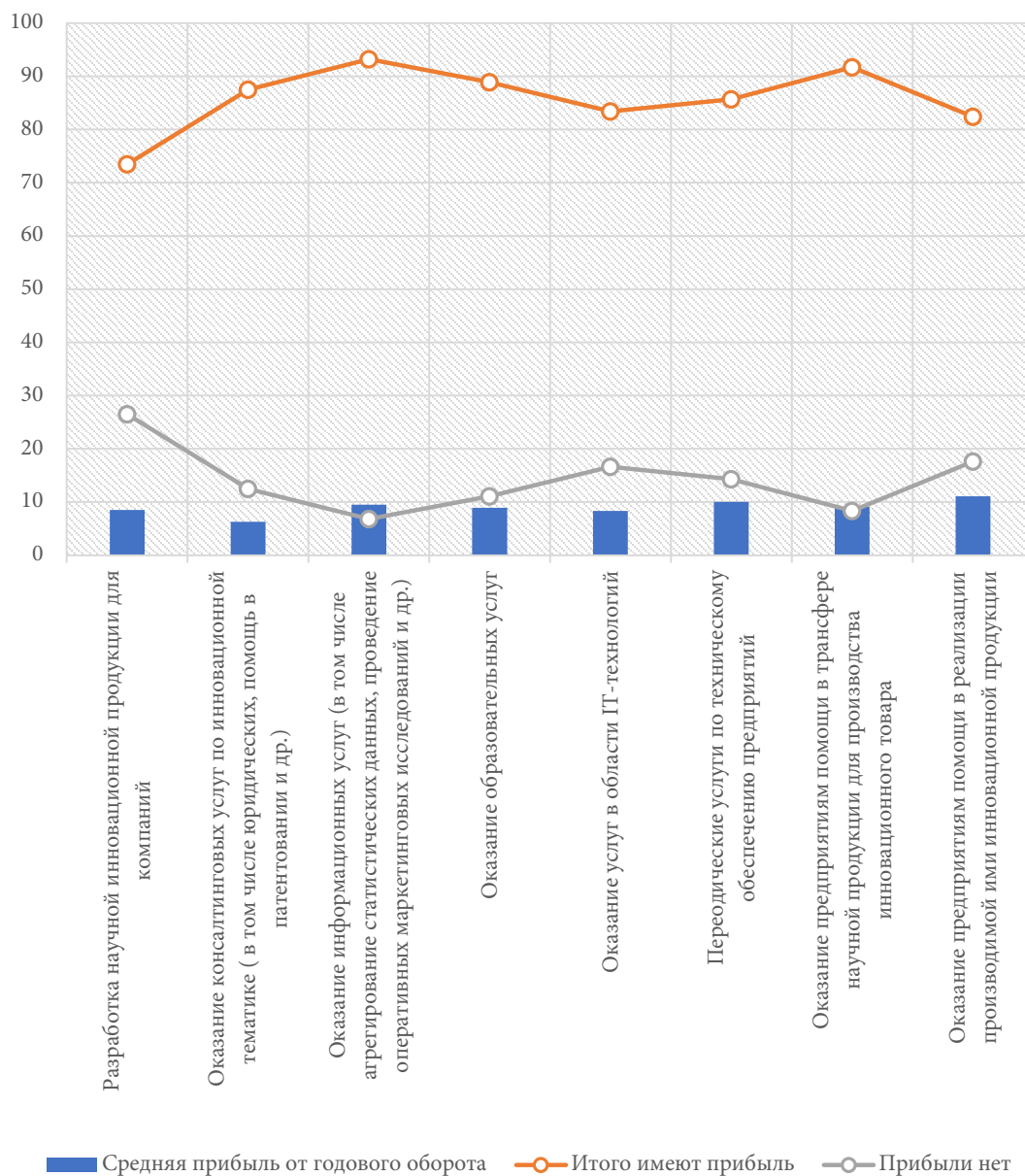

Рис. 4. Средний показатель прибыли относительно годового оборота предприятия, в зависимости от вида производственной деятельности или услуг, %

Убытки МИПа в 50% случаев покрывает университет, что соответствует его доле в уставном капитале. Партнёрские компании вмешиваются в это редко – в каждом десятом случае, только если покрывают убытки совместно с университетом. В каждом втором случае убытки покрывают физические лица за счёт кредита.

Наличие собственных технологий и разработок

На одно малое предприятие приходится в среднем 2,3 научно-исследовательских или опытно-конструкторских работ, выполненных совместно с университетом. Средний объём этих работ в стоимостном выражении – 1,8 млн рублей.

Средний объём выполненных МИПами инновационных работ в 2014 г. в расчёте на один контракт в стоимостном выражении не превышает 770 тыс. рублей.

Среднее количество патентов, полученных ими по итогам ежегодной деятельности, составляет две единицы.

Легче всего находят применение своим технологиям и разработкам в производстве МИПы, оказывающие производственным предприятиям помощь в трансфере научной продукции для производства инновационного товара, посреднические услуги по техническому обеспечению предприятий, информационные услуги. Труднее всего – выполняющие разработки научной инновационной продукции для производственных компаний, оказывающих образовательные услуги или услуги в области IT-технологий, консалтинговые услуги по инновационной тематике.

Большинство МИПов, заказчиком продукции которых является собственный вуз или производственная компания, взаимодействующая с вузом в партнёрском выполнении государственной научной программы, находят возможность применить свои технологии и разработки в производстве, в то время как в остальных случаях у многих из них возникают серьёзные затруднения.

Свои разработки и технологии по приоритетным направлениям внедряют в производство относительно легко те малые предприятия, которые выполняют работу по перспективному вооружению, военной и специальной технике; индустрии наносистем и материалов; трудно – по рациональному природопользованию, энергоэффективности и ресурсосбережению, транспортным, авиационным и космическим системам, живым системам, информационно-телекоммуникационным системам, медицинским технологиям и фармацевтике.

На одно малое предприятие приходится в среднем 2,3 научно-исследовательских или опытно-конструкторских работ, выполненных совместно с университетом. Средний объём этих работ в стоимостном выражении – 1,8 млн рублей.

Имиджевый вклад малых предприятий

В проведённых интервью с руководителями малых предприятий и руководителями вузов, которые учреждали эти предприятия, выяснилось, что имиджевый фактор приобретает всё большее значение. Продукция многих предприятий успешно реализуется на рынках, и при этом используется бренд университета. Так, например, ряд медицинских приборов и препаратов, произведённых в Томске и Белгороде, несут логотип университета¹. Кроме этого, выполненные НИРы и НИОКРы составляют в среднем до 20% прибыли от хозяйственной деятельности учебного заведения.

Не стоит забывать и о том, что десятки наиболее способных студентов проходят практику в рамках деятельности МИП. При этом наиболее успешные остаются здесь работать по окончании учёбы. Один из руководителей отметил: *«Если я беру в штат «чистого» выпускника, то мне надо полгода его доучивать, вводить в курс дел. А если приходит тот, кто уже проходил у нас практику, то достаточно одной недели; он сам или администратор ставит ему нужный софт, а порядки наши он уже знает – и дело пошло».*

Как уже отмечалось выше, именно малые предприятия стимулируют создание новой и высококостребованной специальности – *маркетолог научной продукции и социология научного и технологического предпринимательства*. Специфика наукоёмких производств требует маркетологов с хорошим знанием возможностей и особенностей используемых технологий, а их подготовка возможна только в серьёзных учебных учреждениях, а не в вузах-однодневках.

И наконец, большое значение имеет работа сотрудников МИП в качестве научных руководителей и членов диссертационных советов.

Факторы, затрудняющие функционирование МИП

Основная причина, затрудняющая функционирование МИП, – бюрократические помехи. Бюрократия создаёт трудности для их развития независимо от основной направленности их деятельности. Далее следуют: экономический фактор в виде стагнации рынка, дефицит специалистов и отсутствие помощи со стороны венчурного фонда, который создан для поддержки малых предприятий.

¹ К числу данной продукции относятся медицинские имплантанты из наноструктурированного титана, создание отечественного лизин-сульфата (переработка пшеницы), препараты, используемые в клеточных репродуктивных процессах и технологиях (из интервью с ректором университета).

Продукция многих предприятий успешно реализуется на рынках, и при этом используется бренд университета. Так, например, ряд медицинских приборов и препаратов, произведённых в Томске и Белгороде, несут логотип университета.

Основная причина, затрудняющая функционирование малых инновационных предприятий, – бюрократические помехи.

Опрошенные руководители МИПов признают венчурные фонды неэффективными. На стадии зарождения предприятий каждое второе из них не нуждалось в помощи венчурного фонда, однако постепенно доля таковых сократилась до 16%, в 2011 г. – до 7%, а среди созданных после 2012 г. – все 100% высказали потребность в помощи от венчурного фонда.

Сегодня стороннюю поддержку (помимо участия университета-учредителя) имеют всего 3,8% МИПов в то время как в срочной помощи со стороны регионального венчурного фонда нуждаются 10,4%. В целом лишь 13,2% предприятий не нуждаются в помощи венчурного фонда. Не исключено, что слабый интерес последних к университетским МИПам порождён монополией университета при формировании бизнес-политики предприятий.

По мнению руководителей малых предприятий, бюрократические и организационные препоны по сей день остаются одними из главных помех на пути успешного функционирования предприятия, независимо от года его учреждения. На начальной стадии серьёзной помехой развития было отсутствие заказов, стагнация рынка, но предприятия, учрежденные в последние 2–3 года, стали более продуманно выбирать специализацию и поэтому более эффективно реагируют на потребности рынка.

Основные трудности для малых предприятий заключаются в отсутствии помощи со стороны венчурного фонда и отсутствии заказов на инновационную продукцию, либо в сложностях организации маркетингового исследования спроса на выпускаемую продукцию. В первом случае наибольшее количество жалоб поступает от малых инновационных предприятий, оказывающих информационные, посреднические услуги, помощь производственным предприятиям в трансфере научной продукции для производства инновационного товара; во втором – от осуществляющих разработку научной инновационной продукции для компаний, оказывающих консалтинговые услуги по инновационной тематике, образовательные услуги.

Дефицит специалистов актуален прежде всего для МИПов, работающих по направлениям: ядерные технологии, индустрия наносистем и материалов, компьютерные технологии и программы, энергоэффективность и ресурсосбережение, живые системы.

Оценка перспектив малых предприятий

Несмотря на наличие ряда трудностей, 79% руководителей МИПов считают свою деятельность перспективной. Преимущественно (85–95%) такую уверенность выражают руководители предприятий, специализирующихся в области оказания производственным компаниям помощи в трансфере научных разработок для производства инновационной продукции, оказания посреднических услуг по техническому обе-

Дефицит специалистов актуален прежде всего для МИПов, работающих по направлениям: ядерные технологии, индустрия наносистем и материалов, компьютерные технологии и программы, энергоэффективность и ресурсосбережение, живые системы.

спечению производственных предприятий, консалтинговых услуг (в том числе юридических, помощь в патентовании), услуг в области IT-технологий.

Наиболее высокая уверенность в перспективности у руководителей предприятий, специализирующихся по следующим приоритетным направлениям: транспортные, авиационные и космические системы, энергетика и энергосбережение, космические технологии и телекоммуникации, безопасность и противодействие терроризму; наиболее низкая – у специализирующихся по живым системам, энергоэффективности и ресурсосбережению, медицинским технологиям и фармацевтике, рациональному природопользованию.

Мнение руководителей сильно зависит от состояния основных фондов. Если фонды предприятия новые и современные, а их износ не более 20%, свою деятельность считают перспективной 91% руководителей, и только 29%, если фонды устарели и их износ составляет не менее 45%.

Соответственно, считают перспективной деятельность предприятия 90% руководителей там, где имеются новые технологии и разработки и они успешно используются в производстве, а где этого нет либо на них нет спроса, доля оптимистично настроенных руководителей составляет всего 25%.

Многие руководители МИПов не верят в перспективность своих предприятий по двум причинам: дефицит квалифицированных специалистов и отсутствие помощи со стороны венчурного фонда. Мешают также бюрократия и несовершенство менеджмента, чрезмерная зависимость предприятий от университета и отсутствие помощи с его стороны.

По мнению руководителей, факторы, способные содействовать улучшению их деятельности, заключаются прежде всего в улучшении финансирования, оснащении предприятий техникой и оборудованием, предоставлении помещений на льготных условиях, повышении квалификации персонала (см. рис. 5).

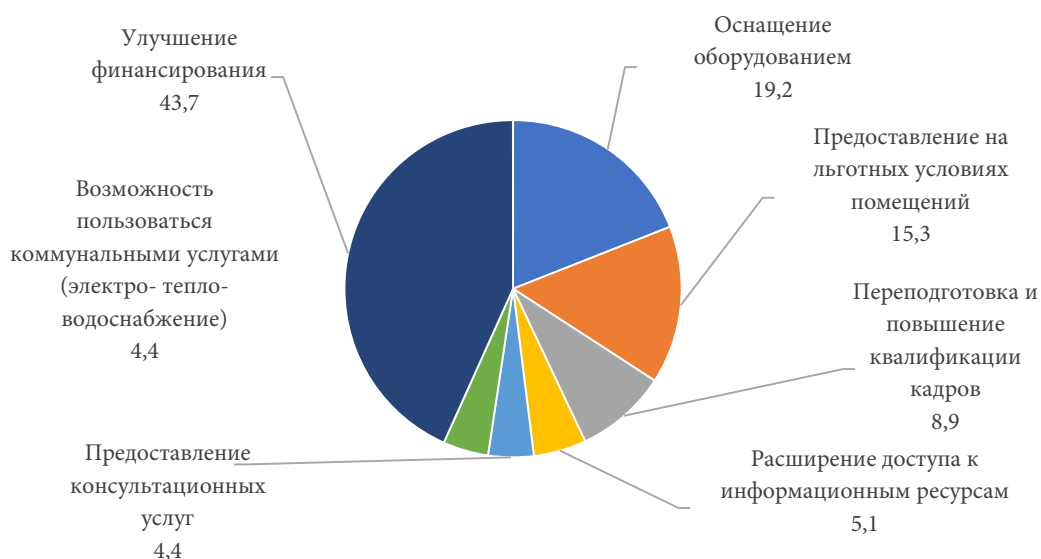

Рис. 5. Мнение руководителей МИПов о том, что в наибольшей степени может способствовать улучшению деятельности предприятия, %

Если фонды предприятия новые и современные, а их износ не более 20%, свою деятельность считают перспективной 91% руководителей, и только 29%, если фонды устарели и их износ составляет не менее 45%.

Заключение

У людей среднего и старшего возраста по сравнению с молодёжью заметно слабее убеждение, что жизненный успех зависит от образования. Если молодёжь связывает своё профессиональное социальное самоопределение с образованием, то старшие поколения в значительной степени отдают предпочтение личным качествам и включённости в социальные и родственные связи. Данная тенденция хорошо просматривается на примере малых предприятий, которые по сути являются наукоёмкими стартапами, не связанными с образованием. Выбор государства по понятным причинам пал на вузы и университеты, где, как считается, сосредоточены научные кадры. Возможно, своё косвенное влияние оказала история Стэнфордского университета, выступившего катализатором инновационных процессов в Силиконовой долине. Как выяснилось в ходе проведённого исследования, личностные качества и опыт учредителей (физических лиц) играют основную роль в развитии малых предприятий. Большое значение имеют и их социальные связи, которые обеспечивают продвижение готовой продукции на рынки.

Поддерживаемая российским правительством политика прямого субсидирования при слабом развитии системы налоговых стимулов во многом обусловлена концентрацией основного объёма государственных ресурсов, выделяемых на научно-технологическое развитие в традиционных высокотехнологических отраслях – авиационной, космической, атомной, а также ВПК. Для перечисленных отраслей прямое финансирование очевидно является оптимальной формой поддержки – введение налоговых стимулов здесь не окажет должного эффекта. Однако новые задачи, стоящие перед страной (например, создание новых рынков и развитие прорывных технологий в рамках Национальной технологической инициативы), требуют новых форм поддержки. Они должны быть направлены на развитие негосударственного (и немонопольного) сегмента научно-технологической сферы, прежде всего – на новые бизнесы, призванные функционировать в конкурентной среде и нацеленные на коммерциализацию результатов исследований. Именно здесь на первый план выходит предприниматель наукоёмкого бизнеса – отдельное физическое лицо, которое готово нести риски и инвестировать собственные средства. Налоговое стимулирование при этом становится высокоэффективным инструментом поддержки инициатив, так как снижает высокие риски технологических стартапов и повышает их доходность.

Экономический рост за счёт новых технологий и инноваций может осуществляться в разных вариантах, в каждом из которых роли науки, технологий и инноваций различаются. Данные варианты отличны друг от друга по отраслям (секторам) экономики, а также по источнику новых знаний

и технологий – технологический импорт или создание собственных технологий. Опыт показывает, что на современном этапе интенсивного развития догоняющие модели социально-экономического развития не являются эффективными. Даже модели технологического импорта ориентированы всего лишь на встраивание российской экономики в наиболее эффективные и производительные технологические цепочки глобальной экономики. Параметры научно-технологической политики при импорте технологий не сильно дифференцируются в зависимости от того, где сосредоточен данный импорт: в традиционных секторах экономики России или в новой экономике.

Конечно, лидерство в наукоёмких технологиях может базироваться преимущественно на российских научных исследованиях и инновационно-технологических разработках. При ориентации на рост в секторах традиционной экономической специализации можно рассчитывать на локальную технологическую конкурентоспособность и сохранение существующих приоритетов. Но возможна ориентация на лидерство и в новых отраслях экономики. Это требует более значительных инвестиций в науку, технологии и инновации, а также более масштабными оказываются требования к достижению международного лидерства в данной сфере.

Современное состояние отечественной экономики, осложнённое обвальным падением цен на нефть, санкциями, необходимостью реагировать на внешнеполитические вызовы, требует её перевода на новый уровень научно-технологического развития. Он недостижим без активизации человеческого капитала, что выливается в необходимость обеспечения широких возможностей карьерного роста его носителей, главным образом инженерного корпуса. Инженер-инноватор при этом выступает как ключевая фигура научно-технического прогресса, что и детерминирует необходимость создания условий для его продуктивной профессиональной деятельности. Выстраивание новых принципов работы должно начинаться уже с первых курсов обучения, с образовательных траекторий в сочетании с научно-исследовательской деятельностью.

Исходя из вышеизложенного, малые инновационные предприятия университетов и вузов приобретают особое значение и большие перспективы как интеграторов инновационных наукоёмких инициатив и проектов.

По результатам анализа официальной статистики и данных экспертного опроса можно сделать вывод об устойчивом снижении величины уставного капитала МИП, по-видимому, из-за нежелания рисковать собственным капиталом.

На рынке инновационной продукции малые предприятия представлены слабо, большинство ориентируются на участие в реализации исследовательских программ, выполняемых учредившими их университетами.

На современном этапе интенсивного развития догоняющие модели социально-экономического развития не являются эффективными. Даже модели технологического импорта ориентированы всего лишь на встраивание российской экономики в наиболее эффективные и производительные технологические цепочки глобальной экономики.

Инженер-инноватор выступает как ключевая фигура научно-технического прогресса, что и детерминирует необходимость создания условий для его продуктивной профессиональной деятельности.

Независимо от года учреждения, разработка научной инновационной продукции для производственных компаний является основным видом деятельности МИП. Наблюдается тенденция роста доли предприятий, оказывающих производственным компаниям помощь в реализации инновационной продукции. Что касается МИП университетов, участвующих в выполнении государственной научной программы совместно с производственными компаниями и исследовательскими организациями, то основными заказчиками их продукции являются производственные компании, тесно взаимодействующие с университетом, а также сами университеты, в которых функционируют эти предприятия.

Две трети работ малых предприятий приходится на производственную деятельность, одна треть – на различные виды услуг. Сегодня их продукция малых используется в 29-ти отраслях экономики, среди которых 60% – производственные.

Взаимодействие малых предприятий с органами региональной власти, начавшееся довольно активно на стадии становления, а также с федеральными министерствами, к настоящему времени почти сведено к нулю, зато возросла доля физических лиц, с ними взаимодействующих.

Наиболее успешно проходит старт у тех МИП, учредителями которых выступили университет и партнёрская компания, участвующие в выполнении государственной научной программы. Средний показатель доли университетов, участвующих в выполнении государственной научной программы, в уставном капитале МИП равен 50%. В целом по малым предприятиям университетов основная доля денежных взносов в уставной фонд принадлежит физическим лицам и университетам; внесённые в уставной фонд патенты, программы и базы данных в основном находятся в собственности университетов; оборудование и имущество – в собственности университетов и партнёрских производственных компаний. В большинстве случаев университеты владеют контрольным пакетом акций МИП.

Важная проблема МИП – отсутствие достаточного базового капитала, среди них 70% имеют уставной капитал не более 300 тыс. рублей.

Среднесписочная численность сотрудников малых предприятий университетов (совместно с производственными компаниями и исследовательскими организациями), участвующих в выполнении государственной научной программы, – 22 человека, в том числе подготавливающих профильных специалистов (исследователей, инженеров) – 14 человек. Кроме того, эти предприятия в течение года привлекают к работе на основе совмещения в среднем 12 человек, половина из которых старшекурсники, магистры и аспиранты. Учитывая, что речь идёт о работниках науки, – это серьёзные показатели.

Среди малых инновационных предприятий, учреждённых университетами совместно с партнёрскими производственными компаниями, все 100% прибыльные. Среди учреждённых университетами и физическими лицами много бесприбыльных. Ниже всего прибыль у предприятий, выполняющих консалтинговые услуги, выше всего – у оказывающих помощь производственным предприятиям в реализации инновационной продукции. Самая большая доля бесприбыльных малых предприятий среди осуществляющих разработку научной инновационной продукции для компаний.

Убытки малых предприятий в 50% случаев покрывает университет, что соответствует его доле в их уставном капитале. Партнёрские компании вмешиваются в это редко – в каждом десятом случае: только если покрывают убытки совместно с университетом. В каждом втором случае убытки покрывают физические лица за счёт кредита.

Не менее 80% основных фондов МИП составляют машины и оборудование. Для интеллектуальной деятельности, предполагающей в основном работу за компьютером, такой фонд достаточен, но если работа включает конструирование, моделирование, создание опытных образцов, испытание – таких основных фондов явно недостаточно, и приходится арендовать технику, оборудование, испытательный полигон. Основные фонды МИП, участвующих в государственной программе научного партнёрства с производственными компаниями и исследовательскими организациями, значительно лучше, чем у большинства предприятий университетов, не участвующих в выполнении государственной научной программы. Среди первых не менее 80% обладают современной, новой техникой и оборудованием, износ их основных фондов не превышает 25%.

Большинство МИПов, заказчиком продукции которых является собственный университет или производственная компания, взаимодействующая с университетом в выполнении государственной научной программы, находят возможность применить свои технологии и разработки в производстве.

С позиции перспективы ситуацию в целом благоприятной можно назвать только у малых инновационных предприятий университетов, совместно с производственными компаниями и исследовательскими организациями участвующих в выполнении государственной научной программы – 80% руководителей этих предприятий считают свою деятельность перспективной.

Библиографический список

Авилова В. В., Хворова Е. В. 2011. Управление инновационным предпринимательством в современных условиях // Социальное управление и регулирование в трансформирующемся обществе. Казань. С. 261–263.

С позиции перспективы ситуацию в целом благоприятной можно назвать только у малых инновационных предприятий университетов, совместно с производственными компаниями и исследовательскими организациями участвующих в выполнении государственной научной программы – 80% руководителей этих предприятий считают свою деятельность перспективной.

Александрин Ю. Н. 2011. Инновационная экономика и институциональная среда малого предпринимательства // Россия и современный мир. № 4. С. 101–113.

Анцев В. Ю., Чадаев Ю. А. 2016. Подготовка субподрядчиков в инновационном бизнес-инкубаторе для предприятий ОПК Тульской области // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки Тула: Тульский государственный университет. № 2–1. С. 230–237.

Архипов Ю. А. 2010. Государственная поддержка малых инновационных предприятий и перспективы их развития // Микроэкономика. № 1. С. 56–60.

Басарева В. Г. 2014. Государственное управление малым бизнесом: от задач до реализации // ЭКО. № 12. С. 126–136.

Грасмик К. И., Мезенин А. В. 2013. Межфирменные связи и их роль в развитии малых инновационных предприятий // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. № 5. С. 74–83.

Елизаров В. В. Демографические императивы модернизации высшего образования России // Официальный сайт Московского гуманитарного университета. URL: <http://www.rikmosgu.ru/publications/3559/4739/> [Дата посещения: 02.09.2017].

Зубова Л. Г., Андреева О. Н., Антропова О. А. 2013. Малое инновационное предпринимательство в ведущих российских университетах: состояние и факторы различия // Инновации. № 6. С. 54–63.

Идиатуллов Т. Т., Чабаненко Е. Б. 2014. Малые инновационные предприятия в наукоёмкой продукции как феномен невозможного предпринимательства // Известия МГТУ «МАМИ» № 3(21). Т. 5. С. 76–81.

Канцеров Р. А., Гедиев К. Т. 2012. Методы оценки потенциала малых предприятий // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. № 10. С. 18–23.

Постановление Правительства Российской Федерации от 04.03.2011 № 146 (ред. от 04.02.2017) «О ведении реестра учета уведомлений о создании хозяйственных обществ и хозяйственных партнерств, созданных бюджетными научными и автономными научными учреждениями либо образовательными организациями высшего образования, являющимися бюджетными или автономными учреждениями» // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/docs/all/76326/> [Дата посещения: 02.09.2017].

Постановление Правительства Российской Федерации от 09 апреля 2010 г. № 218 «О мерах государственной поддержки развития кооперации российских образовательных организаций высшего образования, государственных научных учреждений и организаций, реализующих комплексные проекты

по созданию высокотехнологичного производства, в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы» // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/docs/all/72010/> [Дата посещения: 02.09.2017].

Постановление Правительства Российской Федерации от 9 апреля 2010 г. № 219 «О государственной поддержке развития инновационной инфраструктуры в федеральных образовательных учреждениях высшего профессионального образования» // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/docs/all/72013/> [Дата посещения: 02.09.2017].

Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 25 марта 2011 г. № 1404 «О реализации постановления Правительства Российской Федерации от 4 марта 2011 г. № 146» // Официальный сайт Российской газеты. URL: <https://rg.ru/2011/07/20/postanovlenie-minobrnauki-dok.html> [Дата посещения: 02.09.2017].

Савинков В. И., Бакланов П. А. 2017. Востребованность и оценка населением качества образования. М.: Институт социально-политических исследований РАН. 296 с.

Тюрина И. О., Неверов А. В., Чурсина А. В. 2016. Влияние патентного законодательства России на развитие наукоемких технологий: социологический анализ // Вестник РУДН. Серия: Социология. № 4. С. 844–858.

Челнокова О. Ю., Сумарокова Е. С. 2014. Влияние университетских малых инновационных предприятий на региональное развитие // Известия Саратовского ун-та. Сер. Экономика. Управление. Право. Т. 14. Вып. 2. Ч. 2. С. 368–375.

Шереги Ф. Э., Стриханов М. Н., Арефьев А. Л. 2012. Спрос на компетенции и квалификации в условиях кооперации производственных компаний, вузов и НИИ. М.: ЦСП. 136 с.

Erkkila T., Kauppi N. 2010. Alternatives to existing international rankings. World Social Science Report. Paris. UNESCO. P. 239–241.

DOI: 10.19181/vis.2017.22.3.471

Small Scientific Enterprises as a Factor of Rivalry Among Universities

Kliucharev Grigoriy Arturovich

Doctor of Philosophy, Professor, director of the Center for the Sociology of Education, Science and Culture, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: Kliucharev@mail.ru

Chursina Anna Vadimovna

Associate researcher, postgraduate, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences Russian Federation, Moscow, Russia. E-mail: anna.chiursina@gmail.com

Abstract. Effective participation in state scientific programs and projects, the development of in-house scientific research and development – often in conjunction with manufacturing companies – all of this is an important part of operations carried out by leading universities and higher-educational facilities. Creating and selling scientific production can help universities generate considerable income, and more importantly – this helps increase their ratings, making such an educational facility appealing in the eyes of potential applicants. This article¹ examines the activities of small innovational enterprises (SIE), which themselves are a form of activating scientific research in universities and institutions of higher education, and which, by doing so, increase the rating of an educational facility. Such enterprises do not only aid in the survival of higher-educational facilities, but also contribute to the formation of a market for innovative products. The authors pay attention not only to the history of small innovational enterprises' development, but also to the problems they face. Examined are certain types of their activity, and the results of implementing certain developed innovations. Determined is the effect which the founders' structure and the ownership capital have on a small enterprise's successful existence. It is noted that the human resource potential of any small innovational enterprise created under a higher-educational facility is higher when it is founded in collaboration with a business, than if it were founded solely under a higher-educational facility. It often happens that such enterprises stimulate the emergence of new professions on the labor market. For example, such is the case with the specialty "scientific product marketing expert". The main customers who purchase products made by small enterprises are those companies which work closely with higher-educational facilities; however, there has been an increase in the amount of private clients. Innovational products are usually produced under the higher-educational facility's brand, not only bringing economic benefits, but also having a positive impact on the image characteristics of educational institutions. Highlighted are the difficulties which small innovational enterprises under higher-educational facilities now face; however, despite these problems, their operations are quite promising, as noted by the authors, especially if they receive better financing, discounts on equipment and space, and if an opportunity is presented for being able to constantly increase the qualification of their personnel. This article was prepared based on data from a government-funded study called "Research and development in prioritized fields for developing Russia's scientific and technical complex for the years 2014–2020", conducted by the Social forecasting and marketing center with help from the authors of this article.

Keywords: higher education, universities, scientific activity, small innovational enterprises at higher-educational facilities.

References

Aleksandrin Y. N. Innovacionnaja ekonomika i institucional'naja sreda malogo predprinimatel'stva [Innovative economy and institutional environment of small business]. *Rossija i sovremenny mir*, 2011, no 4, pp. 101–113. (in Russ.)

Ancev V. Y., Chadaev Y. A. Podgotovka subpodriadchikov v innovacionnom biznes-inkubatore dlja predpriyatij OPK Tul'skoy oblasti [Preparation of sub-contractors in the innovative business incubator for defense enterprises in Tula region]. *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Economicheskie i juridicheskie nauki*. TuSU publ., 2016, no 2–1, pp. 230–237. (in Russ.)

Arhipov Y. A. Gosudarstvennaja podderzhka malykh innovacionnykh predpriyatij i perspektivy ih razvitija [State support for small innovative enterprises and their development prospects]. *Mikroekonomika*, 2010, no 1, pp. 56–60. (in Russ.)

Avilova V. V., Hvorova E. V. Upravlenie innovacionnym predprinimatel'stvom v sovremennykh uslovijah [Innovative business management in modern conditions]. *Social'noe upravlenie i regulirovanie v transformirujuschemsia obschestve*. Kazan', 2011, pp. 261–263. (in Russ.)

Basareva V. G. Gosudarstvennoe upravlenie malym biznesom: ot zadach do realizacii [State management of small business: from tasks to implementation]. *EKO*, 2014, no 12, pp. 126–136. (in Russ.)

¹ The research was carried out at the expense of a grant from the RGNF–RFFI (project No 16-03-00050, "Professional education in a competitive environment" at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Chelnokova O. Y., Sumarokova E. S. Vlijanie universitetskikh malyh innovacionnykh predpriyatij na regional'noe razvitie [The influence of the universities' small innovative enterprises on the regional development]. *Izvestia Saratovskogo universitetata. Ser. Ekonomika. Upravlenie. Pravo*, 2014, vol. 14, release 2, ch. 2, pp. 368–375. (in Russ.)

Elizarov V. V. Demograficheskie imperativy modernizacii vysshego obrazovaniya Rossii. [Demographic imperatives of modernization of higher education in Russia]. Russian Intellectual Club Official website. URL: <http://www.rikmosgu.ru/publications/3559/4739> [date of visit: 02.09.17]. (in Russ.)

Erkkila T., Kauppi N. Alternatives to existing international rankings. *World Social Science Report*. Paris, UNESCO publ., 2010, p. 239.

Grasmik K. I., Mezenin A. V. Mezhfirmyennye svyazi i ih rol' v razvitii malyh innovacionnykh predpriyatij [Interfirm relations and their role in the development of small innovative enterprises]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, 2013, Ser. 6. *Ekonomika*, no 5, pp. 74–83. (in Russ.)

Idiatullov T. T., Chabanenko E. B. Malye innovacionnye predpriyatija v naukojomykh proizvodstvennykh otpravleniyakh kak fenomen nevozmozhnogo predprinimatel'stva [Small innovative enterprises in high-tech products as a phenomenon of impossible entrepreneurship]. *Izvestija MGTU «MAMI»*, 2014, no 3 (21), vol. 5, pp. 76–81. (in Russ.)

Kancerov R. A., Gediev K. T. Metody ocenki potentsiala malyh predpriyatij [Methods for assessing of the potential of small enterprises]. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'*, 2012, no 10, pp. 18–23. (in Russ.)

Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federacii ot 04.03.2011 No 146 «O vedenii reestra ucheta uvedomlenij o sozdanii hozhajstvennykh obshchestv i hozhajstvennykh partnerstv, sozdannykh bjudzhetnymi nauchnymi i avtonomnymi nauchnymi uchrezhdenijami libo obrazovatel'nymi organizacijami vysshego obrazovaniya, javljajushhimisja bjudzhetnymi ili avtonomnymi uchrezhdenijami» [Decree of the Government of the Russian Federation of 04.03.2011 № 146 (Edited on 04.02.2017) “On keeping the register of registration of notifications on the establishment of economic societies and economic partnerships established by budgetary scientific and autonomous scientific institutions or educational organizations of higher education that are budgetary or autonomous institutions “]. Russian Government Official website. URL: <http://government.ru/docs/all/76326/> [(date of visit: 02.09.17)]. (in Russ.)

Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federacii ot 9.04.2010 No 218 «O merah gosudarstvennoy podderzhki razvitija kooperacii rossijskikh obrazovatel'nykh organizacij vysshego obrazovaniya, gosudarstvennykh nauchnykh uchrezhdenij i organizacij, realizujuschih kompleksnye proekty po sozdaniju vysokotekhnologichnogo proizvodstva, v ramkah podprogrammy “Institucional'noe razvitie nauchno-issledovatel'skogo sektora” gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federacii “Razvitie nauki i tehnologii” na 2013–2020 gody») [Decree of the Government of the Russian Federation of April 9, 2010 No. 218 “On measures of state support for the development of cooperation between Russian educational institutions of higher education, state scientific institutions and organizations implementing complex projects for the creation of high-tech production, within the framework of the subprogram” Institutional Development of the Research Sector “State Program of the Russian Federation “Development of Science and Technology” for 2013 2020 “]. Russian Government Official website. URL: <http://government.ru/docs/all/72010> [date of visit 02.09.2017]. (in Russ.)

Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federacii ot 9.04.2010 No 219 «O gosudarstvennoy podderzhke razvitija innovacionnoy infrastruktury v federal'nykh obrazovatel'nykh uchrezhdenijah vysshego professional'nogo obrazovaniya» [Decree of the Government of the Russian Federation of April 9, 2010 No. 219 “On State Support for the Development of Innovative Infrastructure in Federal Educational Institutions of Higher Professional Education”]. Russian Government Official website. URL: <http://government.ru/docs/all/72013> [date of visit: 02.09.2017]. (in Russ.)

Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federacii ot 25.03.2011 No 1404 [The Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of March 25, 2011 No. 1404 “On the Implementation of the Decree of

the Government of the Russian Federation No 146 of March 4, 2011”]. Rossiyskaja Gazeta official website. URL: <https://rg.ru/2011/07/20/postanovlenie-minobrnauki-dok.html> [date of visit: 02.09.17]. (in Russ.)

Savinkov V. I., Baklanov P. A. Vostrebovannost' i ocenka naseleniem kachestva obrazovaniya [Demand and evaluation of the quality of education by the population]. Moscow, ISPR RAS publ., 2017. 296 p. (in Russ.)

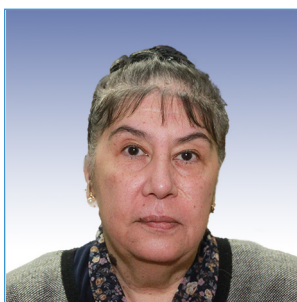
Sheregi F. E., Strihanov M. N., Aref'ev A. L. Spros na kompetencii i kvalifikacii v usloviyah kooperacii proizvodstvennykh kompaniy, vuzov i NII [Demand for competencies and qualifications in a cooperative production companies, universities and research institutes]. Moscow, CSP, 2012, pp. 77–100. (in Russ.)

Zubova L. G., Andreeva O. N., Antropova O. A. Maloe innovacionnoe predprinimatel'stvo v veduschikh rossiyskikh universitetakh: sostojanie i faktory razlichija [Small innovative entrepreneurship in the leading Russian universities: current status and factors differences]. Innovacii, 2013, no 6, pp. 54–63. (in Russ.)

Tiurina I. O., Neverov A. V., Chursina A. V. Vlijanie patentnogo zakonodatel'stva Rossii na razvitie naukoemkih tehnologiy: sociologicheskij analiz [Influence of the Russian patent law on the development of high-tech technologies: sociological analysis]. Vestnik RUDN, Sociologija, 2016, no 4, p. 844–858. (in Russ.)

Б ю д ж е т в р е м е н и

Общее и особенное в использовании времяресурса повседневной жизни у рабочих разного возраста

Караханова Татьяна Муртазаевна –
кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник, руководитель
сектора изучения повседневной деятельности
и бюджета времени, Институт социологии
ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: patruhev@isras.ru

Большакова Ольга Александровна –
кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: patruhev@isras.ru

Общее и особенное в использовании времяресурса повседневной жизни у рабочих разного возраста

DOI: 10.19181/vis.2017.22.3.473

Аннотация. В статье продолжен анализ реального поведения рабочих в сферах труда и быта, восстановления и саморазвития, результаты которого освещались в публикации авторов, помещённой в данном издании в 2016 г. под названием «Бюджет времени рабочих как отражение их реального поведения в повседневной жизни (1965–2014 гг.)». Проведено сравнение социальных характеристик рабочих в зависимости от возраста. С помощью объективных показателей использования времени в сочетании с субъективными оценками рабочих сфер повседневной деятельности рассматривается вопрос возрастной дифференциации в поведении рабочих, относящихся к разным поколениям россиян и получавшим профессиональную подготовку в советские и постсоветские годы. Оценивается и интерпретируется степень согласования или рассогласования показателей структурирования времени и значимости отдельных групп видов деятельности рабочих в разных возрастных группах. Характеризуются общее и особенное в поведении рабочих в зависимости от их социальных характеристик как факторов пола, возраста, семейного положения, образования и профессиональной квалификации. Выявляется отношение рабочих разных поколений к нравственным нормам как фундаментальному фактору их реального поведения в основных сферах повседневной деятельности. Акцентируется внимание на поведении молодых рабочих, отличительных чертах их адаптационных практик использования времени, которые могли бы указывать на будущую возможную направленность трансформации в сознании, поведении и ценностных ориентациях в среде рабочих. Эмпирической базой статьи является объединённый массив данных бюджета времени рабочих, опрошенных в 2014 г. на промышленных предприятиях во Владимире, Омске и Пскове.

Ключевые слова: бюджет времени, рабочие, возрастные группы, социальные характеристики, труд, быт, восстановление, саморазвитие, нравственные нормы

Вопрос дифференциации реального поведения рабочих в области труда и быта, восстановления и саморазвития в зависимости от возраста представляется сегодня важным прежде всего с точки зрения выявления позитивных и негативных черт адаптационных практик. Анализ объективных показателей использования времени рабочими из разных поколений, получившими профессиональную подготовку в советские и постсоветские годы, в сочетании с субъективными оценками рабочих сфер повседневной деятельности позволяет решать следующие задачи. Во-первых, сравнить некоторые повозрастные социальные характеристики рабочих. Во-вторых, ответить на вопрос о наличии возрастной дифференциации в поведении рабочих. В-третьих, понять, каковы её характер, позитивные или негативные стороны. В-четвёртых, определить, влияют ли социальные характеристики и ценностные приоритеты в рабочей среде на реальную повседневную деятельность и в какой степени. В-пятых, выявить отношение рабочих к нравственным нормам как основе их реального поведения. В контексте названных задач особого внимания заслуживает повседневная деятельность молодых рабочих, отличительные черты их адаптационных практик использования времени, которые могли бы указывать на будущую возможную направленность трансформации в сознании, поведении и ценностных ориентациях в среде рабочих.

Таким образом, в настоящей статье продолжено и углублено исследование реального и вербального поведения рабочих в повседневной жизни, результаты которого освещались в публикации авторов под названием «Бюджет времени рабочих как отражение их реального поведения в повседневной жизни (1965–2014 гг.)» [Караханова, Большакова 2016]. Описание методики сбора эмпирической информации о бюджете времени, характеристики территориальных объектов исследования, основные показатели, применяемые в анализе данных о бюджете времени, классификация групп видов деятельности приводятся в ряде ранее опубликованных работ по проблемам использования времени [Салаи А. и др. 1969; Бюджет...1984; Бюджет... 2001; Повседневная... 2010; Караханова и др. 2014; Караханова 2016].

Анализ проводился на основе объединённого массива данных бюджета времени рабочих, полученных в 2014 г. на промышленных предприятиях во Владимире, Омске и Пскове, т. е. не отдельно по каждому областному центру. Делалось это в целях обеспечения достаточной наполненности возрастных групп респондентов. Число опрошенных составляло 595 человек. Была применена специальная методика «взвешивания» только для данных бюджета времени (контролируемые переменные: пол, дни недели). Некоторое количество респон-

дентов, имевших бюджеты времени, не заполнили «Анкету рабочего» (входящую в комплект документов). Процедура «взвешивания», в свою очередь, не распространялась на данные анкеты. Всё это обусловило незначительные различия в приводимых в тексте числах опрошенных при анализе одинаковых возрастных групп «из бюджетного» и «анкетного» массивов.

Сравнение социальных характеристик рабочих разного возраста

Наша многолетняя практика анализа данных бюджета времени в зависимости от возраста исходила из следующего распределения опрошенных по возрастным группам: 18–29 лет, 30–39 лет, 40–49 лет, 50–59 лет, 60 лет и старше. К рабочей молодёжи мы относим группу опрошенных в возрасте 18–29 лет. Но данной возрастной группой совокупность молодых рабочих не ограничивается. 30–39-летние нами рассматриваются в качестве «старшего поколения молодых». Поколение рабочих в возрасте до 39 лет вступило в трудоспособный возраст уже в постсоветской России. В дальнейшем анализе вышеперечисленные возрастные группы могут быть при необходимости укрупнены.

По данным статистики, в России в 2014 г. доля занятых в экономике в возрасте до 29 лет составляла 22,9%, 30–39 лет – 26,3%, 40–49 лет – 23,8% и в возрасте 50 лет и старше – 27,2%. Средний возраст занятых в экономике – 40,4 года (среди мужчин – 39,9, среди женщин – 41,0 год) [Труд... 2015: 40–41]. В нашем исследовании в выборочной совокупности по трём рассматриваемым нами территориям рабочих младше 30 лет – 22%, 30–39-летних – 30%, старше 39 лет – 48%. Средний возраст рабочих составляет 39,3 года, у мужчин – 37,9 лет, у женщин – 40,8 лет. Как видим, выборочная совокупность рабочих в нашем исследовании по данному признаку не имеет серьёзных отличий от аналогичных характеристик по занятому населению России, опубликованных Росстатом.

Анализ, семейного положения рабочих, уровня детности их семей, образования, материального достатка и некоторых других данных о них по возрастным группам позволяет получить представление о том, дифференцированы ли в зависимости от возраста их социальные характеристики и насколько (см. таблицу 1). Социальные характеристики рассматриваются нами в дальнейшем также и как факторы, влияющие на реальное поведение разных поколений рабочих.

Таблица 1

**Социальные характеристики рабочих
на промышленных предприятиях в трёх областных центрах РФ
по возрастным группам, % от числа ответивших в группе***

Социальный показатель	Возраст, лет			
	< 30 n=131	30–39 n=178	40–49 n=152	50 > n=128
1. Пол				
Мужской	63	49	47	38
Женский	37	51	53	62
2. Семейное положение				
Состоящие в браке				
Имеющие детей до 18 лет	24	61	34	6
Не имеющие детей до 18 лет	7	10	40	66
Не состоящие в браке				
Имеющие детей до 18 лет	3	14	6	0
Не имеющие детей до 18 лет	66	15	20	28
3. Образование				
Основное общее (неполное среднее)	4	3	2	2
Среднее (полное) общее (10, 11 классов, СПТУ)	24	22	24	29
Среднее профессиональное (техникум, колледж и т. п.)	39	47	54	52
Неполное высшее и высшее профессиональное	33	28	20	17
4. Квалификация				
Рабочие неквалифицированные и рабочие с низким уровнем квалификации	24	10	9	6
Рабочие со средним уровнем квалификации	55	56	67	53
Высококвалифицированные рабочие	21	34	24	41
5. Оценка респондентами своего здоровья				
Плохое и очень плохое	2	3	10	9
Удовлетворительное	24	49	62	80
Хорошее и отличное	74	48	28	11
6. Группа дохода, к которой отнесли себя респонденты				
Бедные люди	24	43	43	37
Люди со средними доходами	76	56	55	63
Люди с высокими доходами	0	1	2	0
7. Оценка своего материального положения				
Денег не хватает на самое необходимое, иногда даже на питание, и денег хватает только на самое необходимое: питание, оплату коммунальных услуг, недорогую одежду, обувь	37	52	52	54
Доходы позволяют нормально питаться, одеваться и обуваться, но покупка вещей длительного пользования (холодильника, телевизора, стиральной машины и др.) вызывает затруднения**	46	40	38	40
8. Доход на одного члена семьи в месяц, который респондент считает достаточным для жизни (тыс. руб.)				
В среднем	25,2	25,4	24,9	26,3
Медиана	22,0	20,0	20,0	20,5

*В пунктах 5, 7 и 8 данные рассчитаны на основе «невзвешенного» массива «Анкеты рабочего», остальные пункты таблицы, содержат сведения из «взвешенного» массива данных бюджета времени.

**«Анкета рабочего» полностью приводится в одной из наших публикаций [Караханова и др. 2014: 109–142].

Семейное положение

У рабочих 30 лет и старше оно свидетельствует, во-первых, о довольно высоком показателе брачности в этих возрастных группах, во-вторых, о мало различающейся численности рабочих, состоящих в браке (71, 74 и 72%). А среди опрошенных 29 лет и младше лишь каждый третий образовал семью, но в подавляющем большинстве этих семей (78%) есть дети до 18 лет. У женатых (замужних) 30–39-летних уже в 86% случаев есть дети такого возраста. У них же при этом и самое большое число неполных семей – 14% от всех рабочих данного возраста. После 40 лет растёт доля женатых (замужних) рабочих, не имеющих совершеннолетних детей или вообще бездетных (70% от состоящих в браке рабочих старше 40 лет). Кроме того, среди рабочих этих возрастов увеличивается число вдовцов (вдов) и разведённых (21% от всех холостых (незамужних) старше 40 лет). В этой группе в основном женщины.

Уровень образования

Анализ уровня образования рабочих обнаружил во всех возрастных группах совсем незначительные доли опрошенных, имеющих только неполное среднее образование (менее 9 классов). Однако самый «высокий» показатель – у 29-летних и младше, которые получали такое образование преимущественно во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. Лица с полным средним (общим) образованием (10, 11 классов, СПТУ) преобладают среди 50-летних и более старшего возраста, а в остальных группах дифференциация небольшая. Но и среди молодых рабочих (моложе 30 лет) лиц с таким образованием немало – примерно каждый четвёртый. Полное среднее (общее) образование современной рабочей молодёжи отличается от аналогичного образования молодёжи, получавшей его в первой половине 1980-х гг. (современные 50-летние и старше). В числе нынешних молодых рабочих практически отсутствуют окончившие СПТУ с присвоением им квалификации по какой-либо рабочей профессии. Похожая картина и со средним профессиональным образованием. Доля рабочих с такой профессиональной подготовкой растёт по мере увеличения возраста. Что же касается высшего профессионального образования (включая и незаконченное), то тут наблюдается прямо противоположная тенденция: чем моложе опрошенные, тем больше среди них имеющих неполное высшее и высшее профессиональное образование. Все эти выводы находят своё продолжение и в тенденциях, связанных с состоянием уровня квалификации у рабочих разных поколений.

Уровень квалификации

Сравнение уровня квалификации рабочих в возрастных группах выявило в целом наиболее низкий квалификационный уровень у рабочих в возрасте младше 30 лет (поколение, рождённое во второй половине 1980-х и в первой половине 1990-х гг.). В этой группе доля рабочих, назвавших свой уровень квалификации низким, в 2,4–4,0 раза превосходит аналогичную долю в остальных возрастных группах. Причём молодые мужчины оценивают свою квалификационную подготовку выше по сравнению с молодыми женщинами, из числа которых 34% относят себя к рабочим неквалифицированным и с низкой квалификацией (у мужчин таких 18%). Вместе с тем «старшее поколение молодых» (30–39 лет) и рабочие старше 50 лет имеют довольно близкие квалификационные показатели и фактически самые высокие. Несмотря на то, что почти каждый третий рабочий в возрасте до 29 лет имеет высшее или неполное высшее профессиональное образование, уровень их профессиональной подготовки существенно ниже, чем у рабочих, получавших профессию в 1960–70-е гг. и успешно осваивающих новые производственные технологии. Если бы сегодняшние молодые рабочие в большинстве своём «не уходили из профессии», то можно было ожидать, что с повышением возраста, накоплением профессионального опыта их квалификационный уровень повысился бы. Их место заняли бы молодые кадры уже более высокой квалификации, подготовленные в условиях «реанимированной» и усовершенствованной системы обучения рабочим профессиям. Однако наблюдаемая тенденция свидетельствует об обратном положении. Исследователи выделяют большую группу «транзитных рабочих», которые считают рабочую профессию для себя временной и поэтому не планируют и не стремятся повышать квалификацию [Константиновский и др. 2013: 27].

Состояние здоровья

Важной характеристикой рабочей силы являются показатели здоровья её носителей. Выявлена тесная связь (коэффициент Крамера – 0,332^{***})¹ между оценками своего здоровья и возрастом рабочих (это и понятно). У 30–39-летних, т. е. у «старшего поколения молодых», «хорошие и отличные» оценки здоровья (по отношению к самым высоким оценкам опрошенных младше 30 лет) уже снижены в 1,5 раза. Вместе с тем, несмотря на ухудшение здоровья с повышением возраста, даже в группе 50-летних и старше число рабочих, счи-

¹ В коэффициенте Крамера – «***» соответствуют уровню значимости 0,1% (самый высокий); «**» – 1%; «*» – 5%.

тающих своё здоровье «плохим и очень плохим», не превысило 9%, среди мужчин таких немного больше (11%), чем среди женщин (7%). Однако можно допустить, что кроме соответствия данного показателя реальному положению, существует вероятность сознательного завышения оценок состояния здоровья, вызываемое страхом потери работы.

Уровень материального достатка

Большинство молодых рабочих (чаще, чем каждый третий) отнесли себя по уровню материального достатка к «людям со средними доходами». При этом 37% отметили, что «денег не хватает на самое необходимое, иногда даже на питание», а также «денег хватает только на самое необходимое: питание, оплату коммунальных услуг, недорогую одежду, обувь». Кроме того, почти у каждого второго «доходы позволяют нормально питаться, одеваться и обуваться, но покупка вещей длительного пользования (холодильника, телевизора, стиральной машины и др.) вызывает затруднения». Если же обратиться к оценкам дохода на одного члена семьи в месяц, который рабочие до 29 лет считают достаточным для жизни (в среднем 25,2 тыс. руб., а медиана ещё ниже – 22 тыс. руб.), то становится ясно, что «людьми со средними доходами» они считают тех, кто располагают ещё меньшими душевыми финансовыми ресурсами (соответственно, 21,7 и 20 тыс. руб.). Такое представление у рабочих моложе 30 лет о среднем материальном достатке свидетельствует о невысоком уровне их материальных притязаний.

С увеличением возраста рабочих растут и доли опрошенных, отнёсших себя к «бедным», у которых, в свою очередь, от младших к старшим возрастам снижается самооценка уровня достаточности душевого дохода (от 30 до 23,5 тыс. руб. – медиана). Однако зафиксирована более низкая «планка» достаточности для жизни душевого дохода у отнёсших себя к «людям со средними доходами» во всех возрастных группах (от 19 до 20 тыс. руб. – медиана) по сравнению с теми, кто отнёс себя к «бедным».

Соотношение оценок («бедные люди» – «люди со средними доходами») в группах респондентов старше 40 лет уже почти сбалансировано и, как показывает анализ, более реалистично. Именно рабочие в возрасте после 40 лет демонстрируют больше согласования между отнесением к группам дохода и оценками своего фактического материального положения, чем самые молодые и, особенно, «старшее поколение молодых» (30–39 лет). Так, из числа последних немного менее двух третей назвали себя «людьми со средними доходами», при этом чаще, чем у каждого второго, «денег не хватает на самое необходимое...» или «денег хватает только на самое необходимое...», в то время как к «бедным людям» в этой же возрастной группе себя отнесли всего 39%.

Об уровне достатка семей рабочих свидетельствует и тот факт, что «бедными» себя назвали 40% женатых мужчин и 34% замужних женщин. Женщин с устроенной судьбой (72% состоят в браке) среди работниц «со средними доходами» существенно больше, чем среди «бедных» женщин (замужем только каждая вторая). Малолетних детей растят 27% «бедных» рабочих моложе 30 лет, а в числе рабочих «со средним достатком» в этом же возрасте таких меньше – 22%. Аналогичная тенденция наблюдается и у «молодых старше 29», которая выражена ещё сильнее: 80% «бедных» рабочих имеют детей до 18 лет.

Таким образом, наиболее социально уязвимыми являются молодые рабочие (до 39 лет), имеющие семью и детей до 18 лет, низкий квалификационный уровень, отнёсшие себя к «бедным людям». Хотя и рабочие, назвавшие свой доход средним, по существу, как показал анализ, тяготеют к «бедным людям». Общим для всех возрастных групп в оценке материального достатка является признание почти недифференцированной величины дохода на одного члена семьи в месяц, который респондент считает достаточным для жизни, причём об этом свидетельствуют и средний, и медианный показатели. Другими словами, уровень материальных притязаний рабочих во всех возрастных группах, во-первых, совсем невысокий, во-вторых, слабо различается. В сложных социально-экономических условиях кризиса социальное самочувствие рабочих, базирующееся на подобных критериях материального благополучия, конечно, должно устраивать государство, так как позволяет менее болезненно преодолевать текущие проблемы экономического развития страны. Однако возникает вопрос: может ли такая модель социальной адаптации при долговременном её характере положительно влиять, с одной стороны, на качество рабочей силы данной социальной группы наёмных работников, а с другой – на качество их жизни?

Сравнительный анализ использования времени рабочими, относящимися к разным возрастным группам

Общая трудовая нагрузка

Данный показатель колеблется у мужчин от 40% недельного фонда времени (у рабочих до 29 лет) до 43% (у рабочих 30–39 лет), у женщин, соответственно, от 43 до 48% (см. таблицу 2).

Таблица 2

**Использование недельного фонда времени
рабочими промышленных предприятий,
расположенных во Владимире, Омске и Пскове,
в зависимости от возраста,
в среднем по трём городам, на опрошенного, в неделю, часы**

Группа видов деятельности	Возраст, лет*			
	< 30 n=131	30–39 n=178	40–49 n=152	50–59 n=117
Мужчины (n=284)				
1. Оплачиваемая работа	45,7	40,2	40,3	39,7
2. Виды деятельности, связанные с работой	5,8	6,3	6,3	6,7
Всего (1+2)	51,5	46,5	46,6	46,4
3. Труд в домашнем хозяйстве и другая бытовая деятельность (неоплачиваемый труд)	15,7	25,9	23,0	22,2
Общая трудовая нагрузка (1+2+3)	67,2	72,4	69,6	68,6
4. Удовлетворение физиологических потребностей (уход за собой, питание, сон)	68,1	68,2	69,2	69,2
5. Занятия в свободное время	32,7	27,4	29,2	30,0
6. Нераспределённое время	0,0	0,0	0,0	0,2
Недельный фонд времени	168	168	168	168
Женщины (n=294)				
1. Оплачиваемая работа	42,4	39,2	42,3	38,2
2. Виды деятельности, связанные с работой	7,1	6,2	6,7	6,3
Всего (1+2)	49,5	45,4	49,0	44,5
3. Труд в домашнем хозяйстве и другая бытовая деятельность (неоплачиваемый труд)	23,2	35,6	28,6	31,0
Общая трудовая нагрузка (1+2+3)	72,7	81,0	77,6	75,5
4. Удовлетворение физиологических потребностей (уход за собой, питание, сон)	70,9	68,0	68,1	68,8
5. Занятия в свободное время	24,3	19,0	22,2	23,7
6. Нераспределённое время	0,1	0,0	0,1	0,0
Недельный фонд времени	168	168	168	168

*Группа рабочих в возрасте 60 лет и старше не включена в анализ из-за недостаточной наполненности.

Рабочие моложе 30 лет, имеющие самые лучшие показатели здоровья, у трети из которых есть семьи и в большинстве своём с детьми до 18 лет, отличающиеся относительно низким уровнем материальных притязаний, демонстрируют самые низкие величины общей трудовой нагрузки. Своего «пика» общая трудовая нагрузка достигает и у мужчин, и у женщин «старшего поколения молодых» (30–39-летних рабочих), в большинстве своём состоящих в браке, имеющих детей до 18 лет (61%) и оценивающих (почти каждым вторым) своё здоровье

как «хорошее и отличное». Во всех последующих возрастных группах общая трудовая нагрузка снижается, но при этом оставаясь выше величины, выявленной у рабочих моложе 30 лет.

Соотношение оплачиваемого и неоплачиваемого труда – важный показатель структурирования недельного фонда времени, характеризующий направленность социальной адаптации рабочих в разном возрасте. Наблюдается дифференциация данного показателя и по возрасту, и по полу. У *мужчин* моложе 30 лет самая низкая (и абсолютно, и относительно) степень «участия» неоплачиваемого труда (труд в домашнем хозяйстве и другая бытовая деятельность) в формировании общей трудовой нагрузки (15,7 часа в неделю, 23%). Максимальное повышение времени общей трудовой нагрузки к 30–39 годам у мужчин обеспечивается неоплачиваемым трудом (25,9 часа в неделю, 36%). В последующих возрастных группах мужчин (вплоть до пенсионных) немного «подрастают» (на 3–4%) доли именно оплачиваемого труда. Но при этом важно подчеркнуть, что абсолютная величина времени оплачиваемого труда и видов деятельности, связанных с ним, по достижении мужчинами 30 лет и дальше остаётся почти стабильной, а неоплачиваемый труд по достижении ими 40 лет неуклонно уменьшается. Таким образом, общим для мужчин разного возраста является следующий вывод: именно изменения в величине времени неоплачиваемого труда производят перемены в конфигурации структуры их общей трудовой нагрузки.

У *женщин* характер изменений повозрастных показателей соотношения оплачиваемого и неоплачиваемого труда имеет некоторое сходство с направленностью, наблюдаемой у мужчин. Общая трудовая нагрузка работниц до 29 лет также в наименьшей степени обеспечена неоплачиваемым трудом (23,2 часа в неделю, 32%). Самым значительным образом неоплачиваемый труд «участвует» в величине общей трудовой нагрузки у «старшего поколения молодых» (35,6 часа, 44%), аналогично тенденции, замеченной у мужчин. Однако в последующих возрастных группах зафиксированы особенности поведения женщин. 40–49-летние работницы отдают предпочтение оплачиваемому труду (как и те, кому нет 30), увеличивая и абсолютно, и относительно его величину до цифр, свойственных молодым работницам. При этом их трудовая нагрузка (включая неоплачиваемый труд) остаётся большей, чем у мужчин, на 8 часов в неделю. Ближе к пенсионному возрасту у женщин показатели соотношения «оплачиваемый–неоплачиваемый труд» (59:41%) становятся очень похожими на выявленные у 30–39-летних работниц, а общая трудовая нагрузка продолжает быть большей по сравнению с мужчинами почти на 7 часов в неделю. Кроме того, время неоплачиваемого труда у женщин предпенсионных и пенсионных возрастов снова увеличивается настолько, что становится на 8,8 часа в неделю больше, чем у молодых работниц. В целом картина изменений

Общая трудовая нагрузка работниц до 29 лет также в наименьшей степени обеспечена неоплачиваемым трудом (23,2 часа в неделю, 32%). Самым значительным образом неоплачиваемый труд «участвует» в величине общей трудовой нагрузки у «старшего поколения молодых» (35,6 часа, 44%).

структуры трудовой деятельности работниц при переходе от одного возраста к другому имеет «волнообразный» вид, отвечающий завершению одного жизненного цикла и началу другого этапа жизни, отличающегося назначением и направленностью от предыдущего.

Важной частью анализа является сопоставление объективных (бюджет времени) и субъективных (самооценки) показателей, что помогает приблизиться к объяснению механизма адаптации рабочих в повседневной деятельности (см. таблицу 3).

Таблица 3

Оценки значимости видов деятельности для рабочих трёх областных центров и иерархия занятий в зависимости от возраста, средневзвешенный балл по пятичленной шкале*

Вид занятий	Возраст, лет**			
	< 30	30–39	40–49	50 >
Общение с родными, друзьями	4,64(1)	4,51(4)	4,28(6)	4,67(4)
Питание	4,59(2)	4,63(2)	4,50(1)	4,80(1)
Уход за собой (гигиенический, медицинский и др.) дома и вне дома	4,57(3)	4,64(1)	4,39(4)	4,57(5)
Сон	4,48(4)	4,60(3)	4,43(3)	4,77(2)
Труд для заработка	4,41(5)	4,37(6)	4,38(5)	4,71(3)
Спорт и активный отдых	4,19(6)	3,91(8)	3,41(10)	3,17(11)
Уход за детьми и их воспитание	4,16(7)	4,44(5)	4,44(2)	4,53(6)
Домашний труд, в т. ч. совершение покупок, пользование услугами	4,01(8)	4,16(7)	4,08(7)	4,38(7)
Познавательная деятельность (учёба, овладение профессией, при чтении, при просмотре ТВ, видео, через интернет)	3,96 (9–10)	3,63(9)	3,43(9)	3,26(9)
Развлечения (в т. ч. в учреждениях культуры, барах, ресторанах, ночных клубах, гостях, при просмотре ТВ, видео, в интернете)	3,96 (9–10)	3,36(11)	2,93(12)	2,41(12)
Творческая деятельность, в т. ч. любительские занятия	3,79(11)	3,42(10)	3,54(8)	3,37(8)
Сельскохозяйственный труд (на даче, в огороде)	2,82(12)	2,92(12)	3,28(11)	3,24(10)
Религиозная деятельность (участие в церковных службах, домашняя молитва, труд для церкви и т. п.)	2,56(13)	2,21(13)	2,59(13)	2,33(13)

*От «1» – не имеет никакого значения до «5» – имеет самое большое значение.

**В скобках указаны ранговые места.

Повозрастные самооценки значимости видов повседневной деятельности показывают, что самая высокая балльная оценка (4,71) и ранговое место (3) отдано ценности «Труд для заработка» у рабочих в возрасте 50 лет и старше (см. таблицу 3). Данные же бюджета времени свидетельствуют о том, что продолжительность оплачиваемого труда (без видов деятельности, связанных с работой) у рабочих этого возраста

находится на нижней её границе. Очевидное, на первый взгляд, рассогласование в вербальном и реальном поведении рабочих на самом деле можно объяснить тем, что для них, вероятнее всего, важен сам факт сохранения работы, что не исключает и более ответственного отношения к труду у пожилых людей по сравнению с более молодыми рабочими. Вместе с тем, в значительной степени согласованными выглядят самооценки и затраты времени на оплачиваемый труд в возрастных группах самых молодых и «старшего поколения молодых» (в целом до 39 лет), однако вектор согласования у них различен. Для 30–39-летних характерны самые низкие показатели самооценок (4,37 и 6), которым соответствуют также довольно невысокие затраты времени на оплачиваемый труд (чуть выше, чем у пожилых рабочих). Можно предположить, что у 30–39-летних есть желание больше зарабатывать, но имеющиеся возможности не позволяют реализовать его в достаточной мере. А вербальное и реальное поведение рабочих моложе 30 лет даёт основание считать, что аналогичные желания они имеют возможность реализовывать с большим успехом.

Степень согласования (большая или меньшая) между самооценками и реальными практиками, относящаяся к ценностям «уход за детьми и их воспитание» (оценки значимости от 4,16 до 4,53), «домашний труд» (от 4,01 до 4,38), «сельскохозяйственный труд» (от 2,82 до 3,28), т. е. к ценностям видов неоплачиваемого труда, свидетельствует о мере необходимости данной деятельности для рабочих в качестве адаптационного ресурса (см. таблицу 3). Ниже всего самооценки значимости занятий с детьми у молодёжи; дальше с переходом в каждую следующую возрастную категорию важность этой деятельности растёт или не снижается. Самый высокий показатель, характеризующий важность занятий с детьми, снова принадлежит 50-летним и старше: это занятия с внуками. Здесь согласование между объективными и субъективными показателями небольшое, да и теоретически не могло бы таким быть. Пожилые рабочие своими высокими самооценками важности занятий с детьми именно декларируют, каким в принципе должно быть отношение к данной сфере деятельности. На верхней «планке» оценок значимости домашнего труда также самооценки 50-летних рабочих и старших возрастов, только важность для них сельскохозяйственного труда немного «уступила» важности его, выявленной у 40–49-летних рабочих. В целом по неоплачиваемому труду, судя по объективным и субъективным показателям, с повышением возраста востребованность в данных видах деятельности растёт. Кроме того, ранги рассматриваемых видов неоплачиваемого труда указывают на не очень большую дифференциацию между степенью значимости для рабочих оплачиваемого и неоплачиваемого труда, во всяком случае для тех, кто старше 30 лет (см. таблицу 3).

Ниже всего самооценки значимости занятий с детьми у молодёжи; дальше с переходом в каждую следующую возрастную категорию важность этой деятельности растёт или не снижается.

Анализ общей картины формирования трудовой нагрузки приводит к ещё одному важному выводу. Повозрастная адаптация в трудовой сфере повседневной деятельности рабочих демонстрирует сравнительно большую степень социальной ответственности женщин во всех возрастных группах, во-первых, за обеспечение домохозяйства необходимым доходом, во-вторых, за бытовую сферу повседневной деятельности в домохозяйстве, семье. Следствием этого является положение, при котором практически ни один возрастной отрезок жизни работниц (разве что возраст до 29 лет) нельзя назвать периодом, соответствующим некоторой «передышке», облегчению бремени их трудовой нагрузки.

Роль некоторых социальных характеристик (факторов) в образовании общей трудовой нагрузки

Далее попытаемся ответить на вопрос, меняется ли картина формирования общей трудовой нагрузки в разных возрастных группах рабочих в зависимости от их пола, семейного положения, образования, уровня квалификации.

Многолетние исследования бюджета времени городского населения убедительно показали, что главным фактором, влияющим на его структурирование, является пол. Результаты сравнения величины и структуры общей трудовой нагрузки у однородных по семейному положению групп опрошенных, но различающихся по полу, также свидетельствуют о дифференциации этих показателей, связанных, прежде всего, с полом опрошенных (см. таблицу 4). Так, общая трудовая нагрузка у мужчин и женщин моложе 30 лет, состоящих в браке и имеющих детей до 18 лет, равна 76,9 и 84,0 часа в неделю, а в ней оплачиваемый труд, включая виды деятельности, связанные с работой, составляет 67 и 56%. Во вторую очередь корректирует эти показатели возраст. Сравнение поведения молодёжи с поведением рабочих 30–49 лет, имеющих аналогичный семейный статус, обнаруживает влияние фактора возраста. В этих группах общая трудовая нагрузка равна, соответственно, 74,0 и 86,6 часа в неделю, где оплачиваемый труд – 58 и 56%. Семейный статус меньше, чем пол и возраст опрошиваемых, влияет на формирование общей трудовой нагрузки рабочих, а также на степень напряжённости бюджета времени. Вместе с тем, выявленная тесная статистическая связь между возрастом и наличием детей до 18 лет (коэффициент Крамера 0,513^{***}) позволяет считать, что именно фактор детности способен «конкурировать» с фактором возраста и даже пола в своём влиянии на величину и структуру общей трудовой нагрузки.

Повозрастная адаптация в трудовой сфере повседневной деятельности рабочих демонстрирует сравнительно большую степень социальной ответственности женщин во всех возрастных группах, во-первых, за обеспечение домохозяйства необходимым доходом, во-вторых, за бытовую сферу повседневной деятельности в домохозяйстве, семье.

Таблица 4

**Общая трудовая нагрузка рабочих и её структура
в зависимости от пола, возраста и семейного положения,
на опрошенного, в неделю, часы***

Группы	Оплачи- ваемый труд	Деятель- ность, связанная с работой	Бытовая деятель- ность	ОТН**
Затраты времени у мужчин				
<i>Моложе 30 лет</i>				
Женатые с детьми до 18 лет	46,6	5,0	25,3	76,9
Холостые без детей	46,9	6,3	12,2	65,4
<i>30–49 лет</i>				
Женатые с детьми до 18 лет	37,5	5,8	30,7	74,0
Женатые без детей	45,1	7,1	14,2	66,4
Холостые с детьми до 18 лет	48,5	8,4	17,3	74,2
Холостые без детей	40,8	6,1	17,2	64,1
Затраты времени у женщин				
<i>Моложе 30 лет</i>				
Замужние с детьми до 18 лет	41,9	6,2	35,9	84,0
Незамужние без детей	42,6	7,4	16,1	66,1
<i>30–49 лет</i>				
Замужние с детьми до 18 лет	41,9	6,6	38,1	86,6
Замужние без детей	46,0	7,9	22,4	76,3
Незамужние с детьми до 18 лет	33,1	4,6	43,9	81,6
Незамужние без детей	35,0	5,0	25,1	65,1

*Из-за недостаточной наполненности объединены возрастные группы 30–39 лет и 40–49 лет, а также исключены из анализа данные по женатым (замужним) без детей до 18 лет и по холостым (незамужним) с детьми до 18 лет для группы рабочих моложе 30 лет.

**Общая трудовая нагрузка.

Есть ли общее в реальном поведении рабочих, которое явно объясняется принадлежностью к определённой возрастной группе, при сравнении состава общей трудовой нагрузки рабочих с разным семейным статусом отдельно для мужчин и женщин? Например, семейные с детьми, а также холостые без детей мужчины (все в возрасте до 30 лет) имеют почти одинаковое время оплачиваемого труда. И те, и другие ориентированы на «труд для заработка», вторые – в большей степени. Можно было бы утверждать, что похожая закономерность выявлена и у женщин моложе 30 лет в однородных по семейному статусу группах. Однако у семейных работниц этого возраста ориентации на «бытовую деятельность» и «труд для заработка» приближаются к балансу. В группах 30–49-летних женатых мужчин с детьми до 18 лет по сравнению с молодыми (до 29 лет) наблюдается, скорее, баланс «труда для заработка» и «бытовой деятельности». У холостых же 30–49-летних характер ориентации на трудовую деятельность остаётся похожим на тот, что выявлен у неженатых молодых рабочих. Для женщин 30–49 лет из ана-

логичных групп в целом много общего с поведением работниц младше 30 лет соответствующего семейного статуса. Хотя даже у незамужних в составе трудовой деятельности более «усиленным» является неоплачиваемый её компонент.

Отдельно остановимся на отличиях в мотивации оплачиваемой и неоплачиваемой трудовой деятельности а, следовательно, путей адаптации одиноких матерей и отцов, воспитывающих детей до 18 лет. В первом случае речь идёт о сильно выраженной ориентации на «бытовую деятельность», во втором – также о сильно выраженной ориентации, но на «труд для заработка». Однако именно в группе одиноких матерей и отцов с детьми особенно заметно, что фактор семейного статуса приобретает, по крайней мере, «равные права» с фактором возраста. Добавим, что в среде рабочих неполные семьи с детьми с точки зрения величины и структуры общей трудовой нагрузки являются наиболее социально ущемлёнными.

Из анализа следует методический вывод: величина и структура общей трудовой нагрузки рабочих зависит, во-первых, от пола, во-вторых – от возраста. Но только у мужчин, состоящих в браке, имеющих детей до 18 лет, принадлежность к тому или другому возрасту влияет на величину их общей трудовой нагрузки и характер ориентации на «труд для заработка» или «бытовую деятельность». Ориентация на вид трудовой деятельности у работниц от возраста зависит слабо. Исключение составляют неполные семьи с детьми до 18 лет. В этом случае фактор семейного статуса играет, как минимум, такую же роль, как возраст. Наличие в семьях детей до 18 лет значительно увеличивает общую трудовую нагрузку и видоизменяет её структуру.

Какова роль факторов образования и квалификации в формировании общей трудовой нагрузки рабочих?

Во всех возрастных группах мужчин по мере повышения уровня образования увеличивается как время оплачиваемого труда, так и видов деятельности, связанных с работой, в т. ч. передвижений «дом–работа–дом» (см. таблицу 5). Самая высокая продолжительность работы у опрошенных моложе 30 лет с высшим и незаконченным высшим образованием (53,6 часа в неделю), которая к тому же и наибольшая среди всех возрастных групп. Кроме основной работы молодёжь со средним профессиональным, а также с высшим и незаконченным высшим образованием занята на дополнительной работе в каждом случае по 3,1 часа в неделю. Именно наличие профессионального образования (диплома), скорее всего, расширяет их возможности в поиске дополнительной работы. В группе молодых рабочих (до 29 лет) с повышением образования увеличивается не только оплачиваемый труд, но и время общей трудовой нагрузки. В других возрастных группах мужчин в изменениях величины их общей трудовой нагрузки такой чёткой закономерности не наблюдается.

В среде рабочих неполные семьи с детьми с точки зрения величины и структуры общей трудовой нагрузки являются наиболее социально ущемлёнными.

Во всех возрастных группах мужчин по мере повышения уровня образования увеличивается как время оплачиваемого труда, так и видов деятельности, связанных с работой, в т. ч. передвижений «дом–работа–дом».

Таблица 5

**Общая трудовая нагрузка рабочих и её структура
в зависимости от пола, возраста и уровня образования,
на опрошенного, в неделю, часы***

Группы	Оплачи- ваемый труд	Деятель- ность, связанная с работой	Бытовая деятель- ность	ОТН**
Затраты времени у мужчин				
<i>Моложе 30 лет</i>				
Со средним общим образованием**	40,2	4,9	15,2	60,3
Со средним профессиональным образованием	43,0	5,6	17,0	65,6
С высшим и неполным высшим профессиональным образованием	53,6	6,5	13,9	74,0
<i>30–39 лет</i>				
Со средним общим образованием	37,6	7,1	26,4	71,1
Со средним профессиональным образованием	39,3	5,9	28,0	73,2
С высшим и неполным высшим профессиональным образованием	44,1	6,5	21,9	72,5
<i>40–49 лет</i>				
Со средним общим образованием	34,8	7,0	33,8	75,6
Со средним профессиональным образованием	42,3	6,2	19,7	68,2
<i>50 лет и старше</i>				
Со средним общим образованием	28,9	1,8	38,3	69,0
Со средним профессиональным образованием	51,6	8,5	14,6	74,7
Затраты времени у женщин				
<i>Моложе 30 лет</i>				
Со средним общим образованием	42,6	6,8	22,3	71,7
Со средним профессиональным образованием	44,0	8,7	23,5	76,2
С высшим и неполным высшим профессиональным образованием	41,2	6,1	24,2	71,5
<i>30–39 лет</i>				
Со средним общим образованием	40,1	5,8	38,9	84,8
Со средним профессиональным образованием	40,3	7,0	36,0	83,3
С высшим и неполным высшим профессиональным образованием	40,0	5,3	30,0	75,3
<i>40–49 лет</i>				
Со средним общим образованием	43,5	6,9	24,9	75,3
Со средним профессиональным образованием	43,3	6,8	27,5	77,6
С высшим и неполным высшим профессиональным образованием	37,9	6,3	36,6	80,8
<i>50 лет и старше</i>				
Со средним общим образованием	35,0	4,7	39,1	78,8
Со средним профессиональным образованием	39,9	7,4	25,9	73,2

*Исключены из анализа мужчины в возрасте 40–49; 50 лет и старше с высшим и незаконченным высшим образованием и женщины в возрасте 50 лет и старше с высшим и незаконченным высшим из-за недостаточной наполненности группы.

**Общая трудовая нагрузка.

У молодых работниц (до 29 лет) влияние уровня образования на трудовую деятельность выражено слабо. Это видно как по величине общей трудовой нагрузки, так и по неоплачиваемому труду. А в группе работниц с высшим и незаконченным высшим образованием оплачиваемый труд не характеризуется такими большими значениями и вообще его величина ниже, чем у работниц со средним общим образованием. «Волнообразный» характер зависимости величины общей трудовой нагрузки от уровня образования (на который обращалось внимание выше) у работниц 30 лет и старше больше связан с возрастом. Так, у 30–39-летних женщин с ростом уровня образования общая трудовая нагрузка уменьшается вместе с бытовой деятельностью, у 40–49-летних при данных условиях она, наоборот, увеличивается, также вместе с бытовой деятельностью. У женщин 50 лет и старше снова наблюдается тенденция уменьшения объёма бытовой деятельности и общей трудовой нагрузки.

Для анализа влияния квалификационного уровня на трудовую деятельность рабочих были укрупнены возрастные группы, поскольку недостаточная представительность некоторых из них не позволяла использовать эти данные для сравнения. Из трёх возрастных групп мужчин выделяются рабочие моложе 30 лет (см. таблицу 6). Чем выше их квалификационный уровень, тем больше продолжительность оплачиваемого труда (без видов деятельности, связанных с работой) и за счёт этого – общая трудовая нагрузка. Такая закономерность соблюдается и у 30–49-летних мужчин, но только уже в отношении неоплачиваемого труда и общей трудовой нагрузки. При этом время труда для заработка в данной возрастной группе мужчин у высококвалифицированных рабочих на 12,3 часа в неделю меньше, чем у опрошенных до 29 лет с аналогичной квалификацией, тогда как бытовая деятельность продолжительнее на 14,9 часа в неделю.

У женщин с точки зрения зависимости трудовой деятельности от их квалификации всё выглядит довольно хаотично. Ясно одно, что неквалифицированные работницы в возрасте до 29 лет имеют самые высокие показатели оплачиваемого труда среди всех рабочих (48,6 часа в неделю). А 30–49-летние работницы с такой же квалификацией – наибольшие недельные затраты времени (просто огромные), но относящиеся к бытовой деятельности (38,2 часа в неделю). Надо отметить, что и оплачиваемая работа в этой возрастной группе отличается значительными величинами. Основной вклад в количественные характеристики их общей трудовой нагрузки вносят работницы из «старшего поколения молодых», состоящих в браке и имеющих детей до 18 лет, а также незамужние работницы с детьми. Получается так, что в группе 30–49-летних влияние на трудовую нагрузку фактора детности и семейного статуса оказывается сильнее фактора квалификации.

У 30–39-летних женщин с ростом уровня образования общая трудовая нагрузка уменьшается вместе с бытовой деятельностью, у 40–49-летних при данных условиях она, наоборот, увеличивается, у 50-летних и старше снова наблюдается тенденция уменьшения объёма бытовой деятельности и общей трудовой нагрузки.

Таблица 6

**Общая трудовая нагрузка рабочих и её структура
в зависимости от пола, возраста и уровня квалификации,
на опрошенного, в неделю, часы***

Группы	Оплачи- ваемый труд	Деятель- ность, связанная с работой	Бытовая деятель- ность	ОТН**
Затраты времени у мужчин				
<i>Моложе 30 лет</i>				
Неквалифицированные и с низкой квалификацией	43,5	5,2	12,0	60,7
Со средней квалификацией	45,8	5,9	16,3	68,0
Высококвалифицированные	47,7	6,2	17,0	70,9
<i>30–49 лет</i>				
Неквалифицированные и с низкой квалификацией	41,1	8,3	17,0	66,4
Со средней квалификацией	42,4	6,5	22,4	71,3
Высококвалифицированные	35,4	4,9	31,9	72,2
<i>50 лет и старше</i>				
Со средней квалификацией	43,5	8,0	18,1	69,6
Высококвалифицированные	33,8	6,0	30,1	69,9
Затраты времени у женщин				
<i>Моложе 30 лет</i>				
Неквалифицированные и с низкой квалификацией	48,6	8,2	19,9	76,7
Со средней квалификацией и высококвалифицированные	40,9	6,7	22,5	70,1
<i>30–49 лет</i>				
Неквалифицированные и с низкой квалификацией	41,4	7,3	38,2	86,9
Со средней квалификацией	40,0	5,9	32,1	78,0
Высококвалифицированные	42,2	7,2	31,0	80,4
<i>50 лет и старше</i>				
Со средней квалификацией	34,9	6,0	32,0	72,9
Высококвалифицированные	40,4	6,4	30,4	77,2

*Из-за недостаточной наполненности объединены возрастные группы 30–39 и 40–49 лет, а также исключены из анализа данные по низкоквалифицированным рабочим для группы 50 лет и старше. По той же причине приводятся только средние показатели по объединённой группе высококвалифицированных рабочих и имеющих среднюю квалификацию среди женщин моложе 30 лет.

**Общая трудовая нагрузка.

Что касается влияния квалификационного уровня на время трудовой деятельности женщин, то оно обусловлено рядом причин. Оплата труда работников низкой квалификации

или неквалифицированных – невысока. С одной стороны, это обстоятельство в силу материальных соображений вынуждает работниц такого квалификационного статуса иметь оплачиваемую работу сколь возможно большей продолжительности. С другой стороны, те же материальные соображения являются «двигателем» в вопросе увеличения бытовой деятельности, в т. ч. работ на земельном участке. Адаптационным трудовым усилиям такой направленности способствуют ситуации с предложениями рабочих мест, на которых предполагается использование неквалифицированной рабочей силы.

Удовлетворение физиологических потребностей (восстанавливающая деятельность)

Восстановление сил происходит в основном и, прежде всего, в течение времени, расходуемого на удовлетворение физиологических потребностей: сон, питание, уход за собой и некоторые другие виды деятельности (см. таблицу 7).

Таблица 7

Затраты времени рабочих промышленных предприятий в трёх регионах на удовлетворение физиологических потребностей, на опрошенного, в неделю, часы

Группа видов деятельности	Возраст, лет*			
	< 30	30–39	40–49	50–59
Мужчины				
1. Уход за собой	8,3	7,9	7,6	8,2
2. Питание	7,0	7,2	7,6	7,6
3. Сон	52,8	53,1	54,0	53,4
Удовлетворение физиологических потребностей (1+2+3)	68,1/40	68,2/40	69,2/41	69,2/41
Недельный фонд времени	168	168	168	168
Женщины				
1. Уход за собой	9,2	7,6	7,5	8,2
2. Питание	6,9	6,6	8,3	7,3
3. Сон	54,8	53,8	52,3	53,3
Удовлетворение физиологических потребностей (1+2+3)	70,9/42	68,0/40	68,1/40	68,8/41
Недельный фонд времени	168	168	168	168

*Группа рабочих в возрасте 60 лет и старше не включена в анализ из-за недостаточной наполненности.

В практиках использования времени, расходуемого на восстановление, у рабочих разных возрастных групп можно выделить общие черты. Прежде всего, это не очень большие различия в повозрастных показателях суммарного времени, затрачиваемого на удовлетворение физиологиче-

ских потребностей (см. таблицу 7). В недельном фонде на него приходится 40–41% (исключая женщин до 29 лет). Понятно, что основой восстанавливающей деятельности является сон (ночной и дневной), об этом свидетельствуют и объективные данные бюджета времени. Его продолжительность и у мужчин, и у женщин всех возрастов – меньше 8 часов в среднем, в рабочий день может не достигать и 7 часов.

Из двух других групп видов восстанавливающей деятельности выделяется уход за собой. После сна это второй по реальному времени восстанавливающий вид деятельности для всех возрастных групп. Между тем самые молодые рабочие и 30–39-летние демонстрируют самооценки значимости ухода за собой, превышающие даже важность сна (см. таблицу 3).

Если судить по тем же субъективным оценкам о важности питания для рабочих, то оно опережает во всех возрастах два перечисленных выше вида восстанавливающей деятельности. В иерархии ценности видов повседневной деятельности питанию отводится 1–2 место (см. таблицу 3). Но в реальной жизни рабочие могут позволить себе только такие затраты времени на питание, которые говорят о нём как о занятии последней очереди. Но следует помнить, что здесь речь идёт о времязатратах на приём пищи в качестве первичного (основного) вида деятельности, а не одновременно с другим занятием совершаемого вторичного действия. Хотя приём пищи в качестве вторичного занятия встречается в структуре бюджета времени нередко (например, смотрел телепередачу – основное занятие и ужинал – вторичное занятие и т. п.). Это также свидетельствует об «остаточной» степени значимости питания для рабочих.

Судя по показателям времени, важность сна для женщин выше, чем для мужчин, и расход времени на сон в зависимости от возраста у них дифференцирован больше. Наиболее продолжителен он у работниц в возрасте до 29 лет (7,9 часа в среднем в день недели), наименее – у 40–49-летних женщин (7,5 часа). У мужчин наоборот. В первом случае выявлена наименьшая продолжительность сна (7,5 часа), во втором – наибольшая (7,7 часа). При этом субъективные балльные оценки значимости сна у рабочих моложе 30 лет и 40–49-летних – среди двух самых низких (см. таблицу 3). У женщин затраты времени на сон с увеличением возраста снижаются, но по достижении 50-летней границы потребность в нём возрастает. У мужчин зафиксирован более или менее ровный расход времени на сон во всех возрастных группах, кроме группы 40–49-летних.

В зависимости от возраста затраты времени на уход за собой обнаруживают одинаковые тенденции в поведении мужчин и женщин. Очевидна особая важность ухода за собой для самых молодых рабочих (и мужчин, и женщин). С увеличе-

Судя по показателям времени, важность сна для женщин выше, чем для мужчин, и расход времени на сон в зависимости от возраста у них дифференцирован больше.

нием возраста затраты времени на это занятие уменьшаются у обоих полов. Но к 50 годам и старше расход времени на уход за собой почти достигает показателей, зафиксированных у молодых рабочих, что объясняется ростом времязатрат на возникающие медицинские проблемы. Аналогичная тенденция, свидетельствующая о наиболее полной степени согласования объективных и субъективных показателей значимости ухода за собой, наблюдается и по совпадающим самооценкам этой значимости для групп 30-летних, 50-летних и старше (см. таблицу 3).

Питание рабочих требует от 54 минут до 1,2 часа в день недели. Самые скромные суточные затраты времени на питание выявлены у 30–39-летних женщин, имеющих самую значительную общую трудовую нагрузку. Наибольшие также принадлежат женщинам в возрасте 40–49 лет, для этого они готовы пожертвовать частью времени сна. Здесь мы снова сталкиваемся с возрастным (как говорилось выше) изменением линии поведения, когда у работниц такого возраста существенно уменьшается неоплачиваемая бытовая деятельность и общая трудовая нагрузка. В этих условиях они могут позволить себе не спешить при приёме пищи. Повозрастные показатели расхода времени на питание у мужчин в среднем выше, чем у женщин. С повышением возраста мужчин они увеличиваются. Скорее всего, не столько значимость питания растёт, сколько появляющиеся возможности вследствие сокращения времени общей трудовой нагрузки, которые позволяют лучше реализовывать потребность в питании.

Анализ показал, что только в уходе за собой как виде восстановления после трудовых затрат, влияние пола респондента «перекрывается» влиянием его возраста, так как у мужчин и женщин наблюдаются практически одинаковые закономерности с точки зрения зависимости продолжительности ухода за собой от возраста. В остальном в удовлетворении физиологических потребностей рабочих характер зависимости показателей времени от принадлежности к той или другой возрастной группе обусловлен влиянием пола опрошенного, что даёт разнонаправленные тенденции. Это позволяет сделать вывод, что неравенство в величине и структуре трудовой нагрузки рабочих в половозрастном аспекте продолжается и в сфере восстановления израсходованных сил, поскольку не компенсируется временем восстанавливающей деятельности (сна, питания, ухода за собой) соответственным трудовым затратам у мужчин и женщин в разных возрастных группах.

Наряду с занятиями для еженедельного восстановления сил, таким же задачам служит ежегодный оплачиваемый отпуск. Временной ресурс адаптации в сфере восстанавливающей деятельности в условиях ежегодного отпуска выполняет функцию адаптационного резерва и обладает большей эластич-

Самые скромные суточные затраты времени на питание выявлены у 30–39-летних женщин, имеющих самую значительную общую трудовую нагрузку. Наибольшие также принадлежат женщинам в возрасте 40–49 лет, для этого они готовы пожертвовать частью времени сна.

Временной ресурс адаптации в сфере восстанавливающей деятельности в условиях ежегодного отпуска выполняет функцию адаптационного резерва и обладает большей эластичностью, чем восстанавливающая деятельность в межотпускной период.

ностью, чем восстанавливающая деятельность в межотпускной период. Именно этот аспект восстановления зачастую остаётся за границами анализа, что подвинуло нас на более подробное рассмотрение «отпускной» восстанавливающей деятельности.

Высокую степень востребованности увеличения семейного финансирования ежегодного отпуска выявил анализ статей расходов денежных средств при условии значительного увеличения дохода (в 2–3 раза). С помощью индексов по пятибалльной шкале («Определённо да» – 5; «Скорее да» – 4; «Может быть да, может быть нет» – 3; «Скорее нет» – 2; «Определённо нет» – 1) определялась очерёдность увеличения статей расходов на жизнь. Первое и второе место делят «Покупка жилья (квартиры, дома, дачи)» и «Проведение отпуска» (индекс 4,18). Мода и медиана – 5,0. Причём для рабочих, относящих себя к «людям со средними доходами», ценность отпуска ещё выше (индекс 4,25), хотя и для считающих себя «бедными» желание увеличить расходы на проведение отпуска потенциально сильно (индекс 4,09), для них эта статья расходов если не первой очереди, то второй или третьей. Распределение по возрасту (индексы от 4,31 для рабочих моложе 30 лет до 3,88 для рабочих 50 лет и старше) показывает, что увеличение бюджета для проведения отпуска актуализировано для самых молодых рабочих и «молодых старшего поколения» в более высокой степени, чем для 40–49-летних и пожилых.

На период опроса на предприятиях Пскова, Владимира, Омска, а также Брянска и Кирова (где не изучался бюджет времени) 13% рабочих за последние 12 месяцев не использовали свой очередной оплачиваемый отпуск. Среди использовавших его в большей степени представлены бездетные рабочие, состоящие в браке (29%), и несемейные без детей (30%, практически все опрошенные этой категории). Зависимость между наличием у рабочих несовершеннолетних детей и использованием ими отпуска не обнаружена, в то время как семейное положение влияет на его использование (коэффициент Крамера – 0,157***).

Две трети «не отгулявших» очередной отпуск рабочих указали: «Не ощущаем недостатка в денежных средствах для приобретения вещей длительного пользования, но покупка таких вещей как, например, машина, квартира нам недоступна» и «В настоящее время мы можем ни в чём себе не отказывать». Чем выше самооценка уровня материального достатка, тем больше доля рабочих, не использовавших очередной отпуск.

Выявлено, что на использование или неиспользование отпуска рабочими влияет их самооценка состояния здоровья. Связь не тесная, но статистически значимая (коэффициент Крамера – 0,113*). Среди рабочих, оценивших своё здоро-

вье как плохое, доля «отгулявших» отпуск, составила 96%, а в числе считающих своё здоровье отличным – 77%. Рабочие, отнёсшие себя к «бедным», тем реже используют отпуск, чем выше их самооценки здоровья (см. таблицу 8).

Таблица 8

**Использование оплачиваемого отпуска рабочими
в зависимости от возраста, % от числа ответивших,
респондент мог назвать несколько занятий**

Группа видов занятий	Возраст, лет				Все в среднем
	< 30	30–39	40–49	50 >	
Ремонт и другие дела дома	31	35	38	32	36
Поездка к родственникам в деревню, другой город	38	34	33	26	33
Работа на земельном участке	17	23	33	44	29
Занятия с детьми	16	43	22	17	26
Ничего не делали, отдыхали	29	17	18	20	20
Работа для дополнительного заработка	17	17	17	6	13
Лечение	6	7	11	19	10
Поездка за границу	12	14	6	3	9
Поездка в санаторий, дом отдыха	4	6	9	12	8

Структура видов занятий, совершившихся в течение оплачиваемого отпуска, показывает, что подавляющее большинство рабочих (91%) уделили отпускное время домашнему труду, другой бытовой деятельности, в т. ч. занятиям с детьми, а 13% даже работали для дополнительного заработка. Собственно «отпускным» видам деятельности («поездка в санаторий, дом отдыха», «поездка за границу») посвятили свой отпуск лишь 17% ответивших. Довольно много и тех, кто ездил в свой отпуск «к родственникам в деревню, другой город» (33%), а также тех, кто никуда не ездил, «ничего не делал, отдыхал» (20%).

Хотя возраст и внёс в эту общую для всех рабочих структуру некоторые коррективы, она в целом отражает характер использования отпуска рабочими 30 лет и старше (см. таблицу 8). Надо сказать, что и рабочие в возрасте до 29 лет имеют довольно внушительную трудовую составляющую среди видов «отпускных» занятий, только доли ответивших, имевших трудовую деятельность в период отпуска, меньше, чем у рабочих более старшего возраста. Особенно выделяется «работа для дополнительного заработка»: в трёх возрастных группах абсолютно одинаковые доли ответивших (17%). Даже среди 50-летних рабочих и старше 6% имели в период отпуска дополнительную работу для заработка. У молодых (до 29 лет) самым распространённым видом «отпускного» отдыха ока-

Подавляющее большинство рабочих (91%) уделили отпускное время домашнему труду, другой бытовой деятельности, в т. ч. занятиям с детьми, а 13% даже работали для дополнительного заработка. Собственно «отпускным» видам деятельности («поездка в санаторий, дом отдыха», «поездка за границу») посвятили свой отпуск лишь 17% ответивших.

залась «поездка к родственникам в деревню, другой город» (38%), но 12% из них позволили себе и заграничную поездку. Больше всего молодёжи выявлено в числе тех, кто «ничего не делал, отдыхал» (29%). Такой отдых нередко представляет собой «антиотдых».

С одной стороны, малообеспеченные рабочие используют ежегодный отпуск чаще, чем рабочие «со средним достатком». С другой стороны, для «бедных» в большей степени, чем для людей «со средним достатком», ежегодный оплачиваемый отпуск служит не пространством для восстанавливающей деятельности, а является дополнительной возможностью для увеличения годовой величины времени своей общей трудовой нагрузки.

Фактор здоровья так же, как и материальное положение, влияет на большую или меньшую степень значимости отдельных практик проведения отпуска в зависимости от самооценок состояния здоровья. В то же время у рабочих, имеющих «плохое и очень плохое» здоровье по сравнению с теми, кто оценивает его как «хорошее и отличное», проведение отпуска носит более «трудовой» характер.

Удовлетворённость рабочих проведением отпуска и желаемые практики его использования нами рассматриваются в качестве показателей результата социальной адаптации.

Расчёт удовлетворённости проведён по пятибалльной шкале. «Совершенно не удовлетворён» – 1; «Скорее не удовлетворён, чем удовлетворён» – 2; «Частично удовлетворён, частично нет» – 3; «Скорее удовлетворён, чем нет» – 4; «Полностью удовлетворён» – 5. Средний индекс удовлетворённости составил 3,25, т. е. удовлетворённость рабочих проведением отпуска в целом невысокая. Самая низкая удовлетворённость использованием отпуска у «старшего поколения молодых» (3,14), среди них преобладают, как говорилось выше, семейные рабочие с детьми до 18 лет, незамужние с детьми. В остальных возрастных группах данный индекс колеблется между 3,29–3,30 («50-летние и старше» и «самые молодые») и 3,32 (40–49-летние). У рабочих, считающих себя «бедными», очень низкая удовлетворённость (2,83) по сравнению с теми, кто отнёс себя к «людям со средним достатком» (3,52).

Желаемые практики проведения отпуска свидетельствуют о довольно высоком уровне нереализуемых притязаний рабочих в отношении проведения отпуска (см. таблицу 9). Вывод касается прежде всего таких видов занятий, как «поездка за границу» и «поездка в санаторий, дом отдыха». При этом значимость «поездок за границу» выше для людей «со средними доходами», а важность «поездок в санаторий, дом отдыха» – для «бедных». Чем старше рабочие, тем меньше потребность в проведении отпуска за границей, но больше

желание отдохнуть в санатории, доме отдыха. «Поездка к родственникам в деревню, другой город» – третий по значимости вид желаемого отпускного времяпрепровождения, он отличается почти одинаковой степенью востребованности у рабочих всех возрастов. Общим для всех возрастных групп желанием является уменьшение в отпускной период необходимости в работе для дополнительного заработка (в одинаковой степени и вне зависимости от уровня материального положения).

Таблица 9

Желаемое рабочими использование своего оплачиваемого отпуска в зависимости от возраста, % от числа ответивших, респондент мог назвать несколько занятий

Группа видов занятий	Возраст, лет				Все в среднем
	< 30	30–39	40–49	50 >	
Поездка за границу	72	71	58	43	62
Поездка в санаторий, дом отдыха	30	42	54	54	44
Поездка к родственникам в деревню, другой город	20	19	22	18	20
Занятия с детьми	8	19	12	6	12
Ничего не делали бы, отдыхали	19	13	9	9	12
Работа на земельном участке	4	4	11	14	8
Ремонт и другие дела дома	7	7	5	5	6
Лечение	4	4	7	8	6
Работа для дополнительного заработка	3	2	2	1	2

Время саморазвития в зависимости от степени его востребованности рабочими разного возраста

Остановимся на половозрастных различиях в величине свободного времени и оценках степени его достаточности у разных поколений рабочих. При сравнении объема свободного времени у мужчин и женщин одинакового возраста величина его у работниц всегда значительно меньше во всех возрастных группах (см. таблицу 2).

Вместе с тем характер динамики данного показателя по мере перехода опрашиваемых из одной возрастной группы в другую (старшую) абсолютно повторяет закономерность, наблюдаемую у мужчин (редкий случай совпадения). Этот факт, однако, не снимает вопроса о неравенстве в величине времяресурса для саморазвития у рабочих разного пола, возраста, семейного положения (см. таблицу 10).

Таблица 10

Степень неравенства в величине свободного времени, которым располагают рабочие в зависимости от пола, возраста и семейного положения, на опрошенного, в неделю, часы

Наибольшая величина свободного времени	У мужчин в возрасте 30–49 лет, холостые без детей до 18 лет	38,9
	У мужчин в возрасте до 29 лет, холостые без детей до 18 лет	35,0
Наименьшая величина свободного времени	У женщин в возрасте до 29 лет, замужних с детьми до 18 лет	15,6
	У женщин в возрасте 30–49 лет, незамужних с детьми до 18 лет	17,2
	У женщин в возрасте 30–49 лет, замужних с детьми до 18 лет	17,5
Средняя величина свободного времени у рабочих моложе 50 лет	У мужчин	29,8
	У женщин	21,8

Из данных [таблицы 10](#) видно, что к наиболее социально ущемлённым в обладании ресурсом такого назначения относятся самые молодые замужние женщины с детьми до 18 лет, 30–49-летние замужние с детьми и одинокие матери. В этом контексте представляют интерес данные, иллюстрирующие отношение рабочих к объёму свободного времени, которым они располагают. Несмотря на разницу в величине (по полу – значительную) во всех возрастных группах примерно каждый второй ответил, что она «отчасти достаточная, отчасти нет». Субъективно недостаточность свободного времени в самой высокой степени испытывают 30–39-летние рабочие (у 40% «величина свободного времени недостаточная»), это соответствует и реальному положению. Рабочих предпенсионных и пенсионных возрастов в наибольшей мере устраивает объём их свободного времени. Симптоматично, что даже среди рабочих младше 30, реально обладающих самым значительным времяресурсом для саморазвития, только 21% считают величину свободного времени достаточной.

Далее рассмотрим, для каких целей используется рабочими свободное время, присутствует ли половозрастная дифференциация в их поведении и каков её характер.

Учёба, самообразование; посещение учреждений культуры и отдыха; любительские занятия; занятия физкультурой и спортом; чтение; общественная и религиозная деятельность как группы видов деятельности, содержащие развивающий компонент, имеют в зависимости от возраста разные временные характеристики. Самая значительная доля свободного времени, направляемая на данные группы занятий (37%), выявлена у молодых рабочих (мужчин до 29 лет), которые имеют реально наибольшие «временные» возмож-

Субъективно недостаточность свободного времени в самой высокой степени испытывают 30–39-летние рабочие (у 40% «величина свободного времени недостаточная»), это соответствует и реальному положению.

ности и при этом субъективно испытывают их дефицит. Женщины того же возраста при существенно меньшей величине свободного времени и большем его дефиците расходуют на те же группы занятий 16% его объёма. Можно заметить, что от младших к старшим возрастным группам сначала сокращается разрыв между мужчинами и женщинами в этих показателях, а затем в самых старших возрастах женщины даже опережают мужчин: у 30–39-летних рабочих – 26 и 24%; у 40–49-летних – 20 и 23%; у 50–59-летних – 15 и 25% соответственно. Выравнивание по мере увеличения возраста долевых показателей по группе перечисленных видов деятельности по полу, однако, не соответствует лучшему (с точки зрения величины и структуры их затрат времени) проведению свободного времени в старших возрастных группах по сравнению с рабочими моложе 30 лет (см. таблицу 11). Исключением является единственный вид деятельности – чтение, в котором молодые рабочие «проигрывают» рабочим старших поколений.

На самом деле и у молодых наблюдается не особенно радужная картина, хотя в этой возрастной группе у мужчин самые высокие затраты времени на любительские занятия, учёбу и самообразование, физкультуру и спорт. Затраты времени на любительские занятия были зафиксированы почти у двух третей опрошенных мужчин до 29 лет, но в половине случаев они относятся к компьютерным играм, в другой половине – к «шоппингу», занятиям с домашними животными, музыкой, пением и некоторым другим видам деятельности. Хуже обстоит дело с долей участников в занятиях учёбой, самообразованием, физкультурой и спортом, среди молодых мужчин их выявлено всего 18 и 10%. Затраты времени на посещение учреждений культуры и отдыха также имели 18% мужчин этого возраста.

Не лучше картина использования свободного времени (имея в виду вышеперечисленные группы видов деятельности) и у работниц младше 30 лет. Молодые работницы при величине свободного времени, меньшей по сравнению с молодыми мужчинами на 8,4 часа в неделю (хотя и наибольшей среди женщин всех возрастов), по существу пренебрегали учёбой и самообразованием (5% участвовавших), физическим развитием (4%). Они совсем не посещали учреждений культуры и отдыха (речь идёт о полном отсутствии числа случаев в течение трёх сезонов года), не участвовали в общественной и религиозной деятельности. Около 30% работниц до 29 лет участвовали (имели затраты времени) в любительских видах деятельности: шитье, вязании, коллекционировании, занятиях с домашними животными, «шоппинге», играх.

Таблица 11

**Величина и структура свободного времени рабочих
в зависимости от пола и возраста, на опрошенного, в неделю, часы**

Группа видов деятельности	Затраты времени мужчин				Затраты времени женщин			
	Возраст, лет							
	До 30	30-39	40-49	50-59	До 30	30-39	40-49	50-59
1. Учёба, самообразование	1,9	1,1	0,7	0,1	0,3	0,3	0,2	0,1
2. Общественная и религиозная деятельность	0,1	0,1	0,1	0,1	-	0,6	0,7	0,6
3. Посещение учреждений культуры и отдыха	2,8	0,7	2,0	0,8	-	0,3	0,3	0,2
4. Общение, в т. ч.	6,3	6,9	7,0	7,9	8,9	4,2	5,1	6,6
- общение по телефону, sms	1,2	0,8	1,1	1,0	1,4	1,3	1,6	1,6
5. Занятия физкультурой и спортом	0,5	0,1	0,1	0*	0,3	0*	0,1	0,6
6. Отдых на открытом воздухе	2,5	1,3	2,7	4,0	0,9	1,2	0,4	0,7
7. Любительские занятия, в т. ч.	6,5	4,5	2,0	2,0	2,8	2,4	2,0	2,7
- компьютерные игры on-line	3,3	1,4	0,1	1,0	0,3	0,4	0,1	0,1
8. Просмотр телепередач и видео	2,7	6,0	5,5	8,1	3,5	5,6	7,8	6,4
9. Чтение	0,4	0,6	1,0	1,4	0,5	1,0	1,8	1,7
10. Прослушивание радио и аудиозаписей	0,2	0,1	0,1	0,4	0,5	0,1	0,2	0,2
11. Пользование интернетом – всего, в т. ч.	6,5	4,3	5,6	2,4	5,8	2,2	2,1	2,5
- для общения on-line (переписка, беседы по skype и т. п., в социальных сетях)	3,6	1,3	1,8	1,3	3,6	0,9	1,0	1,6
- для просмотра фильмов и других передач, прослушивания музыки	2,8	2,9	3,3	1,1	2,1	1,0	1,1	0,9
- без указания цели	0,1	0,2	0,5	-	0,1	0,3	0*	0,1
12. Бездеятельный отдых (лежал, думал, мечтал и т. п.)	2,3	1,6	2,4	2,8	0,9	1,1	1,5	1,4
Свободное время – всего	32,7	27,4	29,2	30,0	24,3	19,0	22,2	23,7

*Затраты времени менее 0,05 часа.

Структуры наиболее и наименее времязёмких занятий в зависимости от пола и возраста позволяют оценить ориентации в проведении свободного времени молодыми рабочими и представителями других возрастных групп (см. таблицу 12).

Таблица 12

Структуры наиболее и наименее вре́мяёмких занятий рабочих в свободное время в зависимости от половозрастных характеристик

Возраст, лет	Мужчины	Женщины
Наиболее вре́мяёмкие занятия (в порядке убывающих затрат времени)		
До 29	Интернет, общение, любительские занятия	Общение, интернет, ТВ и видео
30–39	Общение, ТВ и видео, интернет, любительские занятия,	ТВ и видео, общение, любительские занятия, интернет
40–49	Общение, интернет, ТВ и видео, отдых на открытом воздухе	ТВ и видео, общение, интернет, любительские занятия
50–59	Общение, ТВ и видео, отдых на открытом воздухе, интернет	Общение, ТВ и видео, любительские занятия, интернет
Наименее вре́мяёмкие занятия (в порядке возрастающих затрат времени)		
До 29	Общественная и религиозная деятельность, прослушивание радио и аудиозаписей, чтение	Общественная и религиозная деятельность, посещение учреждений культуры и отдыха, учёба, самообразование, занятия физкультурой и спортом
30–39	Общественная и религиозная деятельность, занятия физкультурой и спортом, прослушивание радио и аудиозаписей	Занятия физкультурой и спортом, прослушивание радио и аудиозаписей, учёба, самообразование, посещение учреждений культуры и отдыха
40–49	Общественная и религиозная деятельность, занятия физкультурой и спортом, прослушивание радио и аудиозаписей	Учёба, самообразование, прослушивание радио и аудиозаписей, занятия физкультурой и спортом
50–59	Занятия физкультурой и спортом, учёба, самообразование, общественная и религиозная деятельность	Учёба, самообразование, посещение учреждений культуры и отдыха, прослушивание радио и аудиозаписей

Примечание. В составе «общественной и религиозной деятельности» сосредоточены в основном виды занятий именно религиозной направленности. Любительские занятия учитываются без компьютерных игр on-line.

На все виды занятий в интернете (включая компьютерные игры on-line, тяготеющие к интернету, которые в [таблице 11](#) входят в состав любительских видов деятельности) у мужчин до 29 лет приходится 30% их свободного времени. В самом же составе интернет-занятий общению on-line (переписка, беседы по skype и т. п., в социальных сетях) посвящается 37%, а просмотру фильмов и других передач, прослушиванию музыки – 29% от общей величины затрат времени на интернет. В первом приближении очевидной является ведущая ориентация молодых мужчин моложе 30 на интернет-занятия в использовании свободного времени. Но фактическое содержание этой их деятель-

ности по большей части – общение. У мужчин этого возраста сочетание интернет-общения с другими видами общения, которые оказались также в тройке самых вре́мяёмких видов деятельности (см. таблицу 12), позволяет трактовать их ориентацию в проведении свободного времени шире, чем просто ориентацию на интернет-деятельность: как ориентацию «на общение в разных видах». Надо сказать, что она абсолютно согласуется с субъективным показателем значимости общения для рабочей молодёжи. Этот вид деятельности занимает первое место и имеет самую высокую балльную самооценку (см. таблицу 3).

Ориентация на «любительские занятия (без компьютерных игр)», «посещение учреждений культуры и отдыха (суммарно на то и другое приходится 18% свободного времени у мужчин до 29 лет)» – второе приоритетное направление. Но надо учитывать, что в «посещения учреждений культуры и отдыха» включены также посещения кафе, ресторанов, клубов и т. п., которые предполагают в течение такого вре́мяпрепровождения определённые виды общения. И, наконец, третье направление ориентации молодых мужчин в сфере свободного времени – «просмотр телепередач, видео» и примыкающий к нему «просмотр фильмов и других передач, прослушивание музыки» в интернете, выполняющем в этом случае роль телеэкрана (17% их свободного времени). Все остальные немаловажные занятия молодых мужчин находятся на периферии интересов саморазвития.

В составах наиболее вре́мяёмких занятий в свободное время у рабочих (мужчин) в других возрастных группах больше сходства, чем различий, но и от состава, выявленного у рабочих в возрасте до 29 лет, также отличий немного. Примечательно, что во всех возрастах (у мужчин), включая и молодёжь, при разном объёме свободного времени доля в нём суммарных вре́мязатрат на общение составляет 30–31%.

Для мужчин всех возрастных групп старше 29 лет доминирующей в проведении свободного времени также является ориентация на «общение в разных видах». В чём здесь отличие их поведения от поведения рабочей молодёжи? В «общении» рабочих 30 лет и старше упор делается не на интернет-общение, а на другие виды общения при проведении свободного времени (предполагающие общение «лицом к лицу»). В частности, в немалой степени на «приём и посещение гостей с угощением и без него». Вторая по значимости во всех группах рабочих 30 лет и старше – «ТВ-ориентация», хотя правильнее было бы и её присовокупить к доминирующей ориентации, т. к. её долевые значения совпадают со значениями, относящимися к общению. Третьим направлением для «старшего поколения молодых» (30–39-летних) является ориентация на

Ориентация на «любительские занятия (без компьютерных игр)», «посещение учреждений культуры и отдыха (суммарно на то и другое приходится 18% свободного времени у мужчин до 29 лет)» – второе приоритетное направление.

«любительские занятия» (это сближает рабочих данной группы с самыми молодыми мужчинами), а для тех, кто старше 39 – ориентация на «отдых на открытом воздухе».

У молодых работниц (до 29 лет) главное направление их предпочтений – ориентация на «общение в разных видах», т. е. такая же, как у их ровесников-мужчин. Интернет-занятия поглощают 25% их свободного времени, т. е. меньше, чем у мужчин того же возраста. Между тем в их суммарных интернет-затратах времени общению on-line (переписка, беседы по skype и т. п., в социальных сетях) посвящается гораздо больше времени (59%), чем выявлено у мужчин. На долю других видов общения приходится ещё 37% свободного времени (у мужчин – 19%). Второе направление – ориентация на «просмотр телепередач, видео» и «просмотр фильмов и других передач, прослушивания музыки в интернете» (23% их свободного времени). И третье направление – ориентация молодых работниц на «любительские занятия» (10%).

У женщин старше 29 лет во всех возрастных группах состав наиболее времяёмких видов деятельности идентичен. Он также похож на характер предпочтений у мужчин этих возрастов, который был продемонстрирован выше (см. таблицу 12). Ведущим направлением является ориентация на «общение в разных видах», его доля в свободном времени – 27, 27, 35% свободного времени. «ТВ-ориентация» так же, как у мужчин старше 29 лет, – вторая по значимости (35, 40, 31%), а ориентация на «любительские занятия» – третья по важности.

Таким образом, объём свободного времени у рабочих (несмотря на разницу в различных возрастных группах) преимущественно стремится к тому, чтобы доля занятий, объединяемых в группу «общение», не уменьшалась, а если возможно, то и увеличивалась.

Отдельно следует рассмотреть две группы видов деятельности в свободном времени женщин, отнесённые в таблице 12 к наименее времяёмким видам занятий: «чтению» и «общественной и религиозной деятельности». Их, конечно, трудно причислить к четвёртому направлению ориентации, но в этих важных видах деятельности женщины старше 29 лет по своей активности опережают мужчин, их ровесников. Особенно это касается чтения. В сфере читательских интересов женщин доля газет небольшая, они чаще читают книги.

Во второй группе занятий в основном сосредоточена религиозная деятельность. Самооценки её значимости у рабочих разных возрастов самые низкие среди всех оценок видов деятельности, приведённых в таблице 3, и соответствуют небольшим затратам времени рабочих (см. таблицу 11) на занятия религиозной направленности. Однако данные времязатраты именно у женщин старше 29 лет превышают их

Объём свободного времени у рабочих (несмотря на разницу в различных возрастных группах) преимущественно стремится к тому, чтобы доля занятий, объединяемых в группу «общение», не уменьшалась, а если возможно, то и увеличивалась.

продолжительность на учёбу и самообразование, посещение учреждений культуры и отдыха, занятия физкультурой и спортом. Внимание к религиозной деятельности как важной сфере повседневной жизни в последние годы возрастает, особенно в свете усиления внешних угроз национальной безопасности государства. Мы разделяем озабоченность тех исследователей, которые в направленности духовной ориентации населения видят серьёзный фактор, влияющий на состояние национальной безопасности страны [Шнуренко 2015].

Результаты анализа дают основание для вывода о том, что использование свободного времени у рабочей молодёжи в чём-то лучше, а в чём-то хуже, чем у старших поколений рабочих. «Саморазвивающий» характер занятий во всех возрастных группах выражен слабо. Доминирующая ориентация на общение обеспечивает выполнение такой функции в весьма небольшом сегменте. Телевидение также слабо выполняет саморазвивающую функцию, учитывая, что в подавляющем большинстве случаев основной интерес у рабочих вызывают передачи из разряда «телешоу»: «Пусть говорят», «Прямой эфир» и т. п. Практически не было зафиксировано бюджетов времени, где в структуре времязатрат на реально просмотренные телепередачи опрошенные называли бы программы информационно-политического характера (исключая «новостные»), которые по существу тоже можно отнести к разряду «шоу». Но утверждать на основе данного факта, что у рабочих слаб интерес к информационно-политическим передачам, видимо, будет неправильно. У рабочих есть возможность познакомиться с такого рода информацией в интернете, о «знаковой» роли которого во времяпрепровождении в рамках свободного времени было сказано выше.

Нравственные нормы как основа, обуславливающая реальное поведение рабочих в повседневной деятельности

Коллектив сектора изучения повседневной деятельности и бюджета времени ИС РАН исследует характер восприятия городским населением нравственных качеств (как нормы или отступления от нормы) с 1990-х гг. Мы рассматриваем отношение разных групп населения к нравственным качествам и реальное поведение в сферах повседневной деятельности во взаимосвязи, так как считаем, что в изучении реального поведения нельзя не учитывать влияния на него субъективной нравственной позиции как весьма важного фактора.

Ниже приводятся доли рабочих во всех возрастных группах, воспринимающих перечисленные нравственные качества как нормы (см. таблицу 13).

Таблица 13

Восприятие рабочими нравственных качеств как нормы их иерархия в зависимости от возраста, 2014 г., % от числа ответивших

Нравственная характеристика	Возраст, лет			
	< 30	30–39	40–49	50 >
1. Жить своим трудом	74	86	88	92
2. Превыше всего – личные интересы	30	22	26	16
3. Праздность	35	24	29	17
4. Стремление к нестяжанию материальных благ	52	45	39	39
5. Потребность делиться с нуждающимся	68	71	77	83
6. Влечение к деньгам и вещам, зависимость от них	28	29	20	15
7. Чувство долга (чувство обязанности выполнять возложенное, данное обещание, «помнить добро»)	90	93	95	93
8. Скромность	73	76	82	88
9. Гордость	50	44	37	37
10. Иметь внебрачные связи	19	16	16	11
11. Тщеславие	17	15	19	16
12. Жизнерадостность, оптимизм	90	92	89	90
13. Верность, честность	87	90	90	95
14. Совестьливость	86	88	84	91
15. Отзывчивость, стремление заступиться за обиженного	85	85	91	92
16. Терпение	82	81	82	86
17. Верность семье, детям	79	84	86	91
18. Честолюбие	70	62	63	60
19. Бескорыстие	69	70	76	79
20. Мягкосердечие	64	62	71	68
21. Чревоугодие	22	23	20	13
22. Сквернословие	20	17	19	14
23. Уныние	19	18	18	12

Примечание. Нравственные качества расположены в порядке: от качеств, характеризующихся самой высокой теснотой связи между оценкой и возрастом, до качеств, характеризующихся отсутствием статистически значимой связи.

Первые три позиции в иерархии нравственных качеств (см. таблицу 13) отличаются самой тесной связью между степенью оценки их как нормы и возрастом рабочих. Коэффициенты Крамера – от 0,121** («Праздность») до 0,139*** («Жить своим трудом»). Рабочая молодёжь до 30 лет, конечно, выделяется по сравнению с теми, кому больше 29 лет, либо самыми высокими, либо самыми низкими оценками в зависимости от содержания нравственного качества («Праздность» – 35%; «Превыше всего – личные интересы» – 30%; «Жить своим трудом» – 74%). Однако «отрыв» от более старшего поколения

незначительный, подавляющее же большинство из «молодых», по сути, солидаризируются со «старшими» в восприятии этих трёх нравственных качеств как нормы.

Данный вывод можно распространить и на следующие 8 позиций в иерархии нравственных качеств (с 4 по 11), характеризующиеся относительно слабой теснотой связи оценок рабочих с принадлежностью к возрастной группе. Коэффициент Крамера – от 0,099 («Тщеславие») до 0,114* («Стремление к нестяжанию материальных благ»). Особый интерес вызывает отношение рабочей молодёжи до 29 лет к качеству «Стремление к нестяжанию материальных благ» как норме, её одобрили 52% – самая большая доля среди возрастных групп. Оценка молодых не очень далека и от среднего показателя согласившихся с данной нормой рабочих (68%) по всем пяти областным центрам, в которых проводился опрос. Такая позиция молодых рабочих в какой-то мере объясняет их невысокий уровень притязаний по отношению к величине душевого дохода, достаточного для жизни, о котором говорилось выше в разделе о социальных характеристиках рабочих разного возраста. Примерно в этом же контексте (в содержательном смысле) находится качество «Влечение к деньгам и вещам, зависимость от них». Около 70% самых молодых рабочих и «старшего поколения молодых» (до 39 лет) не относят означенное качество к норме (в среднем по пяти городам среди всех рабочих – 67%). В этой же связке – «потребность делиться с нуждающимся». Не видит в этом нормы только каждый третий из числа молодёжи до 29 лет (для сравнения: у 50-летних и старше таких 17%). Таким образом, при наличии связи (хотя и слабой) с возрастом мы имеем также в значительной степени картину единодушия во всех возрастных группах в восприятии нравственных качеств во фрагменте их иерархии с 4 по 11 позиции, как это было отмечено выше для качеств с высокой теснотой статистической связи.

В третьей группе нравственных качеств (с 12 по 23 позиции) содержатся те, по которым статистически значимая связь оценок с возрастом отсутствует (см. таблицу 13). Этот факт позволяет применить к ним определение «традиционные нравственные нормы». Часть из них (с 12 по 20 позиции расположены среди рабочих до 29 лет по убыванию долей тех, кто видит в них норму) относятся к качествам с высокой степенью поддержки как нормы всеми возрастными группами. Особенно этим отличаются первые пять качеств: «жизнерадостность, оптимизм», «верность, честность», «совестливость», «отзывчивость, стремление заступиться за обиженного», «терпение».

Позиции с 21 по 23, наоборот, вызывают отрицательное отношение у рабочих с очень низкой степенью одобрения (также по убыванию значимости): «чревоугодие», «сквернословие», «уныние».

Анализ показал (хотя этот вопрос, конечно, требует более углублённого рассмотрения), что нравственные ориентиры рабочих разных возрастов имеют в основном общий вектор. Вышеописанные вербальные показатели, характеризующие нормы нравственных качеств в восприятии рабочих, со всей очевидностью указывают на преемственность в среде самых молодых нравственных установок рабочих старших поколений. Этим в определённой мере обуславливаются некоторые общие черты в поведении рабочих разных возрастов, наблюдаемые в их выборе стратегий структурирования фонда времени. Однако независимо от возраста может наблюдаться и рассогласование между нравственными установками и реальным поведением. Не в последнюю очередь это связано со спецификой условий повседневной жизни у различных социальных групп рабочих.

Общие выводы

В повседневной деятельности рабочих в показателях времени выявлены как общие черты, присущие структурированию времени рабочими разных поколений, родившихся и социализировавшихся в советской и постсоветской России, так и особенности в их реальном поведении. Общее для всех возрастных групп присутствует и в социальных характеристиках рабочих.

Среди рабочей молодёжи наблюдается самая высокая доля лиц с высшим и неоконченным высшим образованием, но при этом их квалификационный статус ниже, чем у рабочих других возрастов. Анализ семейного положения, уровня материального достатка, квалификации показал, что наиболее социально уязвимыми являются самые молодые рабочие и «старшее поколение молодых» (до 39 лет), имеющие семью и детей до 18 лет, низкий квалификационный уровень, относящие себя к «бедным людям». Уровень материальных притязаний рабочих во всех возрастных группах совсем невысокий и слабо различается. Выводы, сделанные по результатам анализа влияния пола, возраста, семейного статуса, образования и квалификации рабочих разных возрастов на их общую трудовую нагрузку требуют внимания и учёта в социальной политике и практике в соответствии с характером дифференциаций в стратегиях поведения.

Неравенство рабочих разных поколений не только в отношении материального, но и временного ресурсов проецируется на адаптационные практики рабочих. А свободное время нами рассматривается вообще в качестве одного из стратегических ресурсов с точки зрения национальной безопасности страны. Наиболее социально ущемлёнными в обладании ресурсом для восстановления и саморазвития являются самые молодые

Нравственные ориентиры рабочих разных возрастов имеют в основном общий вектор. Вербальные показатели, характеризующие нормы нравственных качеств в восприятии рабочих, указывают на преемственность в среде молодых нравственных установок старших поколений.

Среди рабочей молодёжи наблюдается самая высокая доля лиц с высшим и неоконченным высшим образованием, но при этом их квалификационный статус ниже, чем у рабочих других возрастов.

Неравенство рабочих разных поколений не только в отношении материального, но и временного ресурсов проецируется на адаптационные практики рабочих. А свободное время нами рассматривается вообще в качестве одного из стратегических ресурсов с точки зрения национальной безопасности страны.

замужние женщины с детьми до 18 лет, 30–49-летние замужние с детьми и одинокие матери. Вместе с тем, «саморазвивающая» линия поведения в реализации свободного времени во всех возрастных группах выражена слабо. Необходимо помнить, что адаптационные практики структурирования фонда времени могут становиться сдерживающим фактором в вопросе «сбережения» различных социальных и профессиональных групп населения, а в нашем исследовании – рабочих, составляющих треть занятого населения страны.

Сравнение поведения рабочих разных поколений в сферах труда, восстановления и развития их потенциала, а также их нравственных ориентиров показало, что рабочие как социальная группа населения страны, по нашему мнению, во многом являются своего рода «хранителями» традиционных ценностей, в т. ч. нравственных.

Библиографический список

Бюджет времени и перемены в жизнедеятельности городских жителей в 1965–1998 годах / Отв. ред. Т. М. Караханова. М.: Институт социологии РАН, 2001. 128 с.

Бюджет времени трудящихся промышленности (методические рекомендации и материалы исследования) / Отв. ред. В. Д. Патрушев. М.: ИСИ АН СССР, 1984. 137 с.

Караханова Т. М. 2016. Российская повседневность в показателях времени (1965–2014 гг.) // Россия реформирующаяся: Ежегодник. Вып. 14 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф. 496 с.

Караханова Т. М., Большакова О. А. 2016. Бюджет времени рабочих как отражение их реального поведения в повседневной жизни (1965–2014 гг.) // Вестник Института социологии. № 3 (18). С. 71–96. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/vestnik_is_2016_18.pdf [Дата посещения: 17.08.2017].

Караханова Т. М., Бессокирная Г. П., Большакова О. А. 2014. Труд и досуг рабочих (Программа, инструментарий и некоторые предварительные результаты повторного исследования). М.: Институт социологии РАН. 162 с. // Официальный сайт ИС РАН. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=3224> [Дата посещения: 17.08.2017].

Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А. 2013. Рабочая молодёжь сегодня: образование, профессия, социальное самочувствие // Социологическая наука и социальная практика. № 2. С. 21–38.

Повседневная деятельность городских жителей в годы реформ: бюджет времени, ценности, тенденции (1986–2008) / Под общ. ред. Т. М. Карахановой. М.: Институт социологии РАН, 2010. 344 с.

Труд и занятость в России. Стат. сб. М.: Росстат, 2015. 274 с.

Салаи А., Ферге С., Гогель К., Патрушев В., Раймонд А., Шейх Э., Шнейдер А. 1969. Международное сравнительное исследование бюджета времени. Доклад, представленный VI Всемирному социологическому конгрессу. Эвиан, 1966, 4–11 сентября / Отв. ред. В. Д. Патрушев. Новосибирск: Наука. 146 с.

Шнуренко Т. И. 2015. Ценностные ориентации молодежи как основа духовной безопасности России // Система ценностей современного общества: сборник материалов XLII Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск: Издательство ЦРНС. С. 117–120.

DOI: 10.19181/vis.2017.22.3.473

The Common and the Particular in Using the Time-Resource of Everyday Life Among Workers of Various Ages

Karakhanova Tatiana Murtazaevna

Candidate of Economic Sciences, leading research fellow, head of group of time budget use and daily activity research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: patruhev@isras.ru

Bolshakova Olga Alexandrovna

Candidate of Sociological Sciences, senior research fellow, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: patruhev@isras.ru

Abstract. This article continues the analysis of workers' actual behavior in areas such as labor, everyday life, recovery and self-development, the results of which were described in an authors' publication issued in this journal back in 2016, called "Workers' time budget as a reflection of their actual behavior in everyday life (1965–2014)". A comparison is drawn between workers' social characteristics depending on their age. While utilizing objective time-use parameters combined with subjective evaluations of everyday life labor fields, this article examines such an issue as age differentiation in the behavior of workers', the latter being composed of several generations of Russian people who received professional training during Soviet and post-Soviet years. An evaluation and interpretation is carried out of the degree of alignment or misalignment of parameters such as time structuring and the importance of separate activity type groups among workers of various age groups. Characterized are common and special traits in workers' behavior depending on their social characteristics, the latter being factors such as gender, age, marital status, education and professional qualification. Determined are several generations' of workers attitudes towards moral standards as a fundamental factor in their actual behavior in the primary fields of everyday activity. Accentuated is the behavior of young workers, as well as the distinctive features of their adaptation practices when it comes to time-use, which could point to a possible perspective direction of transformation in the conscience, behavior and value orientations among workers. A combined array of data on the time budget of workers, who were interviewed in 2014 at industrial enterprises in Vladimir, Omsk and Pskov, is used as an empirical base for this article.

Keywords: time budget, workers, age groups, social characteristics, labor, everyday living, recovery, self-development, moral standards.

References

Biudzhët vremeni i peremeny v zhiznedeyatel'nosti gorodskikh zhiteley v 1965–1998 godah [The time budget and changes in the livelihoods of urban residents in 1965–1998]. Ed. by T. M. Karahanova. Moscow, IS RAS publ., 2001. 128 p. (in Russ.)

Biudzhët vremeni trudiashchikh promyshlennosti (metodicheskie rekomendatsii i materialy issledovaniya) [The time budget of industrial workers (methodological recommendations and research materials)]. Ed. by V. D. Patrushev. Moscow, ISI SAS publ., 1984. 137 p. (in Russ.)

Karakhanova T. M. Rossiyskaya povsednevnost' v pokazatelyakh vremeni (1965–2014 gg.) [Russian daily life in terms of time (1965–2014)]. Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik. Release 14. Ed. by ac. M. K. Gorshkov. Moscow, Novy khronograf, 2016. 496 p. (in Russ.)

Karahanova T. M., Bessokirnaya G. P., Bol'shakova O. A. Trud i dosug rabochikh (Programma, instrumentariy i nekotorye predvaritel'nye rezul'taty povtornogo issledovaniya) [Work and leisure of workers (Program, toolkit and some preliminary results of the re-examination)]. Moscow, IS RAS publ., 2014. 162 p. (in Russ.)

Karahanova T. M., Bol'shakova O. A. Biudzhët vremeni rabochikh kak otrazhenie ih real'nogo povedeniya v povsednevnoy zhizni (1965–2014 gg.) [The time budget of workers as a reflection of their real behavior in everyday life (1965–2014)]. Vestnik Instituta sotsiologii, 2016, no 3 (18), pp. 71–96. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/vestnik_is_2016_18.pdf [date of visit: 17.08.17]. (in Russ.)

Konstantinovskiy D. L., Voznesenskaya E. D., Cherednichenko G. A. Rabochaya molodiyozh segodnya: obrazovanie, professiya, sotsial'noe samochuvstvie [Working youth today: education, profession, social well-being]. Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika, 2013, no 2, p. 21–38. (in Russ.)

Povsednevnyaya deyatel'nost' gorodskikh zhiteley v gody reform: biudzhët vremeni, cennosti, tendencii (1986–2008) [Daily activities of urban residents during the reform years: time budget, values, trends (1986–2008)]. Ed. by T. M. Karahanova. Moscow, IS RAS publ., 2010. 344 p. (in Russ.)

Salai A., Ferge S., Gogel' K, Patrushev V., Raymond A., Sheykh E., Shneyder A. Mezhdunarodnoe sravnitel'noe issledovanie biudzheta vremeni [International comparative study of the time budget]. Ed. by V. D. Patrushev. Novosibirsk, Nauka, 1969. 146 p. (in Russ.)

Shnurenko T. I. Cennostnye orientatsii molodiozhi kak osnova dukhovnoy bezopasnosti Rossii [Value orientations of youth as the basis of Russia's spiritual security]. Sistema cennostey sovremennogo obshchestva: XII International conference working papers. Ed. by S. S. Chernov. Novosibirsk, CRNS publ., 2015, pp. 117–120. (in Russ.)

Trud i zanyatost' v Rossii. Statistical digest [Labor and Employment in Russia]. Moscow, Rosstat publ., 2015. 274 p. (in Russ.)

О новых научных публикациях

Рецензия на монографию «Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа)»

Харитонов Евгений Михайлович –
доктор социологических наук, профессор,
академик Российской академии наук, научный
руководитель ФГБНУ «ВНИИ РИСА», Краснодар

Хунагов Рашид Думаличевич –
доктор социологических наук, профессор,
ректор Адыгейского государственного
университета, Майкоп

E-mail: khunagov-rd@mail.ru

Рецензия на монографию «Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа)»

Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования
и маркетинга, 2016

DOI: 10.19181/vis.2017.22.3.475

Как свидетельствует всемирная история, колыбелью человеческого рода является село. И действительно, люди издревле пытались обуздать превосходящие силы природы, подчинить их своему жизненному укладу и на основе этого сформировать определённый хозяйственно-культурный тип бытия. Обретая таким образом физическую, а затем и духовную свободу от мира природы, человек создаёт особую поселенческую структуру, которая полностью соответствует его хозяйственно-экономическим интересам и мировоззренческим интенциям. Более того, село становится сакральным пространством, в рамках которого продуцируются и сохраняются традиционные ценности на многие века. В ходе дальнейшего развития человеческой цивилизации происходит нарастание значения прагматических ценностей в жизни социума, и со временем зона комфорта, выстроенная в сельской местности, постепенно перемещается в города. Вместе с этим процессом происходит размывание традиционных ценностей, рационализируются поведенческие практики и девальвируется значение сельской жизни в представлении современного человека, а значит и порождается системный кризис человеческого существования. Особо драматично процесс ослабления села протекает в России, в которой до начала XX в. подавляющее число жителей населяло сельскую местность. Поэтому обращение к вопросам поиска смысла бытия селянина, актуальным социально-экономическим проблемам отечественного села и перспективам его развития является своевременным и в научном плане крайне востребованным.

В рецензируемой монографии проводится анализ целого спектра социально-демографических проблем, с которыми столкнулись жители сельской глубинки: процесс старения сельского населения, «вымывание» жителей молодого возраста, ослабление влияния специалистов сельскохозяйственного производства (с. 14–15). Объяснение происходящему даётся через призму возрастания роли и значения материальных ценностей, воцарения экономико-центричного подхода как безальтернативного принципа реализации жизненных смыслов и ослабления веры в светлое будущее села в условиях его депопуляции.

Особый интерес вызывает логика изложения теоретического и эмпирического материала. Монография состоит из трёх разделов. В первом раскрывается специфика жизненных смыслов сельского населения в основных сферах общества, на основании выделения которой авторский коллектив проводит сравнительный анализ институциональных и социально-структурных смыслов жизнеустройства.

Отдельного внимания заслуживает проблема раскрестьянивания села как магистральная тенденция изменения смысла жизненного мира сельских жителей. Как справедливо отмечает Р. И. Анисимов, раскрестьянивание обусловлено процессами социально-экономической дифференциации сельчан, наступлением латифундий, земельной приватизацией, обезземеливанием крестьян и переводом их в разряд наёмных работников. Однако если крестьяне имперской России хотели иметь землю и работать на ней, то современные сельчане утрачивают эту мотивацию. Утрата мотивации работы на земле отчасти начала проявляться в советский период, но в рыночной стихии она усилилась. Тем самым автор диагностирует назревание онтологического кризиса села, который проявляется в вымирании основной социально-экономической и демографической единицы – крестьянства. Показательно, что аграрная реформа 90-х гг. XX в., направленная на демонтаж колхозно-совхозного строя и создание слоя частных земельных собственников – фермеров – не дала ожидаемых результатов. Культивирование принципов рыночной экономики лишь усугубило кризис сельской местности, которая оказалась не подготовленной к столь стремительному проникновению законов спроса и предложения в систему мир-хозяйственных отношений. Нехватка ресурсов, безудержная ориентация на городской образ жизни вынуждают крестьян отказываться от труда на земле, а наиболее их уязвимую часть выталкивают в город.

Изменение принципов экономического позиционирования сельской местности неизбежно отражается на всех сферах человеческой жизни и прежде всего на политической и духовной. Так, политическое сознание жителей российского села характеризуется неопределённостью политических взглядов и воззрений, размытостью мировоззренческих установок, низкой политической компетентностью, дистанцированностью и равнодушием, отсутствием интереса к политической жизни страны (с. 86), а духовная жизнь – ослаблением влияния культурных институтов на формирование ценностных ориентаций селян.

Сложность и неоднозначность содержания смыслов жизнеустройства на селе находит глубокое отражение во втором разделе рецензируемой монографии. Посредством чётко выстроенной исследовательской матрицы авторский коллектив анализирует ключевые проблемы сельского бытия (демография, сохранение традиционного семейного уклада, здравоохранение, образование). При этом содержательные характеристики

институционального смыслотворчества сельского социума подаются не сухо, излишне академично и беспристрастно, а с ярко выраженным желанием провести комплексную диагностику наиболее злободневных и жизненно важных аспектов сельского бытия, проанализировать общественные настроения на селе, на основании чего предложить конкретные меры по выходу села из состояния затяжного кризиса.

Импонирует и то, что в монографии затрагивается извечная проблема сельской молодёжи – остаться на селе или уехать в город. Рассматривая основные причины стремления молодых людей покинуть село, исследователи выделяют экономическую неудовлетворённость, низкий уровень развития социальной инфраструктуры, недостаточно высокий уровень развития духовной сферы, ослабление рекреационного потенциала села. Обозначенные причины в совокупности дают мультипликативный эффект, и сельская молодёжь, поддаваясь соблазнам инфантильного снобизма, «цивилизационного рая» и комфортного бытия в урбанизированном пространстве, манифестирует свою интенцию разрыва онтологического единства с сельской жизнью. И всё же, несмотря на то, что органы статистики фиксируют стабильно высокий миграционный отток сельского населения в город за счёт самой трудоспособной и грамотной молодёжи в возрасте от 18 до 35 лет, авторы на основании проведённого социологического исследования делают жизнеутверждающий вывод: наличие востребованности в виде стабильной работы и социальной значимости – серьёзная причина, чтобы остаться жить на селе (с. 234).

Наконец, в третьем разделе исторически осмысливается и социологически интерпретируется опыт поиска жизненных смыслов населения двух сельских поселений. Одно расположено в Тверской губернии, а второе (Копанка) – в Молдавии. Казалось бы, географическая удалённость и этнокультурные различия должны служить непреодолимым барьером для описания их быта. Однако, проанализировав их духовный и материальный быт, особенности отношения к труду как символическому капиталу селянина, специфику эстетического облика села и природу интенциональной предрасположенности сельских тружеников не только к физической работе, но и к усвоению интеллектуального наследия страны, авторы фиксируют цельность образа селянина, его имманентную природу собственника, созидателя и труженика, растрачивание творческого потенциала которого не сулит стране никаких перспектив.

Похвально, что авторский коллектив в целях достижения лучшего уяснения сложных сюжетов исследования прибегает к ярким образным сравнениям из обыденной жизни. Так, характеризуя противоречивость духовной жизни села 1920-х гг., Г. А. Цветкова отмечает, что, с одной стороны, «как будто очень велики перемены, с другой – слишком жива раздирающая

сельское бытие дуальность традиционного и инновационного начал в первую десятилетку существования советского государства. Далее она пишет, что в селе «чувствуется неизмеримо большая стихийность жизни: то всё идёт полосами, то все делают одно, то все делают другое, господствует обычай, очень велика инертность и в хозяйстве, и в жизни вообще» (с. 291). Показательно, что приведённое описание может служить весьма показательной и точной характеристикой духовного состояния российского села и в начале XXI в.

Монографическое исследование обладает несомненной научной новизной, которая выражается в проведении авторским коллективом ретроспективного анализа эволюции жизненных смыслов сельских жителей, выявлении специфики жизненного смысла в полисферальном пространстве сельского социума, определении объективных факторов экономической и культурной дифференциации сельского населения в условиях деформированной социальной инфраструктуры села, объяснении позитивной роли интеллигенции в конструировании смыслообразующего пространства сельской жизни. При этом важно отметить, что данная работа является своего рода пионером в экспликации процесса фундирования смыслотворческих детерминант сельского населения с позиций социологии жизни, которая позволяет существенно расширить онтологическое понимание сельской жизни как оптимальной модели человеческого бытия. Кроме того, в настоящей монографии на основе широкой эмпирической базы всесторонне рассматриваются и комплексно анализируются факторы депопуляции села, которые объясняются не только с позиции механических процессов (миграция, старение населения, низкий уровень развития системы здравоохранения и т. д.), но и структурными сдвигами в сознании сельского населения (ослабление системы взаимопомощи, рост эгоизма, прагматизма, агрессивная культивация и активная адсорбция утилитарно-гедонистических ценностей в молодёжной среде). Наконец, важнейшим новаторским элементом настоящего исследования является небезуспешная попытка обоснования конструктивной и созидательной роли человеческого труда в выстраивании мирхозяйственных отношений в современном селе.

На основании проведённого исследования, которое не ограничилось применением сугубо социологической методологии, а задействовало в своём арсенале методы исторического, культурологического, политического и экономического анализа, авторским коллективом был разработан теоретико-методологический конструкт изучения социостратификационных особенностей сельского населения. Принципиально важно, что понимание предложенной стратификационной матрицы не сводится к её марксистской (классовый подход) или веберовской интерпретации (собственность, власть, престиж), а идёт

значительно дальше. Дело в том, что обращение к социальной феноменологии в процессе описания смыслообразующих установок сельской жизни позволяет актуализировать не только бесконечные антагонизмы схематического понимания социальной структуры села, но и выявить латентный и вместе с тем прочно укоренившийся в сознании сельских жителей разрыв интенциональных установок интеллигенции и сельских тружеников. Первые несут в жизнь сельского общества принципы активного реформаторства на словах, но по факту уровень их гражданской активности оказывается крайне низким за счёт неверия в собственные силы и «воображаемого» отсутствия необходимых возможностей, позволяющих влиять на происходящие вокруг события (с. 267). Вторые, занимая активную жизненную позицию, в процессе хаби́туализации рутинизированных практик размеренной трудовой деятельности становятся яркими адептами консервативных устоев сельской жизни. Тонко подмеченная Ж. Тощенко тезауричность смысловых установок селян не находит своего разрешения, ибо поиск компромисса между реформаторским и консервативным сценарием наталкивается на рифы глобализации, что лишь обостряет борьбу, не синтезируя, а размывая контуры указанных бинарных оппозиций.

Заканчивая анализ коллективной монографии под редакцией выдающегося российского обществоведа Ж. Т. Тощенко, хотелось бы ещё раз заметить, что эту самобытную книгу можно рекомендовать не только учёным-социологам и философам, но и управленцам, от которых зависит будущее села. Она будет полезна и всем тем, кому небезразличны проблемы крестьянства, кто так или иначе интересуется истоками, конкретными проблемами сельской жизни и перспективами развития села в будущем. Но самое главное – она окажется, пожалуй, крайне полезной книгой-диагнозом для самих сельских жителей, которые с изданием настоящей монографии обретают возможность панорамно взглянуть на суровые будни своего бытия.

DOI: 10.19181/vis.2017.22.3.475

Review of the Monograph: The Senses of Rural Life (The Experience of Sociological Analysis)

Ed. By J.t. Toschenko. Moscow, 2016

Kharitonov Eugeny Mikhailovitch

Doctor of Sociological Sciences, professor, member of RAS, scientific director of the Rice Institute of RAS, Krasnodar, Russia. E-mail: arrri_kub@mail.ru

Khunagov Rashid Dumalievitch

Doctor of Sociological Sciences, professor, Chancellor, the Adygeya State University, Maycop, Republic of Adygeya, Russia. E-mail: khunagov-rd@mail.ru

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Издатель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Председатель международного редакционного совета:
Кравченко Сергей Александрович

Главный редактор:
Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:
Зинаида Тихоновна Голенкова,
Полина Михайловна Козырева,
Ирина Альбертовна Халий

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Редактор: Ольга Александровна Амелькина

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором 19 октября 2012 г.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77–51453

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

E-mail: vestnik@isras.ru

Размещение журнала: <http://www.vestnik.isras.ru>